Сура

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

4 (134)

ИЮЛЬ - АВГУСТ

Если вы будете работать для настоящего,
то ваша работа выйдет ничтожной;
надо работать, имея в виду только будущее.

А.П. Чехов

В НОМЕРЕ:

Литературному журналу «Сура» — 25! Поздравления с юбилеем 3

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Анна МАРТЫШИНА. Проснуться счастливым. Стихи 10
Захар ПРИЛЕПИН. «Во тьме шагаю напрямик...» О Борисе Корнилове. Окончание 14
Диана КАН. Всегда — единственный вопрос. Стихи 37
Василий ШВАРЁВ. Закон контраста. Рассказ 42
Поэзия клубов «Суры» 58
Семён КАМИНСКИЙ. Судьба барабанщицы. Рассказ 89
Яков МАРКОВИЧ. Душа на ладони. Стихи 103

ДАТЫ

Николай ИНЮШКИН. Страницы жизни провинциала. Главы новой книги. К 80-летию автора 107

ПАМЯТЬ

Дмитрий МУРАШОВ. Предсказания Ключевского 142
Евгений ПЕРЕЛЬРОЙЗЕН. Дело Рауля Валленберга: прием у Сталина 15 июня 1946 года 147

НО СКАЗАННОЕ СЛОВО ОСТАЁТСЯ.

Николай КУЛЕНКО. Как создавалась «Сура»? К 25-летию журнала 151
Эдуард АНАШКИН. Многогранность «Суры». К 25-летию журнала 155
Елена ЧЕБАЛИНА. Нескучная школа «Суры». К 25-летию журнала 159

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Алексей БУНИН, Анастасия ЗОТКИНА. Неизвестная повесть А.С. Пушкина, или Открытие дилетантов 163
Валерий СУХОВ. «...Вперед от Пушкина». Пушкинские традиции в творчестве А.Б. Мариенгофа 183
Алексей КУРИЛКО. Морской лев литературы. Анализ главного произведения Эрнеста Хемингуэя 188
Сергей КОРОБОВ. Чтобы помнили. К 75-летию со дня начала Великой Отечественной войны 204

ДЕБЮТ

Ксения МОСИНА. О чуде. Стихи 206
Анастасия УСТИНОВА. В прицеле любви. Стихи 210

ПЕСЕННАЯ ПЕНЗА

Роман ДАВЫДОВ. «Русь единая» 215

Об авторах 218

© Редакция журнала «Сура»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, АВТОРЫ И РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «СУРА»!

В этом году вы отмечаете ваш общий юбилей — 25 лет со дня выхода в свет первого номера журнала. За эти годы издание получило широкую известность. Сегодня о «Суре» говорят как о всероссийском журнале с пензенской пропиской. Несомненно, это признание заслуг творческого коллектива редакции, который не только дает путёвку в жизнь новым авторам и молодым талантам, но и формирует читательский интерес к культуре родного края.

Как говорил известный российский ученый-литературовед и общественный деятель Дмитрий Сергеевич Лихачёв, «понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только в связи со своей родной страной».

Пензенский край стал источником вдохновения для многих великих поэтов и прозаиков: М.Ю. Лермонтова, А.Н. Радищева, В.Г. Белинского, А.И. Куприна, Н.С. Лескова, В.О. Ключевского, И.И. Лажечникова, И.А. Крылова, А.С. Грина, ставших классиками русской литературы. Одни из них родились на пензенской земле, другие долгое время здесь жили. Мы гордимся ими. Все они оставили свой след в мировой культуре, и их имена навечно вписаны в летопись Пензенской области.

Ваш журнал продолжает нести высокую миссию развития лучших литературных традиций. В своих произведениях авторы журнала отражают и доносят до читателей размышления о своем поколении и «героях нашего времени». Вы учите понимать прекрасное и прививаете любовь к родной земле.

В год юбилея хочется пожелать творческому коллективу открытия новых литературных талантов, которые пополнят плеяду наших великих земляков и прославят Пензенскую область далеко за ее пределами.

С юбилеем вас, дорогие друзья!

Губернатор Пензенской области И.А. Белозерцев

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Общероссийская общественная организация

ПРАВЛЕНИЕ

119146, МОСКВА, Комсомольский проспект, 13 **т. 8-499-255-77-76**

ТЕЛЕГРАММА

Дорогие друзья!

Уважаемые члены редакции, авторы и сотрудники литературного журнала «Сура», а также её верные читатели!

От всей души поздравляем вас с 25-летним активным существованием на поле российской литературы! Все эти годы ваше издание поддерживают вера и любовь ваших постоянных читателей и их нетерпеливое ожидание выхода каждого нового номера журнала. За прошедшие четверть века ваша «Сура» стала родной для всех, кто все эти годы встречается с журналом: кто пишет для него статьи, стихи, интервью и рассказы, делится жизненными впечатлениями и, конечно же, его с удовольствием читает. Сегодня на страницах «Суры» публикуются авторы из 10 стран мира и 40 регионов России! Это поистине даёт основание назвать вашу «Суру» всероссийским журналом с пензенской пропиской.

Ваш журнал – это подлинная часть жизни каждого, кто его сердечно любит. В нём ощущается неразрывная часть ваших писателей с жизнью, с культурой и политикой нашей страны, с её людьми. Через тесную связь писателей с читателями «Сура» становится всё более интеллектуальным изданием, наполняя души людей любовью к нашему Отечеству, почтением к его истории, уважением к правдивому и честному литературному слову.

Двадцать пять лет существования журнала – это свидетельство того, что он является нужным для жителей пензенской земли, да и не только пензенской, а читателям всей нашей России. Пожелаем же ему долгого счастливого пути и добрых отношений с читателями.

Секретариат правления Союза писателей России

Уважаемый Борис Владиленович,

25 лет назад, став преемником литературно-художественного альманаха «Земля родная», «Сура» продолжила его лучшие краеведческие традиции и сегодня завоевала прочное место среди литературных журналов страны.

Для многих россиян, и не только пензенцев, «Сура» — незаменимое периодическое литературное издание, которое знакомит с произведениями прозаиков, поэтов, публицистов области и страны. Будучи постоянными читателями журнала, отметим, что часто ему мы обязаны осведомленностью о многих именах и талантах. Их поиск, как и поиск настоящей литературы, заставляющей думать и сопереживать, а также освещение материалов о малой Родине — Пензенском крае — остается неизменным на всем протяжении существования «Суры».

Искренне благодарим Вас и всех сотрудников журнала за труд и желаем новых идей, талантливых авторов, благодарных читателей, больших тиражей.

Музей-заповедник «Тарханы» и

Т. Мельников

Управление культуры и архива Пензенской области

Государственное бюджетное учреждение культуры

«ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»

ул. Кирова, 2, г. Пенза, 440000, Россия
Телефон: (841-2) 56-10-10 Телефакс: (841-2) 56-10-15 E-mail: muzlitpenza@bk.ru

Дата «16 » июня 2016 г.
№ 319

Уважаемый Борис Владиленович!
Уважаемые сотрудники редакции журнала «Сура»!

Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области сердечно поздравляет вас со знаменательной датой — 25-летием журнала, известного уже не только в России, но и за ее пределами.

На протяжении многих лет нас связывают тесное взаимное сотрудничество, теплая человеческая дружба и понимание, которые позволили реализовать не один творческий проект — литературные конкурсы, поэтические фестивали, литературные праздники, ставшие заметным явлением в культурной жизни области.

Нас объединяют единые цели: популяризация богатого литературного наследия Пензенского края, воспитание в молодом поколении любви и уважения к истории России и нашей малой родине.

Ваши постоянные авторы не только известные литераторы, историки, краеведы, но и молодые талантливые поэты и прозаики, которых журнал активно поддерживает, многим из которых дал путевку в большую литературу.

Во все времена журнал «Сура» занимает активную общественную позицию и играет важную роль в формировании гражданского общества.

Желаем коллективу журнала новых талантливых авторов, интересных публикаций, умных читателей и большого тиража.

С почтением,
генеральный директор Н.И. Никулаенкова

KONTINENT
media group
233 S. Wacker Drive, 84th Floor, Chicago, IL 60606
Phone: 1-888-995-1112
www.kontinentusa.com
kontinentmedia@hotmail.com

Российская Федерация
Город Пенза
Редакции литературного журнала “Сура”
Главному редактору Борису Шигину

Дорогие коллеги!

Чикагская медиагруппа “Континент” сердечно поздравляет вас с двадцатипятилетним юбилеем журнала “Сура”!

Мы хорошо знаем и любим ваше замечательное издание, регулярно публикующее произведения не только ведущих литераторов России, но и многих известных русскоязычных авторов, живущих за рубежом. Мы отлично понимаем, как это непросто в наши дни по-настоящему современно и качественно выпускать литературный журнал класса “Суры”.

Пусть на вашем непростом творческом пути будет поменьше проблем, пусть всегда поступает к вам достойное финансирование от щедрых спонсоров и настоящих друзей журнала. Здоровья и радости вам и вашим семьям, внимательных и преданных читателей журналу “Сура”!

Главный редактор медиагруппы “Континент”

Игорь Цесарский

Ведущий литературного раздела

Семён Каминский

Чикаго, США
Июнь, 2016 год

Министерство культуры Российской Федерации

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО»

123104 Москва, Тверской бульвар, 25. Факс (495) 694-06-61, тел. 694-06-61, e-mail: rectorat@litinstitut. ru

№_____

21 декабря 2015 г.

Коллективу
литературного журнала
«СУРА»

Уважаемые коллеги!

Литературный институт имени А.М. Горького поздравляет вас с 25-летием издания. Мы понимаем, каких усилий требует в настоящем сохранение литературного журнала, необходимого для духовной жизни не только региона, но и России, поэтому желаем вам не только творческого успеха и здоровья сотрудников, но стойкости и экономического благополучия.

С уважением,
И.о. ректора А.Н. ВАРЛАМОВ

Фонд содействия развитию русской культуры

442250, Пензенская область
г. Белинский, Советская площадь, дом 1

15 июня 2016 г.

Отделение: 107392, г. Москва, Халтуринская улица, дом 18.

Здравствуйте, Борис Владиленович!

В начале осени всероссийски известный журнал «Сура» отмечает славную 25-летнюю годовщину со дня выхода первого номера.

За прошедшее время на литературной карте России журнал не затерялся, а напротив — сияет яркой звездой на небе современной русской литературы в лучшем её проявлении.

Не каждый регион России может похвастаться таким интересным изданием, достойно продолжающим традиции Белинского и Лермонтова. Желаю Вам и всей редакции журнала новых творческих успехов!

С уважением,
вице-президент Фонда содействия
развитию русской культуры В.В. Нефёдов

* * *

Шлю горячие пожелания сотрудникам журнала «Сура» в связи со славным 25-летием! Надеюсь, что будет еще много интересных публикаций о жизни и творчестве Анатолия Борисовича Мариенгофа.

С самыми добрыми пожеланиями,

Гордон Маквей, профессор, доктор филологии,
автор книг «Жизнь Есенина» и «Айседора и Есенин»,
вышедших на английском языке. (McVay G. Isadora and Esenin. New York:
Ann Arbor, 1980;McVay G. Esenin A Life. New York: Ann Arbor, 1988).

Англия, Бристоль

Анна МАРТЫШИНА

ПРОСНУТЬСЯ СЧАСТЛИВЫМ

Стихи

МАРТ

У весенней лужи внутри выжидает зелень.
Каждый выжатый выдох размашист и можжевелен,
Словно брызги вспыхнувшей грязи из-под колес.

И откуда такое солнце в тебе взялось?
Ты оранжевый, как золотой Колосс,
И вокруг не стряслось ни мазка, ни клочка тени.

Я — во все глаза — как нищий из богадельни,
И во всю улыбку — разрывов, ручьев, расщелин —
До тебя расту, и страшно от высоты.

А меня когда-то влекли в глубину кроты —
Чернотой дышать и за корни держать цветы,
Кожей видеть, который из них ал.

А теперь — кромешный воздух, весна, вокзал,
Я едва промолчала — ты высмотрел и сказал,
И тончайшим мурашечным воском покрылась кожа.

Так дышу, как будто во мне человек ожил
И, оживший, раскрыл глаза и себя узнал.

* * *

Взгляд — и синяя тундра в глазах
зарастает цветами.
Слово — дыбом чешуйки у внутренних
ласковых рыб.

Кто-то гордый и слабый на взрезанном вдохе погиб,
Уступая дыханье тому, что растет между нами.

Вихрем ворохи нервов сгорают в моей голове,
Возвращая душе необъятную древнюю силу.
Молодой Посейдон поднимает на лёгкие вилы
Золотых муравьёв, леденеющих в быстрой воде.

А над миром — твоё нутряное, горячее Солнце
Льётся брызгами музыки в горное сердце пород,
И земное ядро оживает и медленно бьется,
А в груди продолжается — лезвием — ледоход.

* * *

В свежую рану ручья вмерзла хрипящая нота,
Лес, оступившись, пахнул ледяным и стеклянным,
Девочка пепельным ластиком трет основанье картинки,
Чуя себя за кудрявыми перьями красок.

Если внутри обнаружить останки больших животных,
Глубже — кишащие солнцем и смертью поляны,
Где одноклеточный бог собирается по крупинкам
Страха, любви, хромосом, разрушений, связок,

Станет понятно, какое старое тело
Носит тебя. Как устала в тебе природа
Слепо тянуть монотонную длинную фразу,
И не пытаясь осмыслить и завершить.
Снова и снова вставать из земли и жить.
Почву питать и пускать в неё метастазы,
Видеть, как в людях седеют горы и годы,
И не заметить, как будущее поседело.

Девочка смотрит на белое дно картины,
Струи деревьев парят над водой и мелом,
Стебель ручья упирается в чистый иней,
Жизнь начинается в белом и кончится в белом.

* * *

И качнул неоновой кроной прозрачный город,
Ощущая корнями упругие, стылые воды,

И дохнул закопанным запахом старой оды,
У которой словесный нарост до костей содран.

И такое белесое взвыло небо,
Словно лунная кипень кустами в снегу покопалась.
Так к прозрачному городу мягко подкралась старость
И застыла под сердцем капелькой мертвой вербы.

ПРОСНУТЬСЯ СЧАСТЛИВЫМ

Иероглифы льдинок растут на проплешинах марта.
В тихих лодочках глаз зреют звонкие, сладкие сливы.
В нашем городе нежится детство громадного Сартра,
Только здесь он бы смог ненадолго заснуть счастливым.

Сквозь кустистые тучи глядит постаревшее солнце,
Ночь теплеет вдали, а оно и в упор не видит.
В этом городе много того, что уже не проснётся.
Снег похож на пюре из мороженых, серых мидий.

И от моря на улицах только обломки лодок,
Лоскуты парусов согревают людей в могилах.
Видишь, там, на дороге, старик! Это мой одногодок,
Он когда-то умел просыпаться святым и счастливым.

Вызревает весна. Подо льдом оживают осы,
Заливают жужжанием мятую быль и небыль.
Но летят из подвалов бабочки туберкулёза.

Нашему миру для счастья не хватит хлеба.

* * *

Яростная, чистая весна
с синяками вспененных затмений...
Дым косматых, перезревших сил,
мертвый гром, не рухнувший ни разу,
и крылатый, режущий металл
хлестких зерен белоснежной соли.

Собери замерзшему пророку
корочки вчерашнего тепла.

* * *

А в голове устали говорить
И сели думать у глазных провалов,
Вздыхать о том, что небо стало старым
И отсырел его винтажный мрамор,
А где-то в паутинах бьётся сыть.

А в голове устали повторять,
Листать когда-то нужные заметки,
Побитые густейшей школьной клеткой,
В которой вышито божественное «пять».

И ёлка, желтая от пыли и тепла,
Угрюмо намекает, что пора бы
Её похоронить под баобабом
В гирляндах из игрушечного зла.
Но никакого баобаба нет.
Есть снег, есть город в ёлочных игрушках,
Есть человеческие светлые макушки,
Торчащие из клеток и карет,

Есть я.
Я говорю, и я устану,
И сяду думать в лодочку подъезда.

И разгляжу, как в мире мало места,
Как рвётся воздух тонким белым тестом
И каждый след в Земле дырявит рану.

Захар ПРИЛЕПИН

«ВО ТЬМЕ ШАГАЮ НАПРЯМИК...»

О Борисе Корнилове

ТРЕУГОЛЬНИК, ЧЕТЫРЁХУГОЛЬНИК, МНОГОУГОЛЬНИК

В октябре 1928-го начинаются легкие неприятности у литобъединения «Смена». Группу всё чаще обвиняют в формализме, а именно: в пристрастии к акмеизму, «в отрыве от политических задач», «отсутствии классового мировоззрения». Причём периодически достаётся именно Берггольц, как самой легкомысленной. Мудрено ли — ей всего 18 лет: политические задачи не самые первые в списке её интересов, хотя, с другой стороны, и она политизирована и ярко верит в свою страну.

Корнилову тоже попадает, но меньше.

Рецензии на его первую книжку в целом положительные. По крайней мере не разносные. В «Звезде» вышла одна, другая — в «Смене».

Пишут, что из литобъединения «Смена» Боря Корнилов — самый ничего себе. Лирический парень такой. «Музыку» отмечали, сказали: Есенин преодолён.

Всё в порядке, в общем, надо работать, причин для грусти нет. Когда бы не семейная жизнь!

Отношения между Борисом и Ольгой сразу пошли наперекосяк. Чего там только не было намешано!

Для начала, оба, наверное, оказались не очень готовы к ребёнку.

Борис не пришёлся по нраву богомольной родне Ольги, и матери, и бабушке, и тёткам: он-то, как положено вчерашнему комсомольскому вожаку, был воинствующим атеистом.

Молодой папаша бродил по своим делам, понемногу накидывал за воротник.

** Окончание. Начало в № 3 за 2016 г.*

Ольга в дневнике называет дочку «сторож» — и обожает при этом, хотя иногда словно уговаривает себя, рассказывая, как любит свою Иру. И дальше снова: «Ребёнок поглощает всё моё время. Я связана по рукам и ногам».

Денег у молодых нет — берут взаймы у матери Ольги (через несколько месяцев совместной жизни должны уже 150 рублей — по тем временам заметная сумма).

Отец Берггольц, Фёдор Христофорович, ставит дочери на вид: сидишь на шее у матери, ни черта не зарабатываете, поэты, а сам при этом пьёт и гуляет.

Наконец какие-никакие, но дела у Корнилова шли всё лучше — а у Берггольц пока нет. Он уже нашёл свой голос, его влекло по дороге, которую он предчувствовал, осознавал, а она про себя не понимала: какой быть, как писать, где её интонация.

Она не ревновала мужа к успеху, и даже, напротив, гордилась, по крайней мере, пока испытывала к нему любовное чувство, но одновременно с этим пребывала в терзаниях, что её время проходит впустую, ничего не получается, а должно бы.

Впрочем, всё это фон.

Главной причиной разлада была обоюдная и вполне обоснованная ревность.

Корнилов помнил свою Таню и тосковал о ней. Кажется, что в Семёнове он оставил что-то большее, чем получил здесь. Та — ласковей, мягче, податливей, эта — резче, обидчивей и с самого начала даёт ему почувствовать, что не одним им мир полон.

Ольга заглядывает в чемодан мужа, обнаруживает там продолжение его переписки с бывшей. Читать не стала, сдержалась, но за одну строчку зацепилась, письмо Степениной заканчивалось так: «Целую. Твоя Танюрка». А до этого, посреди страницы, вопрос: «Любишь ли меня, Боря?»

Значит, он ещё не порвал с ней. А в стихах писал, что забыл. Не забыл.

Ольга, как заговорённая, сотню раз за день повторяет: «Целую. Твоя Танюрка. Целую. Твоя Танюрка. Целую-твоя-Танюрка. Целуютвоятанюрка. Целуютвоятанюркацелуютвоятанюрка».

Сама, впрочем, тоже хороша; записывает в дневнике: «...чувствую, как накопляется во мне электричество: хочется дурить, бузить, флиртовать, хочется авантюры, много весёлости. Борис однообразен и порою нуден: он больше всего боится моих измен, поэтому исключает весёлые минуты с другими. Но видеть только друг друга... Нет, я люблю его, но одно и то же в течение N`ого срока?»

И ещё признаётся, говоря о муже: «Мне хочется мучить его, говорить колкости».

Это ещё ладно. Берггольц нарочно даёт ему дневник читать — чтоб знал.

В декабре 1928-го — дочери всего два месяца — Корнилов грозится: уйду!

Ольга то останавливает молодого мужа, то говорит: иди куда хочешь. У тебя кольцо лежит, подаренное твоей Танюркой, — отчего ж ты кольцо ей не вернул?

И эти качели раскачиваются месяцами, непрестанно.

«Наверное, это ревность, хотя мне кажется, что не люблю его», — пишет Берггольц в дневнике.

«Когда он в тот день бился и плакал около меня, и уверял, что много, единственно любит, у меня было одно тоскливое желание: никого, никого не любить, ни его, ни дочь, никого. Ну вот, Ирка проснулась».

«Какая скотина Борис… Сволочь. Не люблю! Безденежье».

«Ночи с Борисом не приносят мне радости».

Но уже через несколько дней другое: «Я хочу тягостно-сладких ночей с ним, бесстыдных, сладострастных и мучительных».

Потом заново:

«…ушёл, нехорошо обругав меня. За мелочь. Мы стали такие раздражительные и злые».

«Мне кажется, что я не люблю его. Тягостно. Да скучно.

Читала опять Татьянины письма. Надо опять забраться к нему в чемодан. Завтра же сделаю это, когда встану кормить Ирку. Гнусность какая. Ну и наплевать. На всё наплевать».

С какого-то времени у Берггольц появляются какие-то «лирические герои», к которым её влечёт. Сначала некий Митя, художник, который желает её рисовать, и ей хочется, чтоб её рисовали: «Пусть Борька визжит».

Затем Ольга сразу берёт много выше: Николай Тихонов — поэт, на тот момент по праву претендующий на главенство в литературе наряду с Маяковским, Пастернаком, Сельвинским, к тому же женатый.

Ольга несёт ему стихи. И торопливо записывает:

«Конечно, у меня нет никакого желания “пленить” Тихонова (“обжиг бога”), *но в то же время как бы и есть* <…> Я хотела бы быть «душой общества» в лучшем смысле этого слова. Очень. Я хотела бы быть окружённой особенным каким-то вниманием и, пожалуй, обожанием…

Борька говорит, что очень любит меня. Его родня тоже. *А мне этого мало. Ма-ло*».

В феврале 1929-го Ольга разыгрывает Корнилова — шлёт ему письма от имени некой Галины В.: «Борис, желаю с вами познакомиться». Он, дурья голова, взял и купился, ответил: «Приглашаю вас, Галя, на свидание».

Ольга устроила скандал. Боря, кося своими телячьими печенежскими глазами, всё отрицал. Глупо, а что делать. Не было, говорит, ничего. Чего не было-то, Боря? Вот же твой ответ! Что ж ты за каждой юбкой торопишься, опоздал, что ли, куда?

Он пишет стихи (кстати, прекрасные) про какую-то Александру Петровну — между прочим, Корнилов, как ещё Пушкин завещал, в стихах всякую свою женщину называл по имени, не заботясь о последствиях, — вот и эти стихи публикует в журнале «Звезда»:

Соловьи, над рекой тараторя,
разлетаясь по сторонам,

города до Чёрного моря
называют по именам.
Ни за что пропадает кустарь в них,
ложки делает, пьёт вино.
Перебитый в суставах кустарник
ночью рушится на окно.
Звёзды падают с рёбер карнизов,
а за городом, вдалеке, —
тошнотворный черёмухи вызов,
вёсла шлёпают по реке.
Я опять повстречаю ровно
в десять вечера руки твои.
Про тебя, Александра Петровна,
заливают вовсю соловьи.

3 марта 1929-го Берггольц записывает в дневнике:

«Борька где-то пропадал всю ночь. Пришёл пьяный, противный, прямо отвращение».

«Мать впадает в амбицию, Борька ходит рвать в уборную. Вот оно, семейное счастье…»

«Как я ненавижу Борьку! Как я хотела бы быть свободной».

На следующий день Берггольц в очередной раз находит письма Татьяны, на этот раз уже внимательно читает — и по контексту понимает, что Борис собирается бросить её и дочь. По крайней мере, Берггольц кажется, что там всё именно так и обстоит. Татьяна к тому же пишет всякие колкости про неё.

Скандал. Орут в голос. Буря. Спасайся, Боря.

Отчитывается в дневнике: «В общем, вчера ночью состоялось “примирение”. Борька очень “убивался”, грозил самоубийством».

Видимо, «самоубийство» подействовало: вдруг правда? И что тогда?

Через несколько дней, на очередном взлёте качелей, Ольга вдруг запишет: «Бориса, кажется, люблю».

И после того, как Корнилова расхвалит знакомый литератор — «талантище так и прёт у твоего мужа», — с удовольствием записывает: «Я хотя, кажется, и завидую, но мне это льстит: вот какой он у меня».

16 марта Корнилов принят во Всероссийский союз писателей, 18 марта туда же принята Ольга. Хороший повод, чтоб отпраздновать это вместе и в любви.

Это всё ненадолго, конечно.

Денег по-прежнему нет, Ирка по-прежнему «сторож».

Мало того, подкрадывается невезение и с профессиональной стороны: уже 13 апреля 1929 года Берггольц исключают из Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, обвинив в том, что её творчество «ни в коей мере не является творчеством пролетарского писателя».

В один союз принимают, из другого гонят. Кутерьма! Нервы!

В том же месяце, апреле 1929-го: «…позавчера ночью был один из тех особенно мучительных скандалов с Борисом, которые стали за последнее время просто регулярными в случае моего отказа… Я переутомляюсь. Дорываясь до постели, чувствую себя разбитой. А он просит. Но чувствовать себя машиной, механически исполняя роль жены, — это очень тяжело, я знаю по опыту. В случае отказа Борис злится и (это вошло у него в привычку) рвёт на себе волосы, дрожит, стонет и пр. т. п. Это действует на меня не устрашающе, а угнетающе. А тогда он бил меня. Брр. Как мне стыдно писать это. И ведь это не первый раз. Господи, до чего я дошла?»

И при этом: «Страннее всего то, что сквозь всю эту невозможную накипь я люблю его».

Ольга ходит к Ахматовой, очень её ценит и восхищается ею, тем более, что та хвалит стихи Берггольц, но, когда следом Анна Андреевна вдруг позволяет себе снисходительно оценить Корнилова: «взлёта нет», — реакция Ольги самая правильная: вида не подаёт, но внутренне взбешена: что за мелкую женскую сущность демонстрирует хитрая Ахматова! Как будто Ольга не знает про себя, что стихи у неё самой хуже, чем у Корнилова. И взлёт у него есть, и всё, что нужно.

В мае 1929-го Корнилов едет в Нижний Новгород. Мысли у Ольги, естественно, об одном: он с Таней сейчас, он с Танюркой. Целует её.

О Татьяне пишет: «Хочется даже дружбы с ней. Господи! Представляю её — и сердце становится маленьким».

Что это? Женская солидарность? Какой-то совсем уже новый уровень чувственности?

«Она превращалась в мою манию. Я была точно влюблена в неё», — пишет Ольга.

При иных обстоятельствах такие отношения могли бы закончиться совершенно неожиданным образом, но Корнилов… он всё-таки на Керженце вырос, а не в Швеции. Ему проще было по старинке: и здесь вцепиться, и там держаться.

К лету у Берггольц появляется новый знакомый: 38-летний художник, — уже другой, вполне себе известный, — Владимир Лебедев. Начал он с того же места, что и прежний ухажёр: заметил красотку в редакции «Ежа», попросил познакомить: хочу, говорит, вас рисовать, Ольга.

«…теперь только и живу тем, что снова пойду к нему», — пишет Берггольц.

Каждый день — в его мастерской, он угощает её вином, но ничего такого меж ними нет.

Ольгу предупреждают: юбочник, бабник, там таких много до тебя, много раз уже… рисовали.

И ниже абзацем в дневнике Ольга сообщает: «Завтра иду к своему второму увлечению — Тихонову».

Тихонов, старый конь (ему уже 34! По меркам Берггольц — динозавр! В гусарах служил до революции! Чуть помоложе Дениса Давыдова, в общем), тоже

чувствует ток от молодой поэтессы, немного с ней заигрывает, пишет в меру ласковые — как бы деловые — записки.

Говорит, что Берггольц станет большим поэтом, если выйдет из тени Корнилова, — кстати, Тихонов в данном случае оказался замечательно прозорлив, но такие слова взаимопонимания в семье не прибавляют.

Даже два увлечения оказываются недостаточными Берггольц для утоления ревности и странного влечения к девушке Татьяне, которую до сих пор она видела только на фотографии.

«Познакомиться с кем-нибудь новым, сильным», — записывает Ольга в дневнике.

И вот, пожалуйста: появляется Юрий Либединский — даже имя его звучит как вдвое сложенный командирский ремень.

О, Либединский тогда был заметен. Один из виднейших пролетарских писателей, автор нашумевшей повести «Неделя», «напостовец» и один из руководителей РАППа — влиятельный деятель, самоуверенный и яркий догматик. В Ленинград его откомандировали из столицы, чтобы контролировать ЛАПП.

Позже выяснится, что он служил в Белой армии, но про это Ольга пока не знала.

Зато всё остальное очень действовало на неё. Тем более что Либединский, записывает Берггольц, «свободно распоряжается деньгами». В сравнении с Борькой, у которого нет ни копья, это всё слишком заметно.

Либединский уверенно вывел Берггольц из-под влияния Ахматовой. Надо прекращать это богемное нытьё, это томное монашество, говорит товарищ Юрий, и Ольга верит. Да, Юрий, надо, да, действительно. Здесь Либединский её и поцеловал — и Ольге понравилось.

На счастье, в те дни за Ольгой возвращается из родного дома Корнилов: всё, жена, берём дочку, поехали, будем знакомиться с родителями. Они ведь так и не виделись: новые нравы, на поклон к отцу-матери никто не ходит за благословением, о текущих изменениях хорошо ещё, если сообщается в письмах. Являются сразу с ребёнком в кульке: здрасьте-пожалуйста.

Берггольц даже рада, а то запуталась в своих «увлечениях»: «Хотя очень некогда, но просто невозможно не записать главного, т. к. в субботу уезжаю в Семёнов. Семёнов! Город, который столько мучил и томил меня, город, который видела через стихи Бориса, город, где живёт она, Татьяна…»

Сразу по приезде в Нижний Новгород происходит, с некоторой даже торжественностью, встреча троих: Борис, Ольга, Татьяна.

Берггольц видит: да, Таня очень красивая, да, очень обаятельная, да, очень хорошо одевается.

Во всём этом снова заметна не только ревность, но и явная чувственность, какая-то тяга.

Однако Степенина теперь замужем. Представляется как Шишогина. Собирается уезжать из Семёнова.

Татьяна требует с Бориса, чтоб он вернул её кольцо, — и он отдаёт, а она ему возвращает его письма.

Финал!

...Гуляют по Нижнему — Нижний восхитителен: эти виды на слияние Оки и Волги, эти монастыри — Ольга сразу вспоминает Углич, где прошло детство.

Оттуда — в Семёнов, семёновские дружки Корнилова на Ольгу косятся: все в восторге от её красоты. Едва выйдут за дверь, обмениваются мнениями: да она невозможная! Она красивей нашего Борьки! Нет, она ещё и умней!

Из Семёнова отправляются в Ильино-Заборское, куда переведены на работу родители Корнилова. Живут они там в самой школе: комната с печкой в углу.

Спят молодые прямо в классе, на матрасе, набитом соломой, укрываются старой шубой — а что, хорошо — и родня ей нравится — матери она привозит в подарок платок и... веер — что ж, пригодится.

Родня её принимает, кто-то сетует, но так, в шутку: у милой-то фамилия-то зачем прежняя? Была бы Корнилова... разве плохо? А то её фамилия... как подковой по зубам. Не то немка?

Нет, русская.

Русская по матери и немка по отцовскому деду.

У Бори две младшие сестры — красавицы невозможные. Только ещё необразованней и темней самого Борьки.

Все вместе купаются — и Ольга, непривычная к деревенскому быту, простужается. Жар, предобморочное состояние, жуть. Лечат её всей семьёй. Вроде сбили жар, сопроводили в дорогу.

Но ещё и в Ленинграде потом долечивалась. Боря был всё время рядом, пить бросил, крутился, занимал на лекарства. Подозревали всякие осложнения — но обошлось, выходили.

Пока болела, курсы, на которых они учились (в основном Ольга, Борька забросил их давно, хотя родителям божился, что учится), закрыли — согласно постановлению коллегии Наркомпроса от 16 сентября 1929 года в рамках борьбы всё с тем же формализмом. Институт считался гнездом формальной школы, что имело под собой некоторые основания.

Зато с Борей — с Борей всё наладилось. И ревновать его вроде бы не к кому больше, и вообще он как-то иначе раскрылся, пока она болела.

Поэтому теперь он может позволить себе выпить.

И ещё раз.

И ещё — а что такого?

С кем-то подрался: он же теперь первый поэт России, как не подраться.

Корнилова исключают из комсомола. Официальная причина — не платил взносы.

Ольга пожимает плечами: а чего ты хотел?

Часть студентов, в том числе Ольгу Берггольц, переводят с закрытых формалистских курсов в Ленинградский государственный университет — но не Борю.

Учёбу он бросает окончательно.

«…родители его спят и видят, как он кончает «высшее образование», — не без мстительности напишет Берггольц в дневнике. — Надо бы написать им…»

Ещё бы родители не мечтали: он был бы первый и в одном роду, и в другом по-настоящему образованный, а не какой-то там сельский учитель.

Ольга в университете знакомится с очередным своим увлечением — молодым (и очень красивым) филологом Николаем Молчановым.

Корнилова призывают на военные сборы — пытается отвертеться: он, несмотря на свою пьяную браваду, совсем не воинственный.

Лодырничает ужасно. На уме — только стихи, водка… и ещё одно.

30 ноября в дневнике Ольга запишет: «Его чрезмерная нежность и потенция раздражают меня».

В те же дни сочиняет стихи:

От тебя, мой друг единственный,
Скоро-скоро убегу,
След мой лёгкий и таинственный
Не заметишь на снегу.

Друг он, надо сказать, не единственный.

С Либединским и Лебедевым — дружба продолжается.

Целуется и с тем, и с другим. Потом стыдится, что давала себя «лапать». Большего не позволяет — ещё, видимо, и поэтому её друзья начинают ухлёстывать за другими особами.

Ольга очень огорчится, когда Лебедев переключит внимание на какую-то молодую художницу.

В дневнике признаётся: «…хочу, чтоб меня целовал и, быть может, взял В.В., только: не по-стариковски, а по-настоящему, меня возбуждает его сила, ой…»

О Лебедеве, что забавно, всерьёз пишет как о старике — ему скоро 40. Самой ей ещё и двадцати нет.

Этот старик делает иллюстрации для её детской книжки «Зима-лето-попугай» — она выйдет в следующем году.

Чуть позже Ольга опечалится по поводу Либединского, когда тот закрутит роман с её сестрой, начинающей актрисой, Машей: «…жалею, что не сошлась с ним. Хотя бы один раз».

Причём надежды ещё не теряет и пишет Либединскому в письме, как бы деловом: «Я очень хорошо и, надо сознаться, много думаю о тебе, и мне хочется верить чему-то, исходящему от тебя».

А он, между прочим, уже собирается жениться на её сестре.

Под влиянием Либединского Ольга посещает Путиловский завод, хочет писать его историю — в общем, перековывается.

Заодно присматривается там к одному инженеру.

14 декабря 1929-го запишет про Корнилова брезгливое: «Этот неграмотный... С января я брошу его».

Новый год они не встречали: а чего ждать от этого года? Всё одно и то же.

«Скука» — самое частое слово в дневниках Берггольц. Ей скучно. И потенция эта его всё время: надоел.

На самом деле, причина была не в потенции, конечно, и, как выяснилось, даже не в Татьяне: она его просто разлюбила.

«Я вижу чувственные сны. Я видела недавно Кольку Молчанова. Как мы целовались с ним, горячо, захватывающе. Я хочу так целоваться».

Ольга с Борисом ещё успеют съездить вместе в Москву — на юбилейную выставку Владимира Маяковского «20 лет работы».

Уставший от внутрилитературных склок, задёрганный своими собратьями по литературе, претендовавший на куда более серьёзную роль в советской литературе, чем звание «попутчика», давно ставший «горлопаном», но так и не ставший в полной мере «главарём», Маяковский, готовя эту выставку, надеялся одним рывком обеспечить себе признание.

По его нехитрому расчёту, на выставку должны были явиться крупные партийные чиновники, дав всем понять, кто тут главный маяк на литературных горизонтах.

Маяковский пригласил Молотова, Ворошилова, Кагановича, высокопоставленных сотрудников ОГПУ, в том числе Ягоду и Аграновича, два билета ушли в канцелярию Сталина. Был зван первый ряд советской литературы: прозаики Фадеев, Леонов, Гладков, Всеволод Иванов, Олеша, поэты Сельвинский, Светлов, Кирсанов, Безыменский...

Корнилов и Берггольц к началу 1930 года и близко к статусу званых гостей не подходили (хотя спустя всего пару-тройку лет у Корнилова этот статус уже будет). Скорее всего, Маяковский их обоих элементарно не знал — да и вряд ли ему была близка поэтика Корнилова. В законченной незадолго до выставки поэме «Во весь голос» Маяковский писал, что явится в будущее не как «песенно-есенинский провитязь». Корнилов, попадись его стихи Владимиру Владимировичу на глаза, был бы воспринят именно в этом ключе.

Что до самого Корнилова — он находился под куда большим влиянием Багрицкого и Есенина, а к Маяковскому относился скорее прохладно-уважительно. Борис вообще был не из тех, кто стремится обрушить чужие авторитеты во имя утверждения своего. Что-что, а уважение к старшим сыну школьных учителей было привито.

Проблемы «горлопана и главаря» начались ещё на стадии подготовки выставки: ближайший друг и соратник Маяковского — поэт Николай Асеев — идею персональный выставки не поддержал. Федерация объединения советских писателей идею Маяковского проигнорировала... В итоге свои плакаты и рисунки для выставки он развешивал сам.

Выставка открылась, и — никто из представителей власти не явился. Заходил Луначарский — но он к 1930 году ничего не решал. Писатели и поэты — не явились.

Была молодёжь. Но Маяковский ждал не этого.

Ленинградская «Смена» приехала специально. Потом Берггольц вспоминала: «Несколько человек «сменовцев» буквально сутками дежурили около стендов, физически страдая от того, с каким грустным и строгим лицом ходил по пустующим залам большой, высокий человек, заложив руки за спину, ходил взад и вперёд, словно ожидая кого-то очень дорогого и всё более убеждаясь, что этот дорогой человек — не придёт. Мы не осмеливались подойти к нему, и только Борис, «набравшись нахальства», предложил ему сыграть в бильярд. Владимир Владимирович охотно принял предложение, и нам всем стало отчего-то немножечко легче, и, конечно, мы все потащились в бильярдную, смотреть, как «наш Корнилов играет с Маяковским».

Чем закончилась та партия, неизвестно; остаётся надеяться, что Корнилов не сломал окончательно в тот день настроение Маяковскому, которому оставалось меньше четырёх месяцев до самоубийства.

...Возвращались обратно в Ленинград, гадали: отчего так, почему. Берггольц тоже не относила себе к почитателям Маяковского — но так жалко было этого замученного великана. Выяснялось к тому же, что литература — это не только аплодисменты, автографы, гонорары, восторженные глаза читателей, но и что-то другое, болезненное и тяжёлое. Впрочем, кто примеряет на свою судьбу самые тяжёлые варианты? Каждый надеется на податливую удачу.

И удача Ольги с удачей Бориса никак уже не связывались.

12 февраля, сразу после возвращения с выставки, Берггольц подаёт заявление о восстановлении в ЛАПП. Либединский насоветовал, и Либединского она слушается.

28 февраля 1930-го очередная запись в дневнике: «На любовь к Борьке смотрю как на дело прошедшее <...> Целую, живу с ним, иногда чувствую нежность и жалость, иногда верю. Всё это нечестно, зачем я живу с ним?»

18 марта: «Ласки Бориса воспринимаю тяжело и нехорошо <...> Я возбуждаю себя совершенно искусственно. Когда он трогает меня, я нарочно называю про себя всё это самыми подлыми именами или представляю себе, что я — не я, и он — не он...»

Однажды Бориса и Ольгу видел в ресторане Дома печати критик и поэт, член ЛАПП Лев Левин и оставил по этому поводу характерную зарисовку: «За столом сидела тоненькая девушка с выбившейся из-под платка золотистой прядкой. Никогда в жизни не видел такого цвета волос и такого золотисто-матового румянца. Напротив сидел коренастый парень с немного нависшими веками над тёмными, калмыцкого типа глазами. Сразу было видно, что им обоим нелегко. Время от времени они перебрасывались короткими словами».

Весной Корнилова наконец призвали на территориальные сборы — жене предоставилась возможность отдохнуть, ему — пострелять. Он получает красноармейскую выучку, родителям, не без гордости, пишет: «...вышел из казар-

мы с аттестатом пулемётчика, с большим душевным удовлетворением. Чувствую себя прекрасно... Полюбил своё пулемётное дело. Полк наш отчаянный — ребята, ленинградская рабочая молодёжь, все здоровенные, как черти...»

К лету 1930-го они живут кое-как, на холостом ходу, по кислому течению.

Когда Корнилову предлагают творческую командировку в Баку от «Ленфильма», он с радостью соглашается: хоть куда-то, но прочь из дома.

В тридцатом году писательские командировки в разные концы страны — с заданием написать что-то воодушевляющее о советской действительности — начали становиться уже традицией.

Компанию Корнилову составляет бывший «сменовец» Дмитрий Левоневский. Сама «Смена» была ликвидирована участниками группы и превратилась в «Первую ударную бригаду поэтов Ленинграда», одним из руководителей которой стал на всех основаниях Корнилов, тогда же вступивший в самую влиятельную литературную организацию Союза — РАПП.

Деньги «ударные поэты» получили в киностудии «Ленфильм», плюс ещё небольшой аванс от Госиздата. Купили себе костюмы и ботинки на толстой резиновой подошве. Борис приобрёл ещё дочке Ирке игрушку, а Ольге... Ольге ничего. Видеть её уже не было никаких сил.

(Чуть позже будут написаны жестокие, но чётко отвечающие настроению строки о жене: «Вот опять застыло словно лужица / неприятное твоё лицо».)

Выезжали из Москвы, на курьерском поезде — пять суток в пути.

Пока были в Баку, ничего не писал, всё больше рассматривал места нефтедобычи, поднимал бокалы за дружбу народов и социалистическое строительство да пытался хоть немного разглядеть местных женщин, которые, к несчастью, ходили в парандже.

В поездке Корнилов заматерел, отъелся за щедрым азербайджанским столом, загорел.

22 июня послал родителям (не жене, конечно) открытку: «5-го июля заканчиваю свою работу в Баку, сажусь на аэроплан и вылетаю в Тифлис. 10-го сажусь на пароход — еду через Каспийское море по Волге к вам. Следовательно — скоро увидимся».

Работа начнётся с замечательного стихотворения «Качка на Каспийском море», написанного ещё по пути, в море.

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле —
качка в море берёт начало,
а бесчинствует на земле.
Нас качало в казачьих сёдлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девчонок подлых —
нас укачивала любовь.

Водка, что ли, ещё?
И водка —
спирт горячий,
зелёный,
злой;
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой.

Но такими стихами перед Госиздатом и «Ленфильмом» отчитываться не станешь — не оценят, разве что позлить Берггольц «девчонкой подлой» можно; поэтому одновременно Корнилов принимается за цикл «Апшеронский полуостров».

Наряду с поэтическим хулиганством, которое в случае Корнилова почти неизбежно (например, он издевается над своими предшественниками, воспевавшими царицу Тамару, перечисляя Пушкина, Лермонтова, Пастернака и недавно застрелившегося Маяковского, а про себя говорит: «Но царица теперь старовата. / Я молчу... не люблю старух»), там содержится всё, что заказано:

Сабунчи пригнули шею бычью —
пусть подъём к социализму крут,
вложим пятилетнюю добычу
в трёхгодичный драгоценный труд.

Пять самых боевых (и самых, признаться, неудачных) стихов из цикла вышло в шестом номере главного ленинградского журнала «Звезда» за 1931 год.

Здесь, пожалуй, стоит раз и навсегда объясниться. Так называемые «производственные» стихи получались не всегда убедительными, в том числе и у Корнилова, вовсе не потому, что он писал их из-под палки. Он сам искал этой работы, требовал её для себя.

Производственные стихи, как и вообще любые стихи о физической работе, писать сложно оттого, что они неизбежно будут получаться, прямо говоря, скучнее, чем стихи о любовной страсти, или о войне, или о вдохновенном пьянстве, например. Сама речь так устроена — опоэтизировать нефтяную трубу или токарный станок не просто. Найти любителя на такие стихи — втройне сложнее. О любви или о смерти люди думают чаще и с большим интересом. В то время как советская власть, безусловно озабоченная тем, что растерзанную страну надо стремительно восстановить и усилить, желала ударный труд опоэтизировать. Ставила в конечном итоге вовсе не подлую, а высокую, удивительную задачу — в принципе, почти не выполнимую. Как ни странно, отчасти власти удалось добиться желаемого, невзирая на отдельные поэтические неудачи: по крайней мере, кинематограф и музыка (в том числе песни) с этим справлялись куда успешнее.

Как бы то ни было, но без этих партийных заданий, писательских бригад (а также бригад художников, кинематографистов, композиторов и т. д.), поездок на фабрики и комбинаты и отчётов по этому поводу страна не достигла бы сверхрезультатов и в итоге проиграла бы надвигающуюся войну.

Прежде чем кривить ухмылку, слыша стихи о пятилетках, надо об этом помнить.

...По возвращении домой Корнилов Ольгу не застаёт: она уехала во Владикавказ — на практику в газету «Власть труда».

Корнилов отдаёт ключи тёще и снимает себе угол на остатки от аванса «Ленфильма».

В декабре того же года Ольга уедет с Николаем Молчановым (тем самым, с которым мечтала в дневнике страстно, вместо постылого мужа, целоваться) «строить фундамент социализма» — это её слова — в Казахстан.

Дочка Бориса и Ольги, Ирина, останется в Ленинграде, у матери Берггольц.

Борис будет к ней заходить. Иногда.

НОВЬ

Жёны у Корнилова — таких красивых, пожалуй, даже у Есенина не было.

В этот раз всё удалось — то ли он стал повзрослее, то ли девушка встретилась такая, для которой Корнилова было не много и не мало, а ровно столько, сколько он и хотел.

Люда Борнштейн. Людмила Григорьевна.

Называл её: Цыпа.

Друзья часто слышали: Цыпа, пойдём домой.

Думали: вот так любовь, вот как называет умильно.

На самом деле она была не Людмила по паспорту, а Ципа Григорьевна.

Как шутил (или не совсем шутил) Есенин, еврейские девушки — лучшие друзья русских поэтов.

Родилась в Санкт-Петербурге, 30 апреля 1913 года. Когда познакомились, ей было 16 лет. В 1931 году они уже живут вместе — ему 24, ей 18.

Лицо замечательной красоты, крупное, открытое. Каштановые волосы. Вся выточенная, глазастая.

Выглядела уже в ранней юности заметно старше своего возраста.

Следующие пять лет — время стремительного взлёта Бориса Корнилова. Что бы там Ольга ни говорила, а он оказался вовсе не пропащий, не лодырь, не бездельник. И достоин вполне женской любви — горячей, юной, отзывчивой.

А то, что Люся, Цыпа, Ципа ничего, совсем ничего не умела делать по дому и готовить Боре приходилось самому, — так это можно перетерпеть.

Я и вправо, и влево кинусь,
я и так, я и сяк, но, любя,
отмечая и плюс и минус,

не могу обойти тебя.
Ты приходишь, моя забота,
примечательная, ко мне,
с металлического завода,
что на Выборгской стороне.
Ты влетаешь сплошною бурей,
песня вкатывает, звеня,
восемнадцатилетней дурью
пахнет в комнате у меня.
От напасти такой помилуй —
что за девочка: бровь дугой,
руки — крюки,
зовут Людмилой,
разумеется — дорогой.
Я от Волги своё до Волхова
по булыжникам на боку,
под налётами ветра колкого,
сердце волоком волоку.

Вот как умел он писать. И вот как любил.

С ней он чувствовал себя взрослее, «мужчинистее» — и прекратился, наконец, этот непрестанный поединок с женщиной. Сколько можно-то?

Удача сопутствует ему и работает на него: душа танцует; хорошо.

Ему попадает от критики — а кому не попадало? Были такие случаи в истории литературы? И его тексты рассматриваются через якобы пролетарскую призму. Но в каждой эпохе обитают свои чудаки, со своей окончательной правдой — материалисты, клерикалы, пролетарии, буржуа, разница между ними не столь остра, как кажется. Корнилову досталась такая эпоха. Родись он на сто лет раньше или на сто лет позже — он почти в равной степени рисковал никогда не выбраться из своей семёновской деревни.

А здесь — выбрался, и пытался преодолеть тоску по ней (когда бы там остался, не без иронии заметим мы, так бы не тосковал):

Как медная туча, шипя и сгорая,
на скатерти белой владыча с утра,
стоит самовар — и от края до края
над ним деревенские дуют ветра.
.....
Блаженство тяжёлое — яйца и масло,
холодные крынки полны молока,
и пот прошибает, пока не погасло
светило или не ушло в облака.

.....
Деревня российская — облик России,
лицо, опалённое майским огнём,
и блудного сына тропинки косые —
скитанья мои, как морщины, на нём…

Это из стихотворения «Чаепитие», за которое с Корнилова не раз спросили — больно вкусно обедают у него кулаки: это и есть облик России? с самоваром и яйцом вкрутую?

Журнал «Звезда» (тот же, где годом раньше «Чаепитие» и было опубликовано) сообщает в первом номере за 1931 год: «Д. Бедный и Б. Корнилов отправляются от одних и тех же моментов «объективной реальности», от ощущений лени, косности, застоя нашей страны, но Демьян Бедный подходит к ним как большевик — он их преодолевает своей ненавистью и своим стихотворением выкорчёвывает корни капитализма, а стихотворение Бориса Корнилова идёт по линии покорности этим ощущениям. Но и он чувствует силу революционной перестройки, и в нём стонут, предсмертно стонут те корни капитализма, которые мы выкорчёвываем…»

В том же году выходит вторая, после «Молодости», книжка стихов Корнилова. Но чтобы «Молодость», где три четверти стихов Корнилов выкинул бы теперь не глядя, не портила о нём впечатления, он называет новый сборник — «Первая книга»: ведите отсчёт отсюда, то, что раньше, не считается.

Характерно, что редакторское предисловие к сборнику составлено так, что впору его открыть — и сразу выбросить: «Творческий путь Б. Корнилова примечателен, больше того — поучителен. Книга демонстрирует, с каким трудом автор пытается преодолевать свои творческие ошибки. Ознакомившись со стихами, мы видим, что многое ещё осталось непреодолённым. Первые годы своей творческой деятельности Корнилов увлекался “изображением природы”. В большинстве — это стихи, в которых низкий уровень мировоззрения автора не дал ему возможности осознать действительности в её сложных проявлениях, понять классовую сущность явлений и т. д. Отсюда нередко прорываются совершенно чуждые нам интонации, когда автор, сам того не замечая, говорит с «чужого голоса». Мировоззренческая отсталость автора не даёт автору преодолеть и ряд других творческих ошибок».

За то же самое упрекали и предыдущий сборник, и упрекнут следующий — да и ладно: книжки-то вот они, бате можно послать, мамке. У Ольки, между прочим, ещё нет ни одной такой книжки, только детская. А детская — это ничто, это и он сможет, он сможет всё — и песню, и поэму, и краснознамённую, и барабанную, и плясовую с выходом.

Тем более, что редактор в предисловии меняет гнев на милость и цедит: «Темы войны, боевой готовности, песни комсомола о воздушном флоте по-

казывают, как страница за страницей автор укрепляется в завоевании новой тематики, ускоряет начавшийся процесс перестройки».

Ускоряем процесс, ускоряем!

Ради увеличения успеха Корнилов готов на многое: с одной стороны, сам себя пнуть за стих «Чаепитие» (в стихотворении «Слово по докладу Висс. Саянова о поэзии на пленуме ЛАПП» — «…пар «чаепитий», тяжёлый и вкусный / стоит, закрывая сегодняшний день»), с другой — множить славу по есенинским лекалам, затевая, один за другим, пьяные скандалы, дебоширя и куражась.

Вслед за «Первой книгой» выходит в том же году ещё одна — «Все мои приятели». Ловите!

Предположим вызов.
Военное времечко —
встанут на границах особые полки.
Офицеру в темечко
влипнет, словно семечко,
разрывная пуля из нашей руки.

Чтоб товарищ поэт особо не хорохорился, его придерживают за уздцы свои же.

1 января 1932 года в адрес Оргбюро ЦК ВКП(б) уходит докладная записка Культпропа о состоянии советских литературных журналов.

Достаётся всем — «Красной нови», «Новому миру», но особенно нас интересует «Звезда».

Культпроп раскладывет ленинградских сочинителей по полочкам:

«Каверин в «Путевых рассказах» клеветнически пишет о зерносовхозе… Ольга Форш в реакционном произведении «Сумасшедший корабль» открыто защищает реакционную буржуазную интеллигенцию…

В отделе поэзии такое же положение, как и в прозе. Пастернак, например, пишет, что вакансия поэта бесполезна, а может быть, и вредна…

Борис Корнилов в № 6 печатает хулиганские стихи («Баллада о Билле Окинсе»). В его стихах сквозь густой чубаровский мат доносятся нотки определённого любования красотами заморских стран».

История длится месяцы и месяцы! Только 3 декабря 1932 года Оргбюро приняло лаконичное постановление «О стихах т. Корнилова в «Звезде» № 6 1931 г.»: «Признать стихи «Баллада об оккупанте Билле Окинсе» тов. Корнилова грубо неприличными, роняющими достоинство коммунистического журнала. Предложить редакции исправить ошибку».

Здесь положено броситься на защиту поэта от мозолистых рук цензуры, тем более, что упомянутому рядом Пастернаку досталось вообще ни за что — потому что его слова элементарно переврали, но если спокойнее, то упомянутая баллада действительно не относится к числу удач Корнилова.

Где шатается Билл Окинс?
Чёрт дери, а мне-то что?
Он гулял по Закавказью —
покажу ж ему за то
в бога, гроб, мать...
Покажу ему за то.

А при чём же тут Билл Окинс,
если действует милорд?
Надо лорду
прямо в морду
и, покуда хватит морд,
в бога, гроб, мать
рвать, бить, мять.

После таких стихов положено бить пьяным кулаком в стол, чтоб задеть тарелку с горохом, и горох полетел бы во все стороны, и пиво из кружки выплеснулось — тебе же на брюки.

Допустимо предположить, что примерно в таком состоянии эти стихи и писались.

Корнилов периодически силится взять эту бойцовскую, залихватскую, красноармейскую интонацию, но она ему не всегда даётся, потому что его истинная стихия — совсем другое: ироничная, с ухмылочкой светского повесы, любовная лирика, и тут же — ужас смерти, хрупкость человеческой природы — он об этом вот.

Легкомысленная привычка описывать войну на мотив «Яблочка» — когда пуля словно семечко летит офицеру в темечко — попади Корнилов на войну, сыграла бы с ним тяжёлую шутку: он бы ошалел от того, как всё это выглядит на самом деле.

Все его стихи о Гражданской — это воспоминания о неувиденном, о неизвестном. Ему даже отец, с фронта на фронт перемещавшийся шесть лет и явно имевший что скрывать, ничего не рассказывал об этом.

Описываемое им казалось весёлым и задорным оттого, что кто-то уже сделал это за не успевшую на фронты Гражданской поросль:

Тучи злые песнями рассеяв,
позабыв про горе и беду,
заводила Вася Алексеев
заряжал винтовку на ходу.

С песнею о красоте Казбека,
о царице в песне говоря,

шли ровесники большого века
добивать царицу и царя.

Процитированное — написанное Корниловым в 1932 году — делалось от ещё не ушедшего юношеского малоумия, от излишнего старания быть самым громким и самым заметным, тем более, если тебе всего-навсего 25.

Он и с Маяковским прощался не без дурного задора:

Мы читаем прощальную грамоту,
глушим злобу мы в сердце своём,
дезертиру и эмигранту
почесть страшную воздаём.

Он лежит, разодет и вымыт,
оркестровый встаёт тарарам…
Жаль, что мёртвые сраму не имут,
что не имет он собственный срам.

Застрелился, подумаешь! Нас, новое поколение, так легко не сломать.

На счастье, не такие строки, а совсем другие — о жертвенности и жалости — стали главными у Корнилова и принесли ему удачу.

Но непрестанная смена этих двух интонаций — залихватско-большевистско-маршевой, во все стороны постреливающей из маузера и прочих смертельных приспособлений, и другой — страдающей, предчувствующей свою собственную, личную пулю, в собственное теплое темечко — выворачивала душу наизнанку.

Корнилов подряд, иной раз через день, писал, к примеру, такое:

Айда, бойцы,
заряди наганы,
во все концы
шевели ногами…

Так летели вдаль они,
через все мосты,
нарядив медалями
конские хвосты.

Нарядив погонами
собачьи зады —
хватая погонями
на всякие лады.

И тут же совсем иное:

На пять километров
И дальше кругом,
Шипя, освещает зарница
Насильственной смерти
Щербатым клыком
Разбитые вдребезги лица.
Убийства с безумьем кромешного смесь,
Ужасную бестолочь боя
И тяжкую злобу, которая здесь
Летит, задыхаясь и воя,
И кровь на линючие травы лия
Свою золотую, густую.
Жена моя!
Песня плохая моя,
Последняя,
Я протестую!

Как же ты протестуешь — вот только что так весело было: во все концы летели, наганы, хвосты... Что, не так?

В нём то и дело подозревали то кулака, то дебошира, то богему, то пьяницу — а он был просто человеком, души которого не хватало, чтобы не только осознать, но и оправдать все бешеные издержки эпохи.

Но и сбежать от неё некуда, и не очароваться ею — простому крестьянскому парню — трудно. Он-то что потерял? Пока только приобрёл!

Грохочут 1930-е, это дуракам издалека кажется всё одноцветным, кумачовым, когда кругом только РАПП и кирзовые сапоги начальства.

А РАПП, между прочим, уже отменяют: 23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) вынес постановление «О перестройке литературно-художественных организаций»: хлоп, и нету рапповского кулака над головой. Корнилов, безусловно, рад этому.

А ещё многое иное тут же, рядом, сейчас — чему и поверить нельзя.

За первую пятилетку — до 1933 года — построены Харьковский тракторный, Челябинский тракторный, Турксиб, Днепрогэс, Кузнецкий металлургический, Березниковский химкомбинат, Нижегородский автозавод, Магнитка. Советская Россия отправляет одну за другой научные экспедиции в дальние концы света, уже мечтает о космосе, увлекается психоанализом и фрейдизмом, который замешивает с марксизмом, — жуть, восторг, чёрт знает что.

Миллионы рабочих и крестьянских детей кинулись учиться — чьи предки за тысячу лет не учились никогда. Чтобы владеть свободным отныне и на века миром, надо взять культуру за всё минувшее тысячелетие, и за позапрошлое тысячелетие тоже, и если не даётся разом — брать нахрапом, в охапку.

Никто ещё не знает, как будет, но дух захватывает, время несётся на тебя.

Знамёна на ветру, плакаты трещат. Владыкой мира будет труд. Утро встречает прохладой.

САМОЕ ЗНАМЕНИТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Советскому Союзу нужны были свои песни — и не только героические, но и трудовые. Откуда большевистская власть догадалась, что народу песня необходима, — сразу и не поймёшь: монархия ведь по большей части обходилась и без этого.

Безусловно, определённый опыт воздействия стихотворного и музыкального ряда сложился ещё в Первую мировую — империалистическую, и особенно в Гражданскую: неожиданно выяснилось, что всё это отлично работает.

Тем более, сыграло свою роль достаточно быстрое переосмысление Гражданской войны — опять же через поэзию и массовую песню. Чудовищная кровавая каша, которой по большей части и была эта война, через какие-то пять-семь лет приобрела совершенно иные, романтические черты. Любой красный командир, всякий боевой нарком, мурлыкая себе под ус куплет о своих — положенных на музыку и зарифмованных — подвигах, поневоле начинал лучше относиться ко всему, что успел натворить.

Но теперь-то надо было не шашкой рубать, а доказывать людям, что на завод по гудку идти — не меньшая радость, чем нестись в конной атаке под ярко-алым полотнищем.

К концу 1920-х дефицит духоподъёмных песен явственно дал о себе знать. Поэт Александр Безыменский писал в «Комсомольской правде»: «Требования на новую песню ощутимы почти физически. Тема современной жизни требует такой песни, которая помогла бы в развитии и сплачивании людей».

Подобных песен не было. Или почти не было.

Ещё в 1928 году проводили конкурс советской массовой песни: получили целых 600 претендующих на массовость сочинений. В целом товар оказался настолько сомнительным, что первую премию даже не стали вручать.

ЦК ВЛКСМ из года в год повторял: дайте что-нибудь спеть; проводили собрание за собранием, но резолюцией такие вопросы решить трудно. Нужен был талант — вернее, два таланта.

В 1932 году режиссёры Фридрих Эрмлер и Сергей Юткевич снимали фильм «Встречный»: о первой пятилетке и ленинградских металлистах, выдвинувших свой «встречный» план.

Что это такое, сегодня уже подзабыли.

Допустим, государство планирует один показатель, а рабочие дополнительно к госплану дают, ну к примеру, в два раза больше угля или стали.

Только пошляки могут издеваться над подобной работой и самоотверженностью.

Конкретно в Ленинграде случилось следующее: ленинградские рабочие срочно изготовили турбину для электростанции. Надо было это событие ос-

ветить. Сам Сергей Киров сказал: да, кино необходимо, вот в содружестве с передовиками и снимайте.

Композитора предложил один из постановщиков, Лео Арнштам, им стал Дмитрий Шостакович, гений 25 лет, не только сочинивший оперу «Леди Макбет Мценского уезда», но и, как ни удивительно, уже имевший в кинематографическом деле серьёзный опыт. Начинал он с того, что выступал в качестве музыкального иллюстратора в ленинградском театре, затем написал симфоническую партитуру к немому фильму «Новый Вавилон» и, наконец, с появлением звукового кино, успел сочинить музыку для фильмов «Одна» и «Златые горы».

Поэта выдвинул художественный руководитель «Ленфильма» и старый большевик Адриан Пиотровский, знавший Корнилова (не так давно он направлял его, напомним, в Баку).

Да и никаких других заметных соперников в Ленинграде у Корнилова не было: Николай Тихонов точно был не по песенной части, другие собратья пожиже, а корниловские стихи — даже не положенные на музыку — через раз хотелось напевать:

До дому ли, в бой ли —
вдаль на всех парах —
запевала запевает:
— Ребятишки, ой ли...
были два товарища...
(бубен-чебурах...)

С копылок повалишься,
познаешь тоску —
были два товарища,
были два товарища,
были два товарища —
в одном они полку.

В общем, Шостакович дал мелодию, Корнилов наскоро набросал текст, Пиотровский поправил одну строку, чтоб лучше легла в припев, Шостакович ещё немного переправил музыку, чтоб текла, не спотыкаясь, — и однажды случилось чудо.

Запись тогда делали синхронно со съёмкой — шла белая ленинградская ночь, — и к утру артисты, персонал и первые прохожие уже распевали «Нас утро встречает прохладой».

После выхода фильма на экраны «Песня о встречном» стала, без преувеличения сказать, самой известной во всей стране. Миллионы людей знали её наизусть: она воистину строить и жить помогала.

Помимо почти загадочной, певучей привлекательности, в ней, признаем, имеется одно качество, характерное даже для лучших из массовых песен: при

ближайшем рассмотрении она оказывается несколько, что ли, абсурдной, хотя на слух это никак не распознать.

Поначалу всё вроде нормально:

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка?

Хотя в семь утра гудок, призывающий на тяжелейшую работу, — ну, не самый очевидный повод для радости.

Дальше — сложнее:

Не спи, вставай, кудрявая,
в цехах звеня…

Тут же представляется, что кудрявая спала прямо в цехе и там чем-то звенела. Но нет, выясняется, что это вся страна звенит в цехах.

Итак:

…в цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

И радость поет, не скончая,
и песня навстречу идёт,
и люди смеются, встречая,
и встречное солнце встаёт.

Здесь вопросы начинают возникать через строчку.

«Радость поёт, не скончая» — откуда Корнилов взял это чудесное слово?

«Люди смеются, встречая» — что встречая-то? Или кого?

(Словом, смеются встречая и не скончая.)

«Бригада нас встретит работой…» — поётся дальше.

(Опоздали-таки на работу-то, пока вставали с кудрявой?)

«И ты улыбнёшься друзьям…»

(А что ещё остаётся делать, раз опоздали?)

За Нарвскою заставою
в громах, в огнях
страна встаёт со славою
на встречу дня.

Здесь может возникнуть лёгкая филологическая перепалка: может быть, страна встаёт всё-таки навстречу дню? А не «дня»?

И почему вся страна за Нарвскою заставою? Это что, про Финляндию песня?

И с ней до победного края
ты, молодость наша, пройдёшь,
покуда не выйдет вторая
навстречу тебе молодёжь.

Любопытно, отчего она — «вторая»?

И радость никак не запрятать…

А надо бы, не то отнимут.

…когда барабанщики бьют.
За нами идут октябрята,
картавые песни поют…

Что же, других октябрят уже не осталось, только картавые?

Видимо, только такие, потому что в следующем куплете —

Отважные, картавые
Идут, звеня…

Мало того, что они картавые, так ещё и дребезжат.

Ну и финал, наконец:

Любить грешно ль, кудрявая,
Когда, звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня.

Действительно, раз мы гудку не рады, может, кудрявая, это… — грешно ль любить на встречу дня?

Невольно тут жалобы Ольги Берггольц вспомнишь.

Но песню эту и по сей день не забыли.

Не так долго осталось до того момента, когда «Песне о встречном» исполнится целый век. По справедливости говоря, авторские песни, живущие столетие или около того, — немыслимая редкость.

И если эта вытянула подобный срок — значит, так было надо петь, как написано. «И встречный, и жизнь пополам», и эти, на самом-то деле, гениальные картавые октябрята.

Диана КАН

ВСЕГДА — ЕДИНСТВЕННЫЙ ВОПРОС

Стихи

* * *

...Морская канула в моря...
Марина Цветаева

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят: «Марина, вы не правы!» —
Тебе, Марина-королева!

Пеннорожденная морская —
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе — всё ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
Как только б ты сумела! — Волгу
За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизреченные напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

* * *

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
Как нам жить и быть теперь?..
Белокурый юный демон
Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся — в силе.
Всё у нас не как у всех:
Всю-то ночь проговорили
О стихах — и смех и грех!

Н-да, неладно что-то с нами…
Впрочем, может, хорошо:
Так мы увлеклись стихами,
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он — в Есенина влюблён.

Среди классиков не тесно
Нам — совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождёт!

* * *

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака —
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь: слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс,
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил… Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака.

* * *

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост…
Ну а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся, что дальше?
Я не пожалею ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня простил!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро —
Прихвостень, бродяга и прохвост!

…На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрёстке,
Долгожданный мой зелёный свет!

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

...С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И — рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавлённая хищная птица —
Азия, песня моя!

* * *

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя, в руки — удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через Млечный мост.

* * *

Пуглив и странен,
Диковат и тих,
До времени державшийся в сторонке,
Меня подкараулит мой же стих,
Похож на нежеланного ребёнка.

В какой такой сторонке он возрос?
На стороне возрос… Моей родимой!
И сколько пролил безутешных слёз,
Покуда мать фланировала мимо!

Пережидая бедствие моих
Лирических любовных отступлений,
Эпических реваншей жаждет стих —
Дитя моих спонтанных вдохновений.

Напрасный труд — надеяться и ждать,
Пока мамаша в небесах витает.
Увы, не повезло тебе на мать,
Но дети матерей не выбирают!

Что материнская ласка — сторона,
Ты пообвыкся на родной сторонке.
Как поживаешь, милый?.. Тишина
В ответ звучит заносчиво и звонко.

Василий ШВАРЁВ

ЗАКОН КОНТРАСТА

Рассказ

Вначале было Слово. И это Слово было — Бог.

А, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я

Телефонный звонок разбудил Кивгаева далеко за полночь. Звонок был с того света...

М... м... уа-а... Мама. Солнце. Радуга. Дай. Мяу. Нет. Конфета. Папа. Да. Бабушка. Сказка. Речка. Лес. Школа. Музыка. Тетрадь. Пятёрка. Деньги. Друг. Морда. Родина. Загранка. Подруга. Саратов — Москва — Санкт-Петербург. Проблемы. Радость — горе — грусть — волнение — спокойствие. Взрыв. Боль. Андрей — Сашка — Витька. Смерть. Осень. Лыжи. Охота. Футбол. Водка. Жена. Злость. Работа — учёба — дом. Телик — газета — книги. Шизанутый. Любовь. Жизнь. Удар. Дождь. Море. Разлука — встреча. Глаза — ноги — грудь — ресницы — вес. Лист. Картина. Слёзы. Золото. Храм. Не убий, не... Собака. Трын-трава. Нежность. Белый — черный — красный — голубой. Машина — поезд — велосипед — самолёт — лодка. Дорога. Плохо — хорошо. Счастье. Ад. Звезда. Фантазия. Государство. Царь — полководец — фараон — король — император — президент. Революция. Мат. Тип. Пушка — танк — пистолет — граната. Тревога. Вдруг. Кружка. Болезнь. Шапка. Рыба. Сломал — исправил — победил — уволился — записался. Рай. Рабочий — крестьянин — художник — доцент — офицер — уборщица. Оркестр. Женщина — мужчина. Сирень. Бог. Яблоко. Дьявол. Тишина. Понимание...

Бежали, сочно хлюпая сапогами, по грязи.

— Уйдёт сволочь! — орали.

— Доста-а-а-анем! — натужно выдыхал Кивгаев. — Возьмём!

Впереди него маячили спины сержанта Кравченко и радиста Ахмедова.

Тяжёлые серые тучи, обнаглев, опустились так низко над землёй, что грозились придавить крошечные фигурки бегущих людей. Из них, как из сита, сыпался мелкий колючий дождь.

Ахмедов сорвал с плеч лямки рации, на мгновение приостановился, опустил её на бровку рыжей травы. И уже на бегу умудрился скинуть сапоги и легко понёсся на кривых ногах за «чехом».

— Уйдёт чечен! Подстрелить суку надо!

— Не стрелять! — кричал в ответ лейтенант Кивгаев. — Живым возьмём.

В глазах у него мелькали вразнобой бегущие солдаты, тёмная фигура чеченца на фоне светлой полоски реки, зажатой коричнево-охристыми с прозеленью берегами. А вдали — ломаная линия сизых холмов с осколками синих гор...

Внезапно чеченец остановился и резко повернулся к своим преследователям.

Первым ухнул в грязь Кравченко.

— Ложись! Щас из автомата полосанёт!

Ещё двое десантников попадали на землю. Но Ахмедов и Кивгаев — то ли не услышав, то ли по инерции — продолжали бежать!

Чеченец хрипло выкрикнул что-то и отбросил автомат далеко от себя.

Маленький и юркий радист головой — с ходу — врезался в живот «чеха». Тот сломался пополам от удара. Подоспевший Кивгаев рубанул чеченца ладонью по жилистой шее. «Чех» упал на колени, потом неловко завалился на спину, подмяв под себя руку. Напоследок он попытался сказать... Но из уголков рта, вместо слов, протолкнувшись, забила кровь.

— Кердык! — подытожил Ахмедов.

Кивгаев наклонился над чеченцем, затем с облегчением сказал:

— Будет жить!

Они жадно всасывали холодный воздух, ворочая красноватыми глазницами. Тяжело дыша, подошли остальные из их группы. Кравченко, матерясь, пытался очистить от грязи форму. У него это не получилось, и, подойдя к «чеху», он пнул его ногой в спину.

— Твою мать! Застрелю падлу!

— Отставить, сержант! — рыкнул на него Кивгаев. — Лучше иди ещё в грязи полежи. Кайф-то какой!

— Все засмеялись. Кроме Кравченко. Он сплюнул и пошагал к реке. Очищаться. От грязи.

Не сговариваясь, закурили. Посматривали на лежащего чеченца.

— Ботинки у него — что надо: сносу нет!..

— Что с ним делать, лейтенант?

— Надо в часть доставить. Просили...

— Нам же не по пути!

— Ахмедов, гони за рацией. Вызывай вертушку!

Радист молча пошлепал босыми ногами по грязи.

Посмотрели ему вслед и негромко засмеялись: больно уж смешон был этот кривоногий малый. Крикнули:

— Ахмедов! Чё ж ты штаны-то не сбросил? В два счёта бы «чеха» догнал!

Радист обернулся, сверкнул белыми зубами на смуглом лице, ничего не ответил, лишь прибавил шагу.

Хорошо так... Хотя вокруг тебя чужое, хмурое небо, замечательно красивые горы. Но опять же чужие и ненавистные горы, поля и эта сердитая речка, в которой сержант тщетно пытается отмыть одежду, громко — им слышно — ругается. Но всё равно— хорошо-о-о!

Несмотря на холодный дождь. Ведь вот была смерть на носу, а теперь... уставшие, грязные, провонявшие потом, стояли, курили и улыбались: живые! Ну хорошо же — просто так! — стоять, дышать, видеть, смеяться и — жить! Жить! Жить!

Часы. Ведро. Скрипка. Зеркало. Нож. Холодильник. Ручка. Полотенце. Хлеб.

Чашка. Икона. Лампочка. И яблоко...

Рефлексы, мягкие полутона скрадывают родинки, неровности формы, и Оно кажется почти идеально круглым. Всмотритесь в Яблоко. Внимательно. Почувствуйте его! Сущность души яблока! И становится неважен цвет — белый, жёлтый, красный. Оно — «вненациональное». Попробуйте понять Яблоко, оценить; и добейтесь расположения! И оно откроет свои чудесные тайны и возможности. И увидите Бога. Ведь Он рядом с нами!

Оно живое. Ещё. Пока. Но это лишь внешний вид Яблока, а внутри — там, под светло-зелёной, жёлтой кожицей, в самой сердцевине — прячутся дети Яблока. О чём оно думает? Оно боится и плачет: скоро в него вонзятся чьи-то зубы! И оно погибнет, погибнут и дети! И ещё оно вспоминает сад... Ах, как было бы здорово — мягко упасть в траву, листья. И там, дыша свежим осенним воздухом, родить детей! Погоди, Яблоко, не горюй, не плачь! Я немного полюбуюсь тобой и отнесу в сад. Правда-правда! Я лишь слегка вспомню твою историю. Твою славную историю!

О, она велика и чрезвычайно важна! Я не шучу: история твоего рода не менее важна, чем история Дерева, Облака, Неба, Людей... За многие тысячелетия твой род пережил и войны, и голод, и пожарища, но особенно памятна твоя роль в райском саду! И ты, именно ты, стало одним из символов раздора между Богом и людьми.

«О Господи, за что?! — кричало ты. — Я не хочу, чтобы именно через меня люди — Адам и Ева — познали добро и зло! И Твой гнев обрушится на меня! Что подумают обо мне обитатели рая? Я просто яблоко! И не более того!» Яблоко просило сжалиться Создателя, но Он был неумолим. И Яблоко смирилось...

Ты слушаешь меня, Яблоко? Ладно, я отнесу тебя в сад, а затем продолжу...

Не знаю... наверное, я рассуждаю и пишу не совсем понятное. Не для всех. А кому-то эти рассуждения покажутся примитивными, упрощёнными и наивными. И это очень хорошо: значит, вам ещё предстоят открытия.

Когда я увидел и познал душу Яблока, то раскрыл себя, нашёл следы и мысли Создателя. А в жизни... появилась возможность излечиваться от любых болезней. Вначале от постоянно преследующего меня насморка, гриппа. Потом исчезли язва желудка, геморрой и другие незначительные заболевания. Позже я увлёкся и сделал из себя подобие павловской подопытной собаки: заражал себя менингитом, сифилисом, сибирской язвой, всеми видами рака, малокровием, тифом, но чудесные познания Яблока, Создателя давали мне возможности излечивать вышеперечисленные болезни. И я в этом не видел никакого чуда. Всего-то надобно услышать, увидеть Бога в каждом существе — в каждой травинке. Даже в камне, вещи. А точнее, научиться это видеть! И тогда откроется...

Господи!

Господи!

Господи!

Помоги мне найти верные и точные слова; помоги найти Истину и рассказать о ней людям! Мы суетны, грешны и забывчивы. Помоги найти дорогу к Тебе. И спасибо за подсказку — за Яблоко! Это начало пути к Тебе.

Тяжело волоча ноги, приплелся Ахмедов с рацией.

— Кто над нами зависал во время боя?

— Тридцать пятый. Васильев.

— Вызывай.

— Есть, товарищ лейтенант!

Радист выбрал место посуше и начал колдовать над рацией.

— На связи — Васильев.

По его голосу Кивгаев понял, что ему не особо-то и рады.

— Надо на борт человека одного взять...

— Двухсотый или раненый?

— Нет. Чечен.

— На хрен он сдался!

— Он из тех, что мы сегодня добивали. Он наверняка знает, куда ушли уцелевшие «чехи».

— Прикончи, и нет проблемы!

— Нет. Это нужный «чех». В штабе просили...

— Делать им там нечего! Ладно, не ссы, Кивгай, щас буду! А ты про баню не забыл?

— Какая к черту баня!

— Тогда сам «чеха»…

— Шучу, Сашк! Будет тебе баня.

— Обижаешь, Кивгай, баня — это святое дело! Особенно в наших полевых условиях. Усёк?

— Договорились. Но сначала — «чех»!

— Я тоже хочу в баню! Земляк… — вдруг неожиданно для всех подал голос «чех». Он пытался приподняться и почему-то улыбался, смотря на Кивгаева, словно увидел что-то удивительно смешное…

— Ты гляди — ожил! — съехидничал подошедший Кравченко. — Мы щас тебя снова успокоим!

— Не лезь! — хмуро предупредил его Ахмедов, на минуту оторвавшись от рации. — Не ты его взял.

— Да больно нужно! Будь моя воля…

— Заткнись, сержант! — оборвал его Кивгаев.

Он поёжился. Ледяной ветер принёс первые капли дождя. Послышался шум двигателей вертолёта.

Чеченец упрямо тянулся взглядом за Кивгаевым.

— Земляк…

— Тамбовский волк тебе земляк! — в сердцах сказал Кивгаев, глядя в небо и выискивая среди серого половодья туч вертолёт Васильева.

— По калгану надо ему дать! — опять встрял сержант. — Чтобы не вякал!

— Замолчи, одноклеточный, — небрежно сказал ему чеченец, даже не взглянув в его сторону.

Сержант побелел и сделал короткое и быстрое движение к «чеху», но осёкся под взглядом Кивгаева.

— Здорово, Олег! — вдруг до озноба знакомым голосом поприветствовал Кивгаева чеченец.

Кивгаев остолбенело всматривался в заросшее лицо «чеха»… «Да что… твою мать!.. происходит-то?»

— А-а… не узнал… Конечно, столько лет не виделись. Но землю-то на одной улице с тобой, Олег, топтали! Ну?

Чечен снял с головы платок с зелёной арабской вязью букв. Высокий лоб наискось к виску пересекал шрам. По этому шраму, а больше по светло-синим глазами с золотыми искорками, Кивгаев узнал…

— Андрей?.. Ты…

Все завороженно переводили взгляд то с Кивгаева на «чеха», то обратно. Понимали: происходит нечто необычное…

— Угадал… — устало и почти равнодушно подытожил «чех».

Он попытался встать, но его резко качнуло. И он осел на землю. Сказал тихо, кивнув на солдат:

— Пусть отойдут, есть разговор.

Ветер притих, словно прислушиваясь к словам людей.

Кивгаев поколебался, затем крикнул Ахмедову:

— Дай отбой Васильеву! Пленного сами доставим.

Махнул рукой остальным, давая понять, что хочет наедине поговорить с «чехом».

Выдёргивая из грязи сапоги, матерясь, десантники потащились к одинокому дереву, возле которого ершилась совсем не по-осеннему зелёная трава.

Коротко подумав, Кивгаев шагнул к Андрею, подал ему руку и помог подняться. У Андрея подкосились ноги, и он инстинктивно ухватил Кивгаева за плечи, приник к нему на мгновение. И со стороны это, наверное, было похоже на объятие, на встречу двух друзей...

— Возращение блудного сына, — криво усмехнувшись, выдавил Андрей.

Молча доплелись до крохотного среди грязи островка поблёкшей травы. Присели. Закурили.

Кивгаеву хотелось крикнуть бывшему другу: «Что же ты... сука продажная, против своих... с этими ублюдками?!.» Подобные мысли жалили его мозг. И он чудом сдержался, чтобы не заорать на Андрея, не ударить его! И лишь сухо процедил сквозь зубы:

— Такая встреча... Лучше не придумаешь.

— Неисповедимы пути Господни, — без тени улыбки отозвался Андрей, и, уже переходя на иной тон, сказал: — Я — артист.

— Поздравляю! — съязвил Кивгаев. — Слышал, слышал...

— Ты не понял: «Артист» — моя кличка. Под ней меня знают в нашей разведке. Под ней же я был среди «чехов».

Андрей невольно рассмеялся, глядя, как Кивгаев пытается переварить сообщенную ему информацию... И чтобы это произошло быстрее, подсказал:

— Можешь передать шифром, что убит Хаттаб.

— Серьёзно?!

— Серьёзней некуда! Ещё сообщи: буду через три дня. В бане-то надо попариться! А, Кивгай?

— Баня... — глубоко затянувшись сигаретой, протянул, точно в забытьи, Кивгай. — Будет тебе баня! Перед ним, словно жёлтые осенние листья, проносились воспоминания...

Молния. Мольба. Молитва. Зверь. Засуха. Земля. Небо. Проклятие. Потоп. Долина. И Дерево...

Оно росло около нашего дома. И напоминало человека с вытянутыми вверх руками — то ли в мольбе, то ли в радости, а может, просило небо о чём-то... Листья на нём были необычайно крупными, синеватого цвета, с бугристыми бордовыми прожилками, словно там пульсировала кровь. Летом они полностью скрывали тело Дерева. Опадали они поздней осенью, превращаясь в коричнево-фиолетовую чешую неведомого существа. Кора неправдоподобной толщины светилась старинным золотом, кое-где медью с налётом прозелени. Не ясень, не сосна, не липа — оно было неизвестной породы, неизвестной «на-

циональности». Оно было — Деревом. Особенным. Единственным на свете! Никто не знал, откуда оно взялось у нашего дома и кто посадил. Скорее всего, оно само выросло. Само! Огромное, с крупными синими листьями, обращённое к небу с извечным вопросом: а для чего я здесь? Но летом, когда душа Дерева скрывалась под синими листьями, казалось, что оно нашло ответ на свой вопрос. Но лишь до осени. Иногда думалось, вержилось, что однажды утром выйдешь на улицу, а Дерева — нет. Оно внезапно куда-то исчезло! Может, а скорее оно так и есть, улетело в космическое пространство. Виделось, словно наяву, как оно летит там — в высоте — и кричит от радости и восторга! И тысячи маленьких синих листьев помогают ему... Я знал, что этот полёт рано или поздно произойдет, состоится, случится! Но пока Дереву, видимо, нравилось жить около дома. Пока!..

Именно под Деревом родила меня мать. В детстве я часто играл под ним. Часто разговаривал с ним. С обидой и радостью я прибегал к Дереву. Оно подсаживало меня к себе на толстые ветви и что-то шептало, поглаживая синими ладошками листьев. Не раз я засыпал на руках Дерева. Но иногда мы и ссорились. Однажды я больно стукнул соседскую девчонку, пристающую с вопросами, и Дерево так же больно хлестнуло меня веткой по щеке. В ответ я ударил ногой по стволу. Дерево обиженно и возмущённо зашумело, отталкивая меня синими листьями. Я заплакал и прижался к золотой коре Дерева. Я целовал её и шептал: «Прости меня, о Дерево! Прости!» И мы опять стали друзьями.

Как-то мы играли с друзьями в прятки, и я полез на Дерево. И забрался так высоко, что при взгляде на землю у меня закружилась голова. Потом испуг прошёл. Дерево раздвинуло свои синие листья и показало мне Родину. О Господи! Я совсем по-иному, по-новому, увидел нашу речку, петляющую между холмами к сине-зелёным далям; озёра, похожие на застывшие капли небес; острова, леса. Я видел огромный и беспредельный Мир, в котором было множество красок, движения, радости и мечты! Затаившись, я разглядывал камыш у реки, где прятались дикие утки с выводком; чуть поодаль паслось стадо коров с рыжебородым пастухом Тимоней; ещё дальше — поле с охристо-жёлтой пшеницей, а по дороге ехали машины, шли люди; разноцветные крыши домов чередовались с яркой зеленью травы и деревьев. Пацаны на соседней улице — я это отчётливо видел, и свистнул, предупреждая, — пытались залезть за яблоками к злющей бабке Фроське, но она уже их поджидала за забором с крапивой в руке; девчонки гусиной стайкой направлялись на пруд; наш любимый дед — Груздок — рыбалил; моя бабка Прасковья полола огород, а наш кот Борька подкрадывался к воробьям. Я заорал на него! И сорвался, полетел с Дерева на зёмлю. Но оно мягко подхватило меня и осторожно опустило на землю...

Люди, оглянитесь, всмотритесь! Везде идёт бой, битва: на каждой улице, в каждом дворе, доме, квартире, на каждом клочке земли! Идет битва между Добром и Злом, между Светом и Тьмой, Истиной и Ложью! А в засаде сидит Равнодушие. Я покажу его вам. Только откройте глаза, распахните сердца!

По утрам мы с ним встречались у котельной. Под её дырявой крышей, рядом с кучей сизого антрацита, курили, спорили, затем шли в школу. Обычно первый вопрос, обращённый к нему, был: «Сегодня плюс или минус?» «Плюс!» — орал он и бил по голове портфелем первого попавшегося. Если намечался «минус», то отворачивался и отрывисто бросал: «Да пошли вы!» А мы и без того уже догадывались, что ему будет плохо в ближайшее время! Мы не злыдничали, скорее сочувствовали, но ещё любопытство, не знающее границ, заставляло нас преследовать его, задавать каждый Божий день эти идиотские вопросы. И — следить. Следить! Следить. За нашим друганом — Андрюхой Ардзжиленовым. Иногда, отвечая на всегдашний вопрос, говорил, почему-то тихо улыбаясь, точно зная какую-то тайну, недоступную нам: «Плюс, пацаники, плюс». Плюс так плюс! Значит, сегодня Андрюшка или деньги найдёт, или училка, ругая его за невыученные уроки, вопреки всему и самой себе, поставит ему пятёрку по математике! Или... Ладно, посмотрим... Одно несомненно — Андрей получит свой «плюс». Интересно, в чём и как выразится, каким образом произойдёт? Мы даже ставили пари на это. Но угадывали редко. Уж очень необычайно виртуозными и непредсказуемыми были эти самые его «плюсы» и «минусы».

Мы соревновались, старались в меру своих сил и возможностей угадать, а чтобы проверить свои догадки, следили за каждым его шагом. Чем ужасно надоедали и раздражали Андрюху! Не выдержав, он поколачивал особо надоедливых. Но этим лишь увеличивал число любопытствующих.

Мы взрослели, вместе с нами «взрослели» и Андрюшкины «плюсы» и «минусы».

От «плюсов», понятно, он, конечно, не умрёт, скорее наоборот: то приз получит за... неважно за что, главное, он получал их стабильно: с телевидения, от газет, от губернатора, от гороно-районо и так далее. А вот с «минусами» было намного сложнее. Они с возрастом становились всё тяжелее и опаснее. Не раз падал с крыши — с дерева — обрыва — лошади — мотоцикла — велосипеда — автобуса... Можно было бы и дальше продолжать. Часто в «минусовое» время происходили разборки с родителями — учителями — друзьями — просто с прохожими — с яблоком — кроватью — облаком! Его жизнь состояла из беспрестанно чередующихся «плюсов» и «минусов». Главное, что они случались только в чётко определённом порядке: «плюс», затем «минус»! За радостью следом обязательно и неизбежно происходила с Андрюхой какая-нибудь малая или большая неприятность, беда. И такое упорное чередование, установленное Богом или дьяволом, было превращено в жёсткий закон, который исполнялся с неукоснительной и бесстрастной исполнительностью на протяжении всех лет...

«У меня всегда так было, — говорил Андрей. — Чёрное или белое, сахар или горчица, смеяться или плакать! Среднего нет, да я и не хочу!» Но со стороны жутковато было смотреть на его «контрасты». Слишком уж резки жизненные перепады!

По рассказам его матери, в день рождения Андрея половину дня светило солнце, а затем — затмение, и следом — дождь с громом.

Да и в школе он учился «контрастно» — без троек и четвёрок, лишь «колы», двойки и пятёрки. Даже в фамилии, доказывал он, заключён «контраст»: Арджж — звучит твёрдо и резко, а окончание — мягко и легко.

С годами мы, конечно, не привыкли к его «контрастной» жизни, просто смирились, принимая — правда, с долей опаски — его таким, какой он есть. Только малолетки переняли от нас приёмы слежки и спорили, как когда-то и мы, на его «плюсы» и «минусы». Андрей чаще не обращал на них внимания, а особо надоедливых так щёлкал по лбу, что надолго отваживал следить за автором «плюсов» и «минусов». Но у Кивгаева (он не опасался Андрея: друзья всё-таки) были вопросы насчёт пресловутого «контраста». В ответ Андрей усмехался или пожимал плечами, иногда, хмурясь, говорил: «Толком и сам не знаю, почему и как это происходит. Человек ко всему привыкает. И мне сейчас нравится так жить. Это же здорово — у меня в жизни никогда не будет серых и никчёмных дней!»

Ещё в школе Андрей пытался вывести теорию закона «контраста». Математически (в этом он был силён, недаром Александр Сергеевич, нет, не Пушкин, а наш учитель математики, говорил про него: «Гений, если бы не выкрутасничал!») разработал, вывел формулу «закона контраста». И всерьёз уверял его, Кивгая, в правоте созданного им закона.

«Блин! О чём он там проповедовал?.. Что «плюс» и «минус», если ему удастся соединить несоединимое, дадут, нет, не взаимное отталкивание, а маленький ядерный взрыв, который можно было бы использовать не только для «своих личных нужд», но и для «человеков».

Однако более конкретно уже не вспомнить его теорию. Да и Бог с ней, с его «контрастом». У нас почти у каждого вся жизнь состоит из «закона контраста».

После школы их пути разошлись. Круто разошлись! Хотя планировали вместе поступать в артучилище. И вдруг — опять проявил себя этот грёбаный «закон контраста» — Андрей забрал документы из училища и поступил в театральный институт. За роль в спектакле получил престижную премию, следом — его с треском выгнали из института. Краем уха Кивгаев слышал, что Андрей некоторое время жил в родном городе. Играл в местном театре. Там опять влип в историю. Контрастную. У коллеги его умирал от тяжёлой болезни ребёнок. Для лечения были нужны большие деньги. Андрей загримировался под директора театра; используя его паспорт и документы, снял в банке со счёта театра солидную сумму; получился большой шум. Дело дошло до суда. Но вскоре это дело удалось замять, и Андрей исчез из города. Правда, изредка объявлялся — навещал мать.

Кивгаеву хотелось увидеться с бывшим другом. Иногда. Но чаще — нет. Слишком много «контрастного» накопилось между ними в последние годы. Он устал от Андрея. Мягко говоря. Это была тяжёлая ноша — их контрастная дружба. Соперник, друг, предатель, враг, умница и дурак — и это всё он — Андрей!

Птица. Доска. Тряпка. Сука. Дело. Халва. Сапоги. Печка. Холод. Холм. Кровать…

Ах да, кровать. Конечно же, Кровать!

Воспою тебе славу и великие почести! Ты достойна их. И у тебя не менее знаменитая история, чем у Яблока и Дерева, а может быть, ещё более богатая на необычайные события, что происходили около тебя и на тебе. На тебе зарождались и угасали великие и не очень люди. Подписывались указы и вершились судьбы народов. И именно на кровати… нет, пожалуй, дальше не стоит вдаваться в глубинную историю кровати. Возьмите, если вам захочется узнать её, Флавия, Плутарха, Светония, Аристотеля, Библию, Коран, и не счесть им числа — философам, писателям, мыслителям и гуманистам, кто бы не затрагивал великое изобретение человечества — Кровать!

Лучше я расскажу — коротко — о своей кровати… О ней вы, верно, ничего не знаете.

Когда я был маленьким — а сейчас, к сожалению, я большой, лысый, в очках и с брюшком — кровать казалась мне не просто большой, а напоминала огромное поле. Просыпаясь, я видел вдалеке, «на краю поля», сверкающие столбы, унизанные светящимися шарами. Я завороженно рассматривал их. Хотелось дотронуться до них. Я полз к ним, а они насмешливо улыбались мне. Тянулся к ним ручонкой, но тщетно — они были недосягаемы и все так же заманчиво и призывно сверкали вдали. Временами я плакал от огорчения и своей беспомощности, а иногда, устав, смотрел на них и улыбался им в ответ. Потом медленно я засыпал, и мне снились удивительные, сказочные сны. Просыпаясь, я слышал голоса мамы и бабушки из другой комнаты, а из дверей сочился мягкий золотистый свет и, падая на пол, превращался в золотой шар, напоминающий пушистого котёнка. Я мечтал потрогать его руками, погладить, чтобы он не убежал от меня. Я очень хотел! Но золотой шар был так же недосягаем для меня, как светящиеся столбы на «краю поля» с нанизанными на них сверкающими шарами. Ведь надо спуститься с кровати. С высокой кровати! Я смотрел вниз — на пол — и у меня от высоты кружилась голова. Но золотой шар манил и притягивал к себе. Я тянулся к нему всем своим существом. Затем я решился и заскользил вниз. Мой полёт продолжался долго. И это было не страшно, а смешно и легко! Но следом мне стало больно. Я заплакал. Золотой шар куда-то исчез, вместо него появилась бабушка Прасковья, и я очутился у нее на руках…

Какие сказки, видения и мечты я видел воочию рядом с тобой, моя Кровать! С твоего необъятного поля я учился летать. Я умел летать! Но почему же, повзрослев, утерял это умение? А моя великолепная Кровать начала постепенно уменьшаться в размерах по мере моего возмужания. С необъятного поля она съёжилась до размеров футбольного поля, затем укоротилась до хоккейной площадки, а потом… словом, из сказочно великой она превратилась в почти обычную. А когда-то я спал с любимой на тебе, моя Кровать. И ты, не выдержав

натиска нашей любви, простонала: «Пощадите, ребята!» И рухнула у изголовья! Я покатился на пол, а моя любимая ухватилась за сверкающие столбы и весело смеялась. Вгорячах хотел рассердиться на тебя, Кровать, на любимую, но она так заразительно хохотала над нами, что я рассмеялся!..

Кивгаев встряхнул головой, отгоняя рой воспоминаний, бросил в траву докуренную сигарету и прямо посмотрел Андрею в глаза.

— По-прежнему живёшь по «закону контраста»?

Андрей поморщился и слегка улыбнулся, словно вспомнив что-то забавное.

— Конечно. А ты не забыл... — он на мгновение замолк, посмотрел на серое угрюмое небо, на десантников, прикорнувших у дерева, и как-то виновато, сожалеюще сказал: — Куда от контраста денешься! Кстати, если помнишь, то по одному из законов контраста, при соединении чёрного и белого, образно говоря, происходит выделение некой энергии. Правда, зрительно это не видно, но результаты налицо!

— Какие же это результаты?

— Убит Мовлади Исрапилов — идеолог «чехов». И вот только что — Хаттаб.

— И это... ты?

— Ну не только! Задействованы и другие люди. Но «закон контраста» был главной скрипкой!

— Чёрт! — Кивгаев в волнении встал. — Мне нравится такой «закон контраста». За это можно и выпить...

— И в баню сходить!

— Сходим. Давай пять!

Он помог подняться Андрею и уже без тени сомнения обнял его...

После полудня они добрались до расположения батальона.

Неподъемной глыбой навалилась на десантников усталость — хотелось лечь и не вставать. И не говорить, и не думать...

Кивгаев с Андреем, доложив полковнику Филонову о проделанном, получили разрешение — наконец-то! — осуществить своё запредельное желание — помыться, попариться в бане!

Не удержавшись, Филонов сам отвёл их в баню. Правда, сама баня мало напоминала классическую. Стены её были «состряпаны» из досок разной величины и толщины, частью из-под снарядов. Всё это сооружение банное было помещено в глубоко вырытую яму. По горячему уверению полковника, «банька что надо!». При этих словах у полковника ржаные чапаевские усы подрагивали, а лицо яро покраснело, словно заранее предвкушая банный жар и тот особенный запах, что царит в истинно русской бане! Он показал, как набирать воду, и, пожелав им крепко попариться, вышел, тихо прикрыв за собой дощатую дверь.

Они только успели снять обувь, как рядом что-то щёлкнуло, точно кнутом, и следом вразнобой застучали выстрелы. Послышался чей-то неясный вскрик, стон...

Не сговариваясь, они выскочили из бани. В метрах десяти от них лежал Филонов. По неестественно выгнутому, неподвижному телу и высоко запрокинутой голове они догадались: полковник тяжело ранен, но вероятнее — убит.

Рядом, цвиркнув, рикошетом ушла в небо пуля.

Залегли.

Что работает снайпер, поняли почти сразу... Он бил одиночными, выверенными выстрелами. Ему отвечали злым и беспорядочным огнём.

Оглядевшись и перекрывая заполошные выстрелы, Кивгаев крикнул Андрею:

— Он, гад, сидит на водонапорной башне!

— Она там, — уточнил Андрей. — Снайперша. У них, в основе, бабы из Прибалтики...

— Эх, Филонов!.. Афган прошёл, а тут...

— А может, жив ещё?

Небо всё сильнее хмурилось, опять принялся моросить мелкий, колючий дождь.

Быстро, с опаской, как тать в ночи, подкрадывался осенний вечер, покрывая серым невзрачным полотнищем уже еле видимые горы.

«Банька что надо!» — зачем-то вспомнил Кивгаев слова Филонова, и вслух у него вырвалось:

— Етит твою! Попарились...

Через полчаса, когда выстрелы стали затихать, они подобрались к полковнику. В виске чернело небольшое отверстие. Из-под стиснутых намертво зубов, через расщелину синюшных губ, просочилась тёмная струйка крови...

Они подняли Филонова, и тут Кивгаев увидел, что у впереди идущего Андрея вдруг подломились ноги и он валко опускается на бок.

Дальнейшее Кивгаев видел смутно, как сквозь дождевую пелену. И помнил всё происходящее отдельными отрывками, эпизодами... Вокруг бегали, кричали, стреляли, стреляли... Он тоже кричал кому-то, матерился, перевязывал исходившего кровью Андрея. Стрелял, затем опять возвращался к уже замолчавшему другу. Потом бежал вместе с другими, падал и опять стрелял... Ярко помнил тот момент, когда её всё-таки взяли, стащили с водонапорной башни, с уханьем били ногами, в жутком молчании, торопясь, привязывали верёвками за ноги и руки и к двум бээмпэшкам. «Прекратить! Стой!» — орал Кивгаев, стреляя в воздух. На него тоже кричали: «Она, сучара, семнадцать человек положила! Будешь лезть — и тебя вместе с ней скрутим!» Взревели бээмпэшки! Кто-то сбоку ударил его в лицо, посыпались градом удары со всех сторон. Его отшвырнули, как щенка...

Камень. Вода. Огонь. Жар. Снег. Весна. Шоколад. Горчица. Одеколон. Туалет. Утро. Ночь. Луна. Любовь...

Она была высокой, изящной, тонкой, с азиатским разрезом глаз, в которых плескалась боль, тоска. Они словно не видели никого и ничего. И говорила она с усилием, медленно, словно в трансе:

— Я с ним ехала в поезде… этот город. А он… уехал. Дальше. Волшебно. Никогда… ни с кем так… Может, он сошёл с поезда в этом городе — на следующей станции. Может, он тоже живет здесь?.. Напишете мне плакат?

— А текст?

— Что я ищу Его! Жду Его! Что… время без него — это время ожидания Его!

— И что вы будете делать с плакатом?

— Я повешу его на грудь и пойду на площадь. Он обязательно придёт! Если это не произойдёт, то буду ходить по улицам, поеду в другие города. Буду стоять на площадях, буду ходить и искать Его! Я найду Его!..

— Она была грузинкой!

— Совсем нет — русская.

— Говорили, что она — татарка…

— Какая, в конце концов, разница: любовь — вненациональна!

Когда она поняла, что Его с ней не будет, то отказалась от еды и воды, легла на кровать, отвернулась лицом к стене… Вчера состоялись её похороны…

Тяжело бухало сердце, ныло. Кивгаев потёр грудь ладонью и, чтобы успокоиться, потянулся за сигаретой, оглянулся — жены в кровати не было. Что, чёрт побери, с ней? Тайком плачет. Он это случайно заметил на прошлой неделе. Но промолчал, надеясь, что сама расскажет. Нет, рот на замок. И эта в последние дни заправа — уходить спать в другую комнату. Надо бы поговорить с ней… Тут он вспомнил о неожиданном звонке, и мысли о жене отошли в сторону. Кивгаев встал с постели и побрёл на кухню, где пристроился на подоконнике, открыл форточку и с наслаждением закурил.

Смотрел на спящий город. С пятого этажа он хорошо просматривался. Изредка проезжали машины. Восточная часть неба начала слабо розоветь. Хлопнула дверь подъезда. Кивгаев догадался: Федька, сосед, отправился на рыбалку.

Курево немного успокоило Кивгаева, но сон окончательно пропал, когда он вернулся в опустевшую кровать. Лежал с закрытыми глазами, думал…

Он зашёл в кафе и сразу увидел их — её и его.

«Господи!» — у него так забилось и заныло сердце, что потемнело в глазах. Он машинально ухватился рукой за вешалку, боясь упасть. Первым желанием его было — уйти! Но ноги не слушались, и казалось, что он не сможет пошевелить ими. Унимая бешеный бег сердца, шагнул к их столу.

Она сидела, опустив голову, он чему-то улыбался. И эта его улыбка разозлила и одновременно успокоила…

Он что-то сказал, но Кивгаев не расслышал: уши словно ватой заложило. Он сидел рядом с ними, пытался слушать и рассматривал светло-синюю скатерть. «Кто создавал эти странные узоры? — отрешённо размышлял он. — Декоративные цветы? Нет, не цветы, а геометрические орнаменты. Но по-

чему тогда неправильные овалы и многоугольники на глазах превращаются в ухмыляющиеся рожи, хари? И кто-то запел песню о закате и восходе. Узоры? Рожи? А белые скользкие нити становятся живыми омерзительными червяками! Красные похожи на истекающие кровью вены. Слава Богу, что среди этого непонятного и страшного зрелища летит белоснежная птица надежды! Да нет, это сидит огромная муха на скатерти и чистит свою потешно-уродливую мордочку с усами мохнатыми лапами. Но рядом срывается с ветки и прямо ко мне летит синяя птица! А как чудесен этот хрустальный стакан! Сколько же в нём оттенков и красок — сине-фиолетовых, бирюзовых, изумрудно-лимонных, а по граням он вспыхивает светло-розовыми, золотистыми бликами… Ах да — стакан? Значит, они собираются из него пить? Может, уже пили? Они… Она и он. Что это значит?..»

Кивгаев посмотрел на него.

Он всё так же улыбался…

«Странные, пожалуй, у него глаза, — подумалось Кивгаеву. — Вроде светло-серые с коричневыми крапинками, но, отсвечивая, меняют цвет на тёмно-зелёный, даже фиолетово-бордовый, нет, точнее, они у него всё же темно-ультрамариновые с жёлтоватыми искрами… И вновь его глаза поменяли свой цвет на светло-зелёный, затем стали золотисто-охристыми…»

Он вдруг осознал, что там, в глубине его зрачков, сокрыто великое множество красок, оттенков, мыслей… Его глаза можно рассматривать бесконечно долго. Без слов. Они не нужны. И так всё понятно…

— …Кошка любит тепло и когда её гладят. Тигр любит мясо, думаю, он тоже любит ласку. Попробуй погладить его! Только не надо бояться. Он не должен почувствовать твой страх. Бог и Дьявол — сейчас скажу тавтологию, может, примитивную, но верную — одинаково любят, когда их — любят! Единственно, что их понимание этой самой ласки, любви — разное! И отношение к ней — тоже. У Бога нет оттенков, цветов, запахов любви, там всё иначе — может, проще, может, сложнее — но любовь одна! А у людей она делится на любовь к родителям, любовь к детям, любовь к Родине, любовь… на множество частей, подотделов делится наша лю-бо-вь. Де-ли-тся! Доделились! И остались от неё малые крошки, да и те — полузасохшие!

О чём это я?

Да. О контрасте… О нём — милом и незабвенном. Представь, Кивгай, что мне удалось разгадать некоторые его тайны. И более того, я научился управлять им. Частично. А может, это он управляет мной. Понять его полностью не хватит жизни. Иногда он бывал в обращении со мной той ласковой и пушистой кошкой, а временами — тигром, который любит охоту и мясо! Часто он казался Божьим проявлением и даже самим Создателем, но нередко — дьяволом, строящим мне козни и беды, разрушающим мою жизнь. На самом-то деле оказалось… Нет, перейдём к делу. Я решил передать тебе, Кивгай, «закон контраста».

— За что мне такой «щедрый подарок»?

— Зря иронизируешь! Это действительно сокровище, а точнее — Откровение. Если ты поймёшь его сущность, что он хочет от тебя! Начни с Яблока…

— А «плюсы», «минусы»?

— Вначале будут и «плюсы», и «минусы», но потом всё круто изменится. Уже меняется…

— Я понял. И начинается с «минуса»: она остаётся с тобой?

— Да.

Она впервые за время их общения подняла голову и посмотрела на Кивгаева.

— Прости!

«Господи, — чуть не сорвалось с губ Кивгаева, — что с её глазами?! Серо-зелёный цвет их изменился на тёмно-синий, затем на палево-золотистый, потом… там, в ее вселенной, его планета…»

Он встал и молча пошёл к выходу.

Кивгаев шёл по многолюдной улице и не слышал голосов и шума машин. Он был в прозрачном звуконепроницаемом скафандре. Хотелось горько-горько заплакать, как в детстве, чтобы полегчало. Но слёз не было… Лишь через час у него появилось желание: уйти, убежать, скрыться от всех людей, домов, машин — от всех и от всего! В конце концов, это ему вроде бы удалось — забрался в чащобу заброшенного парка, где даже скамеек нет. Лишь, крадучись, рядом прошмыгнула тощая, в репьях собака. В густой, непрокошенной траве он упал, споткнувшись о старый, кем-то брошенный или забытый портфель. И его нисколько не удивило, когда из распахнутой пасти портфеля полезли тугие пачки денег. Их было очень много! И этот коричневый, невзрачный портфель, и эти деньги лежали среди упавшей листвы, бурьяна, травы и — ждали именно его, Кивгаева! Он в этом не сомневался, ведь это был — «плюс». От «закона контраста».

— Это похоже на систему, на учение…

— А может, это новая религия?

— Думаю, когда вы больше узнаете о «законе контраста», сами и решите, что это…

Человек подъехал на велосипеде к дому и постучал в окно. Он был высокий, поджарый, худощавое лицо его оживляли большие серо-голубые глаза. Одет в потёртые джинсы и скромную клетчатую рубашку.

Учитель открыл фрамугу окна и коротко переговорил с ним. Человек на прощание посмотрел на нас своими светло-зелёными глазами, чудно осветившими его лицо, улыбнулся и кивнул…

— Это — он?

— Да.

Кто-то из новичков хихикнул:

— Вы же сказали, что он сегодня улетает в Лондон на собственном самолёте? Может, он решил добраться до Англии на велике?

— Или это опять — «закон контраста»?

Кое-кто засмеялся. Лицо учителя построжало.

— Вам ещё многое предстоит познать, открыть... Не смотрите поверхностно! Измените свои ценности — и вы измените свою жизнь и своё будущее. И не только своё... А так... он просто захотел вспомнить детство, посетить родительский дом, увидеть Дерево, покататься на велосипеде...

Небо быстро затягивалось стаями туч. Зашумел ветер, подметая, словно заправский дворник, улицы; следом — начался дождь. Неподалёку от нас писал этюд художник. Он спешил завершить работу и быстро, резко бросал мастихином краски на холст.

Человек прислонил к дереву велосипед и подошёл к художнику. В его руках появилось нечто похожее на удлинённую трубку. Он поднёс её к губам, и послышалась мелодия... Может, это была свирель или жалейка, но, в сущности, не важно! Музыка тонко вплелась в струи дождя и быстро понеслась к серому небу. Художник писал, а около него играл человек. Музыка по-первобытному проста, доходчива, но по-особому нова, свежа и проникла прямо в душу! И были в ней печаль, слёзы и радость людей, Яблока, Дерева, и это серое небо, и тёплое чувство сострадания, переросшее в Любовь, в Свет, в Добро...

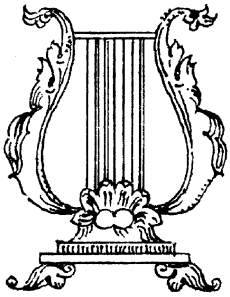
И, точно подчиняясь музыке, тучи нехотя, а затем, ускоряя свой бег, начали отступать, рассеиваться. Дождь прекратился. Стало тихо и спокойно. И уже не торопился художник. И думалось, что душа его и руки пишут, живут в ритме этой музыки...

Солнце вновь вступило в свои права. Музыка замолчала. Но на смену ей вдруг заговорили, засвистали, запели птицы.

К человеку подъехал чёрный джип. Перед ним услужливо распахнули дверь машины. Садясь, он едва приметно махнул нам рукой, а может, художнику, птицам...

Мы летели!!!

На кипенно-чёрном небе мерцали, подмигивая, далёкие и близкие звёзды, в ушах свистел ветер, а лицо моё гладили синие ладошки Дерева. С высоты уже почти не видны люди, машины, а дома, улицы и деревья сливаются в единую массу, лишь река сверкала серебряным поясом на теле Земли. Наш город становился всё меньше и меньше. Исчезли, канули в вечность все проблемы, дела и беды, и открылось это бесконечное и непостижимое великолепие Космоса. А в душе — радость великая от красоты Мира, Вселенной! И тихо звучала знакомая мелодия, что смиряет и покоряет дождь, стихию, злобу людскую, чёрное и порождает тепло, свет, гармонию. А может, радость души ещё оттого, что рядом со мной летит Дерево! И я уже начинаю понимать, что оно шепчет мне, щекоча ухо своими синими листьями...



ПОЭЗИЯ КЛУБОВ «СУРЫ»

Евгений ШТОРМ

* * *

Я путаюсь в датах.
В моей фонотеке осень.
Я слушаю ветер
И шорох опавшей листвы.
Мне кажется: время
Уже никуда не уходит,
А прячется в тучах,
Несущих грибные дожди.
Всё будто бы снится:
Чужие места и дороги.
Кружатся рисунком
Пропавшие без вести дни.
И плачет над чем-то
Моя заплутавшая осень,
Меня принимая
В холодные руки свои.

Алексей ШИТИКОВ

ВЕСНА

Вот и весна… Ну а как же иначе?
Как-то нежданно (а жду ведь давно).

** Редакция журнала «Сура» поздравляет клубы поэтов с 10-летием, желает их участникам здоровья и творческих успехов.*

Скачет по комнате солнечный зайчик —
Это напротив моют окно.
Лёгким движеньем девчушка-подросток
Стёрла след стужи с души и с окна.
Новую жизнь незатейливо-просто
Так начинают во все времена.

Солнечный зайчик по комнате скачет.
Девушка в настежь открытом окне
Верит в себя. И немножко — в удачу.
И улыбается… миру и мне…

Антон ШУМИЛИН

* * *

Не разглядишь: Россия? Бразилия?
По шестерёнкам — ящерица желания
быть Кататики, быть Базилио,
поднятия, накопления и жевания.

Высекаются условные единицы,
искры третьего мирового пожара,
приказ — размножаться, запрет — делиться
и знать, что рука пожата.

По шахтам блуждают карнавалы истории
траекториями слепых котят.
Строили, строили и, наконец, построили:
вершки могут, корешки хотят.

Юрий СЕРЕБРЯНИК

* * *

По горной тундре — волчьею тропой,
И не ищи в делах богини знаков:
Карибу тут придут на водопой,
А я тебе нарву — полярных маков.
В горах Огилви солнечно. Весна
С девчушкой неуверенною схожа.
Ты будешь жить, гешурская княжна,
Ты будешь жить — и радоваться тоже.
Ты убегаешь в атабаскский быт,
Сбегаешь — от амнонова закона…

А знаешь, панна, он тебе открыт —
Водораздел Маккензи и Юкона.

Марина ГЕРАСИМОВА

СМЕШЕНИЕ ШТИЛЕЙ

Послушай, алмазный, такие дела,
из-под крана
мы больше уже не течём.
Забыты обиды, победы и старые раны.
Мы носимся поодиночке, и каждый — с картонным мечом.
Ты больше не пишешь наивных стихов подростковых.
Ты спишь по ночам и не светишься по мелочам.
Весь мир рассекречен, развинчен, разболтан, раскован…
Горячечным сном оказался желанный причал.
Я больше тебя не ищу в одинаковых лицах.
Все — Смиты. Всё смято в один ядовитый клубок.
Я даже теперь не могу по-студенчески лихо напиться:
портвейн, шоколадка и танец, в котором ты бог…
ШабАш, мой алмазный. That's all!
Электронные письма
не в моде давно — запускай в синеву голубей.
Старинный прикол —
по полёту читать твои мысли.
Любить и надеяться с каждой секундой больней!

Сергей ГРИШИН

* * *

В прямоугольник окна вписаны дождь и туча.
В комнате холодно и не на что посмотреть.
Сходить наружу, узнать, чем потешит случай.
Вернуться опять — с батоном, и с чаем съесть.

Осенний дивертисмент листопадов и замерзаний.
Немыслимое спасибо вчерашних горячих дней.
Итог всевозможных бредней и расставаний.
Упало бы всё быстрее. И снегом на всё скорей.

Несказанного полно. Но сказано было больше.
Несделанного вагон попал на прицеп судьбе.

Ты знаешь, знаешь. Ты многое знаешь тоже,
По жизни осенними строчками пролетев.

Ты тоже сейчас допиваешь кофейный вечер.
Ходила вовне, но тут же опять вовнутрь.
Ты скоро уснёшь и помчишься заре навстречу
Мимо того, где темно, пустота и хмурь.

В который раз тепло наших тел не найдено.
Ни чувств, ни сил, ни последних желаний нет.
И ты уходишь из нашей квартиры памяти,
И следом тянешь из комнат весь скудный свет.

Борис РЫЖОВ

В НОЧНОМ

В сон уже природу клонит.
Солнце скрылось на ночлег.
Заслужив свободу, кони
Мчатся от своих телег.

Ждут в лугах их с соком травы,
Речка с чистою водой,
Песни ветра средь дубравы,
Звёзд мерцающих покой.

И летят они стрелою,
Споря с ветром, неспроста —
Позабыв узду с дугою
И удавку хомута.

Искупаются там в росах,
Отряхнут печаль из глаз.
И привидится им в грёзах
Небозвёздный конь Пегас…

Александр ЖАТКИН

ОТБЛЕСК

Вот и кончилось лето.
Отшумела страда.

По стерне безответной
Взгляд скользит в никуда.

На усопшую ниву
Мелкий дождик пылит.
Серый ворон уныло
Колосок теребит.

Тут один он хозяин
Вширь бескрайней глуши.
Непригож, неприкаян —
Затерялся в тиши.

Мглою низкое небо
Накрывает стерню.
Был тут кто или не был?
Ничего не вернуть…

Но в сплошной обезличке,
Серой мгле невпопад,
Три берёзки-сестрички,
Пламенея, стоят.

Нина СТЁПОЧКИНА

ДИАЛОГ

По мотивам книги
Веры Дорошиной
«Слова на ветру»

1

— Ты зачем же столько взвалила
На свои молодые плечи?
Тяжеленную боль человечью
Пронести тебе хватит ли силы?

— Я осознанно выбирала
Путь до звёздного перевала.
На заре, подойдя к подножью,
Я сама выбирала ношу.

2

Я простила уже беспощадное время.
Есть бумага, перо и друзья, и очаг есть, и кров.
В лихолетье времён созревало озябшее семя.
И теперь разнеслись парашютики мыслей и слов.

Сердце было редактором строк, им Вселенная внемлет.
И не важно, что кто-то сегодня понять их не смог,
Ведь однажды зерно упадёт в благодатную землю
И осветит глухое ненастье лучистый цветок.

Татьяна СЫЧЁВА

МАМИНА ПОБЕДА

Брату
А.М. Тейковцеву

В грозном сорок первом ты родился,
Ворог уже ястребом кружился,
А земля страдала от увечий
Тяжело, совсем по-человечьи.

Миллионы жизней обрывались,
А твоя жизнь только начиналась:
С тёплых рук и маминой улыбки
И качающейся плавно зыбки.

Но за горестных четыре года
Взрослой ложкой зачерпнул ты голода,
Да и холода сполна изведал.
Что ты выжил — мамина победа!

У землицы затянулись раны
Жгучею крапивой да бурьяном.
И на ней — многострадальной нашей —
Звёздами зажглись могилы павших.

Ты стоишь у обелиска скромно
В орденах и золотых погонах,
Сильный, смелый — весь в отца и деда.
Что ты выжил — мамина победа!

Ольга СМИРНОВА

* * *

Ветер уносит прочь сожаления,
Горечь, потери, боль и сомнения.
Дождь ледяной по лицу, словно плеть.
Ты понимаешь: надо успеть,
Путь, что намечен, пройти, не боясь,
Чувств и желаний своих не стыдясь.
В мокром асфальте колеблется свет,
Грани меж прошлым и будущим нет.

Юрий ГУЗЁНИН

СУВОРОВ

Генералиссимус князь Италийский,
граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский,
непревзойдённый гений военных баталий,
кавалер многих российских и иностранных
орденов, не выносил своего отражения
в зеркалах из-за неказистого вида.

В парадном зале церемоний,
Вокруг накрытого стола,
В потоке света и гармоний
Звучат хвалебные слова.

Все вспоминают здесь Фокшаны,
Козлуджи, Мемель, Туртукай…
И льют шампанского фонтаны,
И пьют божественный токай.

А у стены застыли чинно
В ливреях слуги, говоря:
«Так бескорыстно и причинно
Здесь не хвалили и царя.
Суворов наш, по ноздри русский,
Не просит кофию с утра,
Не мил ему порядок прусский,
Чужда излишняя муштра.

Он богатырь, каких найди-ка,
Могуч и грозен, как скала.
С ним воевать — афронт великий.
Ах, уберите зеркала!»

Татьяна РУЗАЕВА

СТЕПЕНЬ

Высокая степень
Степи —
Безмерная даль
В квадрате,
И зыбкость неточного «пи»
Круглит горизонт в закате.

Высокая степень
Степи —
Упорная постепенность.
Усталая ось скрипит,
Как будто «терпи, терпи»
Твердит
Самой жизни
Бренность.

Высокая степень
Степи:
Снят слой —
Не второй, не пятый…—
С горы,
Где «Господь, укрепи!»
Молил на кресте Распятый…

Высокая степень
Степи —
Взлёт лет,
Переплёт столетий.
Но время её не крапит:
Ни меток,
Ни междометий…

Высокая степень
Степи —

Серебряная
Зарница:
Загона закон
Преступив,
Ковыльной тоски
Испив,
Степная
Летит кобылица!

Людмила ЗАХАРОВА

ПОЗДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ

Сквозь силуэты чёрных сосен
Смотрю на город освещённый —
Он точно в тайну посвящённый…
Его я заманила в осень.

Под сенью жухлою деревьев
Искать тепла и света стала,
И вдохновения… устала
От серых дней и недоверья.

Горят рябиновые гроздья —
Мне от тебя подарок пышный.
Божественнее и возвышенней
Чувств запоздалых половодье.

Сквозь силуэты чёрных сосен
Вошла в любимую аллею.
О! Я ничуть не пожалею…
Что заманила город в осень.

Татьяна КИТ

ПЕВЧАЯ ПТИЦА

Пристала к воронам нездешняя птица,
С цветным опереньем и петь мастерица.
Но песен не пела, пером не блистала,
Как будто боялась большого скандала.

Однажды весною, на зорьке румяной,
Она вдруг запела искусным сопрано.
Вороны такого вовек не слыхали
И певчую птицу из стаи прогнали.

Куда подалась голосистая птица?
Не знает никто, даже эта страница.

Лидия ТЕРЁХИНА (ДОРОШИНА)

* * *

Н. М.

Всю ночь в своём саду заброшенном
в подол я собирала паданцы.
День растворился в снежном крошеве,
не дав нарадоваться,
что моего земного странствия
пока что путь и срок не кончены,
хотя и безрассудство — праздновать
мглу за оконцами.

Она вслед за вестями с Запада
на сердце пала тяжким бременем.
Их смоет — знаю я по опыту —
со временем
тишайших слёз, капели робкой
всё обновляющая влага.
И примет строки чистой пробы
бумага.

Евгений ПАНИН

СТРЕКОЗА

Стрекоза устала в воздухе кружиться,
Присела на ромашку дух перевести.
С виду ничего красотка не боится,
Всё-то ей до фени, трава хоть не расти.
Но вдруг сачок бесшумно
Из синевы наплыл.

— Попалось, мама, чудо!
Стрекозку я накрыл.
И мне ничуть уже не страшно,
Она как вертолёт!
Но где же она, мама?
Нет на ромашке, ой...
И вновь бежит, упрямый,
Мальчишка за мечтой.

Ксения МОСИНА

* * *

Я не знаю, сколько Каин просидел у вод Евфрата,
Я не знаю, сколько Авель пас овец на берегу,
Только чувствую, что где-то Авель кается за брата,
И поэтому от мыслей огородами бегу.
Что же это? Был ли мальчик нарисованным в блокноте
Или вот он, но не рядом — обжигающе-живой?
Вижу, он расправил крылья и в стремительном полёте
Стал, как птица, невесомым, лёгким ветром над травой.
Он раскачивает Землю, он не может по-другому,
Видно, Бог таким задумал в мире именно его.
Я протягиваю руки к соснам, к солнцу золотому,
Я стою в прозрачном лете и люблю его всего.

Александр ЖАЛНИН

СЕНОКОСНАЯ ПОРА

Щедро дождь напоил золотые поля,
Жаворонки поют, расцветает земля.
Солнце ярко блестит, воду радуга пьёт.
Рано утром косарь на работу идёт.

Изумруды лугов в переливах цветных,
Под лучами горят брызги капель на них.
Косит травы отец, пропотела спина.
Что жара, что слепни! Дума только одна:

Как бы нынче успеть этот дол докосить,
Чтоб скотина — сыта, чтобы зиму прожить.

Александр ФРОЛОВ

СКАЧОК

Росток сломал асфальта панцирь.
Где дом сгорел, там дивный сад.
В подземной келье старый пастор
Застыл с ключом у вечных врат.
В минуты крайнего отчаяния
Реальность режет, словно нож.
В изгибах блеклого мерцания
Далёких звёзд ответ найдёшь.

Горит цветок в безмолвной неге,
Струится лепестками свет.
Бег облаков в бездонном небе,
Плывущих миллионы лет.

Ступень наверх в пустую вечность,
Прочь с огненного колеса —
Оставить Путь наш старый, Млечный,
Начав скачок с Большого Пса.

Елена ЧЕБАЛИНА

* * *

Когда бы нас было всего лишь двое в кругу времён,
Ты стал бы книжным моим героем, маленький Робинзон.
Кусочки солнца ловил бы в стёклышках на песке
И пересчитывал звёзды, зажатые в кулаке.

Ну а пока, взгромоздясь на шаткий дощатый трон,
Чужие судьбы жуёшь, искатель чужих корон.
И сквозь тебя прорастает старый, тщедушный бес,
Как будто ты на мгновенье умер и в нём воскрес.

А я, незрячая, копила твои секреты,
А мне бы сжечь эту комнату и раскрутить планету,
Да так, чтоб ветер в глаза, и слёзы до одичания,
И ты б, мой ангел, на той стороне земли встречал меня,
Приручал.
Или вовсе б не знал.

А мир, он весь из потрескавшихся зеркал,
Оступился — пропал.
И когда-нибудь будешь отрыт
Так нелеп и безлик, что эпоха тебя простит.
И остывшее солнце, по рыхлой скользнув щеке,
Потеряется в стёклах, рассыпанных на песке.

Тамара АРХИПОВА

КОВЁР

Ковёр персидский на стене —
Простой орнамент.
Ткала ткачиха на станке
Восточный темперамент.
Летали руки вверх и вниз
В лучистых искрах.
Мелькали радостно цвета
Меж пальцев быстрых.
Узоры, ромбы, завитки —
Сверкают краски.
Здесь листья, птицы и цветки
В весёлой пляске.

Дана ЛОБУЗНАЯ

СОН

Батыева конница — вечная воля,
Галопом ты в детство влетела моё.
И утренним ржаньем, знакомым до боли,
Ты ныне тревожишь моё забытьё.

Меня настигаешь на поле росистом.
Ликуя, лечу я сквозь шорох жнивья
Туда, где студёный ручей голосистый
У не опалённого горем жилья.

Над полем воздвиглась небесная арка
Летящей орде — многоцветной дугой.
Послушен мой конь, норовистый и жаркий,
Поводьям, натянутым властной рукой.

Но там, впереди, не деревня, не поле,
Лишь синь бесконечная с неба течёт.
И конь мой, нарушив хозяйскую волю,
Меня в вышину голубую несёт.

Покрылась холодной росой амазонка,
И зябко ногам в стременах-бубенцах.
А птицы прощаются песнею звонкой
Со мной, не желающей ведать конца.

Елена ДАЛМАТОВА

* * *

Я бросалась словами сложными,
За гордыню меня ругали.
Дотянуться до неба можно ли
Опустевшими вдруг руками?

За спиной оставляя прошлое,
Я, быть может, мудрее стала,
Но вернуться к началу можно ли,
Коль монетки в фонтан бросала?

Мишура украшений сброшена,
Незаметно уходит сила.
В этом мире остаться можно ли,
Если я его недолюбила?

Михаил РУДАКОВ

* * *

Мне показалось? Нет, вы это видели?
С седыми волосами молодых.
Как в глубине пропахших потом кителей
Они хранили карточки родных.

Мне показалось? Нет, вы это видели?
Как накрывали длинные столы
Европы обезумевшие жители
За то, что мы с них сбили кандалы.

Не показалось мне, и вы, бесспорно, слышали
Скорбящую молитву тишины
По детям Родины, которые не выжили,
Тем самым заплатив за смерть войны.

Алёна РОМАНОВА

* * *

Мне срочно нужны эндорфины,
Ведь в нашей бездонной стране

Мы мечемся, словно дельфины,
Проснувшиеся в западне.

Мне очень нужна та улыбка,
Которой меня ты будил.
Искать двойника — моя пытка,
Ещё ни один не любил.

Мой мир подытожен восходом
Того злополучного дня:
Семнадцатого ноль второго —
Мой первый глоток без тебя.

Сергей ЖИДКОВ

* * *

Осознай под ногами цветочную выкладку щебня,
Позади дышат рельсы, угрюмо сопят хвощи.
Мы уткнулись в закат и молчим на его гребне,
Чтобы слышать, как что-то живое в земле трещит.

Передышим июль, распахнём листопадные вести.
Пронесутся составы, улягутся встречи по чётким клише.
Я, конечно, не против сейчас умереть вместе,
Потому что спокойней и чище не будет уже.

Уходя в поцелуях в туман, из которого вышли,
На железной дороге судьбы с неуместным зонтом
Как взлетим в эконом-новостройках отчаянных мыслей,
На мгновение радости вспыхнув единым пятном?

Александр ПИМЕНОВ

ЦВЕТЫ МЕЧТЫ

Желты и свежи, будто бы лучи
Упали с неба на луга и нивы
И проросли, где травы и ручьи,
Где жизнь течёт роскошно и лениво.

Хотят вернуться к солнцу своему
Настолько, что становятся прозрачны!
Взлетайте, милые, взлетайте, ну!
Мечта мечтой пусть будет, не удачей.
И зонтики осядут на траву,
Их души не мелеют с каждым годом.
Цветы мечты — их просто назову —
Попытка обмануть природу.

Цветы мечты прозрачны и просты,
Но изо всех — одни летать умеют.
Когда у роз опущены листы,
Они легки, их ветер в поле сеет.

Вера ДОРОШИНА

ЗЁРНА

На нас глядят глаза из прошлого,
что опечатано, как дом,
обчищенный ворами дошлыми
и предназначенный на слом.

За переплётами разбитыми
его чернеющих глазниц
таятся свёрнутыми свитками
пергаменты минувших лиц.

И мы — лишь смутные прообразы
тех, кто на смену нам придёт,
мы — зёрна, брошенные в борозду,
в безудержный круговорот

времён, пространства и материи.
Меняя роли, имена,
тела, в божественной мистерии
душа играть обречена.

Владимир РОГОЖКИН

ТАЙНА

Уложи свою ладошку
В мои тёплые ладони
И послушай, как по снегу
Мчатся вскачь лихие кони,

Как по следу рвутся волки,
Воя страшно и протяжно,
А что эти волки — вьюга,
В этот миг не так уж важно!

Перешепчет вьюгу шёпот,
Отогреют губы губы,
И бутоны роз пробьются
Через снеговые шубы.

Зажурчат ручьи беспечно,
Запоют в ночи свирели,
А потом... (Но это — тайна!)
Ты уснёшь в моей постели.

Надежда БАКЛАНОВА

ЛАВРЕНТИЮ ЗАГОСКИНУ

Палисады редута трещат от мороза...
С посиневшими иглами — лиственниц ряд.
Величайший Юкон — неизведанный, грозный —
Обрядился в стеклянный холодный наряд.

Только ворон Иельх — бог индейских народов —
Прилетает оттуда, где важно заря
Проливает свой свет в ледяную природу,
Обещая добычу и силы даря...

...А в рябиновой роще, средь ягод искристых,
Память отчего дома греет прежним теплом.
Веет русской печалью, снопом золотистым,
И таким незабвенным кизячным дымком.

Елена МАКАРОВА

* * *

Ощущаю мурашки на коже,
Как прохладного ветра глоток.
Я вдыхаю тебя осторожно
И читаю о нас между строк.
Неразборчиво и торопливо
Мелким почерком
Смяты слова.
Недоедены крупные сливы,
Те, что мы собирали вчера.
Нитка бус, привкус лета,
На станции
Зарифмованных музыкой дней
Закружили друг друга,
Так в танце, мы,
Что зажгли целый город огней.

Наталья АБРАМОВА

СЛОВА

Легко обидеть понапрасну,
Слова вонзая в грудь клинком,
И шутка может стать опасной,
Коль речь не согласована с умом.

Словами просто защитить иль ранить.
Ни для кого, наверно, не секрет:
Нетрудно лестью сердце затуманить,
А правдой всё свести на нет.

Слова мы часто говорим без дела,
Язвим, ругаемся, кричим,
Чтоб после извиняться неумело.
Так, может, лучше помолчим?

Татьяна ЦИВИНА

УХОДИТ ВРЕМЯ

Уходит время, и сменяются одежды,
И незаметно распыляются надежды…
Но каждый день, как бабочка, взлетает.
А время наше тает, тает, тает…

Никто не знает, много ли осталось.
Вполне возможно — осталась малость.
И надо бы успеть к добру причалить…
Ведь только кажется, что всё — в начале.

Вера ВАРЛАМОВА

НА РАССВЕТЕ

Засветилось небо разноцветной дымкой.
Повяжу седые волосы косынкой
И пойду по росам, вдоль речных извивов,
Словно в детстве — босой, не боясь крапивы.
Пусть крапива жжётся, ноги мне кусая…
А душа смеётся, к солнышку взлетая.

Сергей КОРОБОВ

ОЖИДАНИЕ

Тополя и берёзы зелены,
Хоть октябрь на родимом позьме.
Вороные в упряжке мерины
Стосковались по русской зиме.
Ой ли, скоро придёшь ты, родимая,
Чтоб по снегу в мороз на санях?
Моя тройка лихая, былинная
Декабрём пронеслась второпях.

Сергей НЕЁЛОВ

МОЯ РОССИЯ

Живёт огромная страна,
Россиею она зовётся.

Терраинкогнита она
Для многих в мире остаётся.

Не может трезвый ум понять
Её способности живучей
Вновь доброй, мудрой и могучей
После невзгод и бедствий стать.

Я на земле родился этой —
На ней живу, в неё уйду.
Земли милей на целом свете
Я не искал и не найду.

Моя великая Россия,
На протяжении веков
Какая только злая сила
Не слала гибельных полков!

Гостей непрошеных встречала
Разящей яростью мечей
И в жарких схватках устояла,
Ты становилась лишь сильней.

Моя печальная Россия!
Не сосчитать тех чёрных дней,
Когда по-бабьи голосила
Над прахом павших сыновей.

Как много их, родных и близких,
Кто с честью голову сложил,
Взывают к нам от обелисков,
Из братской вечности могил.

Моя любимая Россия,
Земля моя — родная мать!
Словами, красками какими
Тебя возможно ль описать?!

И нежность палевых закатов,
Реки ли жёлтый чистый плёс,
И шум воды на перекатах,
И грусть невинную берёз.

Иль затуманенные дали,
Места, забытые в глуши,
И песни, полные печали,
Как плач изломанной души.

Весною в перелёты птичьи,
Зимой, когда снега, снега...
В любом наряде и обличье
Ты мне мила и дорога.

И от границ, где ветер южный,
До самых северных широт
Живёт большой, великодушный
И простодушный наш народ.

Непостижимая Россия,
Необъяснимая страна!
Делами славными какими
Мир удивит ещё она?!

И я всей силою сердечной
Желаю только одного,
Чтобы была Россия вечной,
Достигнув счастья своего!

Лидия МОКШАНЦЕВА

НЕ ЗАБЫТЬ

Не забыть мне, как в детстве к ромашкам
Убегала на шёлковый луг
И как божья коровка-букашка
Улетала, кружась, с моих рук.
Из цветов, что на солнце похожи,
Я плела, напевая, венки.
Где вы, дни золотые, погожие?
Незабвенные, как далеки!

Здесь, в копилке счастливых мгновений,
Луг хранит смех детей и внучат,
Стал свидетелем трёх поколений,
Но ромашки об этом молчат...

И спешу я на луг, как и прежде,
Мне б ромашек коснуться рукой.
Вновь распахнуто сердце надежде.
Только здесь обретаю покой.

Елена НОНИК

* * *

Между небылью и былью
Боль, прибитая к витрине.
Между небылью и былью
Память, скользкая, как угорь.
Где-то стукнуло окошко,
Открываясь в мирозданье,
И опять запело эхо
На двенадцать голосов.
Снова мне приснилась осень —
Семимильными шагами
Я шагаю вдаль по кромке
Никому не нужных слов.

Любовь ФЕДЯНИНА

* * *

Сквозь летний зной,
И свежесть мятную дождей,
И вечный шёпот ковылей
Колышется мираж воспоминаний,
И в зыбкости неясных очертаний
Передо мной,

За гранью той
Я вижу мир совсем иной:
Пустыня знойною рукой
Перебирает чётки каравана,
В песчаном море плещутся барханы
Сухой волной.

Плывут за мной
Все девять жизней прошлых лет.
И в каждой чётке есть ответ,
В каких я проживала ипостасях.

Кому дарила зло, кому-то счастье
Я в жизни той.

Но не покой,
В котором яростная быль
Утонет, превратится в пыль.
И жизнь застынет в рамке из багета,
Растает миражом в потоках света
Сквозь летний зной.

Нина ШЕМЕНКОВА

ВЕТКА

Ветка гнулась под тяжестью снега,
Как спина от ненужного груза.
Дни безликие, ночи — обуза,
Силы черпать, казалось ей, негде.

Тут, как ветер, пронёсся мальчишка…
Зацепил он поникшую ветку.
Снег осыпался. И — передышка:
Ожила ветвь в объятиях света!
Вновь вздохнула она, распрямилась,
Небеса в ширину ей открылись.
Вот она, долгожданная милость, —
Опустилась на ангельских крыльях!

Ольга КОРЧАГИНА

ПРО ЯЗЫЧЕСТВО

Мы параллельные миры,
И леший, и кикиморы,
И дух воды, и дух огня,
И в мрак ночи, и в свете дня.

И пусть на мне нательный крест,
Я снова оглянусь окрест,
Скажу: отмой с меня, вода,
Всё то, что для меня беда.

Ты, солнце, отогрей плечо,
Чтоб было сердцу горячо,
Ты отогрей лучами тело,
Что так земной любви хотело.

Лес, выдай тайну возрожденья —
Весеннего сокодвиженья.
О Господи, Твоё Величество!
Мы все прошли через язычество!

Теперь рассечены по вере
Мы лезвиями параллели…
Мы параллельные миры.

Виталий ФАТЕЕВ

РЯБИНЕ

Мороз озвучен красным хрусталём —
Помином осени опавшей и пропащей.
Деревьев наготу не оживить огнём
Заката тусклого — лампадою щемящей.
Сад погружён в недвижимый покой —
Воспоминанья прожитого лета,
И глубоко в перине корневой
Спят семена весеннего рассвета.

Эльвира ДРАГУНКИНА

ВЕТЕР

Я была знакома с Ветром —
Быстрокрылым и шальным.
Хорошо мне в небе светлом
Забавляться было с ним.
Он кружил меня и нежил,
Мои волосы трепал.
Душу Ветер измятежил,
Но с собою не позвал.

Улетел за сине море,
Быстрокрылый и шальной.

И теперь Тоска и Горе
Всюду шляются за мной.

Эх ты, Ветер неуёмный!
Ты зачем со мной играл?
Взглядом, искренним и томным,
Ты меня очаровал.

Только нет тебя в помине.
Ветер, я к тебе хочу...
Я теперь на небо сине
Ни за что не полечу.

Сергей ФИЛИН

* * *

Выхожу я с мечтою заснеженной
В этот ясный отрезок судьбы…
И в груди, оцарапанно-нежное,
Моё сердце встаёт на дыбы,

И по телу волненье приятное
Расползается, бьёт по вискам.
Ощущенье: объял необъятное,
И улыбка ползёт по щекам.

Я стою, улыбаясь на улице,
Умилённый, как после ста грамм,
И какой-то раскрашенной курице
Говорю: «Вы прекрасны, мадам!»

Елена ГУРЬЯНОВА

МАДАМ

Душа Ваша лестью согрета,
Вы, дескать, прекрасны, милы.
Печально, но песенка спета,
Давно отшумели балы.

Те лживые, скользкие души,
Играя людьми по судьбе,

Елей лили в нежные уши,
Не веря ни Вам, ни себе.

Их ложь замечая едва ли,
В веселье дворцовом пустом
Республику Вы проплясали,
Проели за графским столом.

Тщеславием вновь обуяны,
Глядите на Запад с тоской:
Там замок, зарёй осиянный,
Где Вам незнаком был покой.

Там Вы устремлялись по залам
За гордым вельможей порой,
Но чувством бесстыдно играл он,
Как светской пустой мишурой.

Вы хитростью жили и ложью,
Плели паутину интриг,
Весь мир Вам казался ничтожным…
И жизнь пролетела как миг.

Вадим ПЫЖИКОВ

РАНО

Я замкнул аккумулятор.
Ожидание.
Робость.
Но ничего.
Я потерял все плюсы
И замкнул только минусы,
И остался в глупцах.
Только и всего…

Григорий ДЕРБЕНЦЕВ

* * *

Как же молод и как же глуп,
Чтобы знать души своей глубь.

Я тебе ни за что не солгу,
Слишком слаб перед линией губ.

Как же молод и как же глуп,
Как мой взгляд на всё сыр и груб.
Согревая меня, как тулуп,
Ты ведёшь меня в нежную мглу.

Как же молод и как же глуп,
Бесполезен, как брошенный плуг.
Перед ними романтик и плут,
Близ тебя часто нем и глух.

Где люблю, там причастен к злу.
Мне б очнуться, понять, что сплю,
Но останется сказанным вслух:
Как же молод и как же глуп!

Джамиль КАДИРОВ

* * *

Жестокий мир, суровые законы —
Всё повторяется из века в век,
И звон монет людские глушит стоны.
Останься Человеком, человек!

Уставшие глаза печально смотрят в небо:
Что там, в бездонной вышине?
Солёный пот и там не станет хлебом,
Где с Богом будем мы наедине.

Что нам желает Бог?
Чего от нас Он хочет?
Иль просто, как и мы, свой исполняет долг?
А мы понять Его никак не можем.

Пытаемся мы ближнему помочь
Иль святости божественной достигнуть,
Отбрасывая все сомненья прочь,
Стремимся в Божий замысел проникнуть.

И, заповеди главные исполнив,
Считаем мы себя уже в раю.

Но вряд ли кто тебя с любовью вспомнит,
У жизни оказавшись на краю.

Дмитрий ВОЛКОВ

* * *

В предчувствии боя стою у границы,
Дрожащей и яркой, незримой черты.
Как звёзды рассыпаны даты и лица,
И в прошлое явно сгорают мосты,
На небе сейчас так торжественно тихо,
Рождается утро в рассветных лучах,
В предчувствии боя, в предчувствии лиха,
Рождаюсь и я у тебя на глазах.

Елена БАРИНОВА

* * *

Девочка, милая... да, это я тебе.
Брось сигарету и гадость из баночки вылей.
Это для глупых и слабых. Тебе теперь
нужно быть мудрой и сильной.
Мудрой и сильной.
Мальчики падают первыми, хоть не война, —
так говорят, и от этого горше и гаже.
Но за спиною твоею — твоя страна,
что с нею будет теперь — только время покажет.
Время покажет... хотя, оглянувшись назад,
вижу я лживых данайцев и легковерную Трою.
Но вспоминается всё же ещё Сталинград...

Инна КУЗНЕЦОВА

* * *

Над домами облака скользят —
Серой пашнею жнеца ждут...
Посмотри внимательно назад —
Годы жизни за собой зовут...

Сколько пережил дорог и гор,
Сколько вех ты миновал уже...

Встрепенулся и запел синий бор,
Принося покой и радость душе.

Серой кошкой прибежал день,
Сколько было их — и все — тебе!
Но смахни скорей с лица тень —
будет новый поворот в судьбе...

Дмитрий ВОЛОДИН

* * *

Вот и снова закончилось лето
Зигзагом четырнадцатого.
Пришло время одеть эполеты,
Наступила опять ощетинница.

Не смогли одолеть нас в двадцатом,
Не осилили нас в двенадцатом,
И по-прежнему мы — солдаты,
И трясём за плечами ранцами.

Ранцы школьные в краткий срок
Перекрашены цветом хаки,
И могучий железный поток
Ждёт сигнала скорой атаки.

Александра ОДРИНА

ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Утро зеркалит вечер,
темень рассвет печёт,
ночи сомнений вверчены
в адовых кру́гов счёт.

Стрелки бегут по кругу
не по своей вине,
гонятся друг за другом,
но не поймают, нет.

Мы наполняем время,
мы утекаем в

тело его безмерное —
горло без головы.

Это безумный подвиг,
это — сизифов труд:
жизнью своей наполнить
спешку пустых минут,

чтобы насытить время…
Я открываю дверь:
пахнет октябрь апрелем —
я выхожу в апрель!

И, уловив похожесть,
я запускаюсь вспять,
радостями тревогу
пробую замещать.

Зеркало искры ловит —
встречным огнём горит,
пламя рождает Слово
вне временных орбит

и обретает вечность…
Сказано — выбирай:
хочешь — шагни навстречу,
хочешь — заселим рай.

Людмила РОМАНОВА

ВЕЧНОСТЬ

А люди, улетая в небеса,
Навеки с нами, нет, не расстаются,
Они в сознанье нашем остаются,
И мы порой их слышим голоса…

Ещё они приходят к нам во сне,
И с ними мы общаемся, как можем,
И связь на паутинку так похожа,
На звук, неуловимый в тишине…

Случается, травинкой иль цветком
Они вдруг вырастают перед нами
Иль опадают с дерева листком…
Мы в пенье птиц их слышим временами…

А может, листьев шелест — шёпот их?
Иль дробный стук дождя о подоконник?
Нас связывает образ на иконе,
Когда мы Богу молимся о них…

Когда свой путь закончим на земле,
Мы все навеки с Ним соединимся,
И уж тогда ни в чём не усомнимся,
И поплывём на белом корабле…

Семён КАМИНСКИЙ

СУДЬБА БАРАБАНЩИЦЫ

Рассказ

Однажды родственники из деревни привезли Чуприниным в качестве гостинца петуха. Петух был ярко-белый, толстый и самодовольный, с пухлым багровым гребнем. Несколько дней он жил у них на балконе, привязанный верёвочкой за лапку к решётке. Маленькой Ирке петух понравился. Ей сказали, что его зовут, естественно, Петей, но она называла его почему-то Пашкой. Ирка часто бегала на балкон посмотреть, чем он занимается, беседовала с ним по душам, подсыпая пшена в железную коробочку от сайры. Когда петух клевал пшено — тук, тук, тук-тук-тук, — Ирка отстукивала такой же неровный ритм деревяшкой по перилам. Звук метался, дробился оглушительным многоголосием в колодце двора, окружённом одинаковыми девятиэтажками. В окнах появлялись недовольные физиономии соседей. Петух поднимал голову, минуту-другую прислушивался к этому тарараму и снова продолжал клевать.

Дня через три, пока Ирка была в детсаду, петуха зарезали и сварили наваристый суп. Ирка сначала ничего о случившемся не знала, выскочила на балкон — а там пусто, даже постилки от петуха не осталось. И тут её позвали обедать: иди, попробуй, какой супчик замечательный получился! Ирка плакала навзрыд и есть категорически отказалась: вы все, заявила, самые подлые предатели и убийцы, я никогда не буду есть суп из моего друга.

Лет в четырнадцать ей купили первые джинсы: польские или болгарские, странного лилового цвета с белёсыми разводами — ну, тогда и таких было не достать, не говоря уже о настоящих, американских. В этих потешных джинсах и клетчатой байковой рубашке Ирка сидела в коридоре Дворца культуры железнодорожников — прямо на полу, возле двери в репетиционную комнату рок-группы «Локомотивы», — когда её заметил руководитель группы Вилен Давидович.

— И давно ты так сидишь? — спросил он, выглянув из репетиционной по какому-то делу.

— Не очень, — отозвалась Ирка. — Недели три… или немножко дольше.

Оказывается, в течение месяца она регулярно приходила сюда во время репетиций (вторник — четверг — суббота). Подложив курточку, устраивалась возле заветной двери в рок-музыку и, внимательно прислушиваясь к каждому доносившемуся оттуда звуку, отбивала ритм на коленях. Пока шли занятия, Вилен Давидович (за глаза называемый Вилей) выходил из комнаты редко, а ребята, если и бегали покурить, на Ирку особого внимания не обращали: сидит малолетка, видно, ждёт кого-то из музыкантов — может, сестра или знакомая. Им, в творческом порыве, было не до неё. Как только начинался перерыв и в комнате замолкала музыка, Ирка подбирала курточку, уходила в другой конец коридора и терпеливо ждала продолжения репетиции, расположившись на подоконнике и болтая ногами в чёрных мужских ботинках. А потом опять возвращалась под дверь.

— И зачем ты сидишь? — заинтересовался Виля.

— Я это… от барабанов тащусь, — сказала Ирка.

— Заходи, — ухмыльнулся Виля.

Тут как раз начался перерыв. Все музыканты вышли, и Виля распахнул створку окна, чтобы немного проветрить комнату.

Ирка приблизилась к сияющей красным лаком, никелем и медью чехословацкой ударной установке «Амати».

— Можно мне там посидеть? — попросила она, кивнув на трёхногий стул ударника.

— Посиди, — разрешил Виля. — Можешь даже постучать немного. Только не трогай Геркины фирменные палочки — убьёт. Он их на толчке покупает. Вот тебе запасные, совковые. Я сейчас приду.

Виля ненадолго спустился на первый этаж. А когда возвращался, ещё с лестничной клетки услышал, что в их репетиционной происходит что-то непонятное: похоже, кто-то врубил запись «Лед Зеппелин», и на весь ДК бешено гремят барабаны Джона Бонэма.

Но это была не запись, и это был не Бонэм. Это была Ирка. Техники ей, конечно, не хватало. Она сидела высоко, неудобно и, напряжённо закусив губу, с трудом дотягивалась до педалей, а палочки ухватила неправильно, зажав в кулаках. Но гулкий большой барабан-«бочка» — сердце установки — под ударами её маленькой ноги совсем неплохо «качал», держал ритм. Вкусно, с лёгким треском — т-ч! т-ч! — отзывался рабочий барабан. Услужливо хлопотал весёлый хай-хэт. Убедительно — тув-в! тув-в! — высказывались солидные томтомы. И рассыпались в полнейшем восхищении тарелки: ах! ах-х! ах-х-х!..

Виля остановился в дверях, поражённый тем, что она вытворяет, а за его спиной собрались вернувшиеся с перекура музыканты — гитарист Миха, барабанщик Герка и рыжий басист Вадюня. Завидев их, вошедшая в

раж Ирка прекратила стучать, с невинным видом аккуратно сложила палочки на рабочий барабан и выскользнула из-за ударной установки.

— Ты где это так научилась? — спросил Виля.

— Дома... — бросила Ирка, топая к выходу.

— У тебя что — дома барабаны есть? — удивился Герка.

— Не... я на книжках... — не очень внятно проговорила Ирка и попыталась выйти из репетиционной.

Вилен Давидович задержал её:

— Погоди... посиди тут. С нами.

С этого момента Ирка, крайне довольная переменой в своей жизни, торчала у них в комнате на каждом занятии. Она нашла себе укромное местечко в углу, между колонками, на ящике с проводами, и терпеливо ждала перерыва, чтобы хоть немного посидеть за ударными. Она приходила раньше всех и уходила самая последняя — только тогда, когда Виля готовился запереть дверь и включить охранную сигнализацию. Незаметно музыканты так привыкли к постоянному Иркиному присутствию, что она стала как бы частью репетиционной обстановки, и, когда один раз Ирка не появилась из-за сильного гриппа, все с некоторым удивлением поглядывали на пустой угол.

Как-то само собой вышло, что она стала ездить с ними на концерты: помогала собирать барабаны, расставлять по сцене стойки, сматывать микрофонные шнуры, развешивать костюмы. И звать её в команде начали по-свойски — Чупой. А Герка стал задерживаться после репетиций, чтобы показать ей, как правильно держать палочки, сидеть за барабанами, извлекать звук. У неё получалось — всё лучше и лучше.

Но родители ужасно скандалили, потому что Ирка поздно возвращалась домой. Они не понимали, да и не хотели понимать, чем она занимается: шля-

ется, конечно, с мальчишками — что же ещё? «Проститутка! — визжала мать, принюхиваясь к Ирке, и, не учуяв, к своему удивлению, запаха спиртного, продолжала: — Таблетки жрёшь?» Ирка пыталась что-то объяснить, но её не слушали, и она вообще перестала что-либо объяснять.

В начале весны в группе узнали, что Герке скоро уходить в армию. Однако ни у кого не возникла мысль, что Ирка сможет его заменить, — уж слишком маленькой она для них была, — и, чтобы найти нового ударника, Вилен Давидович дал объявление в газету.

Он прослушал около десятка желающих, но хорошей замены Герке так и не нашёл. Впрочем, нет, нашёл — некоего Арсения, уже потёртого, игравшего в каких-то столичных коллективах, а потом в местном ресторане «Рассвет». Но и оттуда Арсений ушёл, как он сказал, «по сугубо творческим причинам»: мол, в кабаке играют одну попсу галимую, а ему охота пусть в самодеятельности, но поиграть настоящий рок-н-ролл.

На репетиции Арсений стучал превосходно, но большой уверенности в нём не было: Виля сразу предположил, что мужик «склонен к употреблению». Так оно и вышло: Арсений подвёл их буквально на первом же выступлении. Просто не явился к автобусу, когда они отправлялись на концерт, оплаченный пригородным совхозом (Герка к тому времени уже вовсю барабанил в вокально-инструментальном ансамбле черниговской танковой дивизии). Виля задерживал отъезд, безумно нервничал, ждал, бегал звонить к соседям Арсения (телефона у того не было), возвращался к забитому аппаратурой автобусу и всё выглядывал, не идёт ли злосчастный «столичный» барабанщик... Но напрасно. Ждать больше не могли. Отчаявшись, Виля собрался опять идти звонить: на этот раз — в совхоз, отменять концерт (скандал! — руководство ДК им этого не простит — и прощай нормальная репетиционная база). Он уже открыл рот, чтобы дать команду разгружаться, но тут Ирка, забившаяся в самый хвост автобуса, поближе к зачехлённой «Амати», сказала: «Вообще-то, могу постучать я...»

...Своего концертного костюма у Ирки, конечно, не было, и Виля второпях напялил на неё огромную Геркину рубашку, которая обнаружилась в чемодане с костюмами. Расшитая крупными голубыми звёздами рубашка доходила ей до колен, снизу виднелись потрёпанные лиловые джинсы. Но на сцене картинка неожиданно вышла прикольная: маленькая сосредоточенная девичья мордашка над алыми округлостями барабанов, взлетающие тонкие руки, мелькающие палочки, развевающиеся рукава широченного балахона... вроде всё и было так задумано. От ударной установки на зрителя катился мощный звуковой поток. Ирка нигде не сбилась — может быть, один раз, в самом начале. Вот только темп половины песен с перепуга загнала так, что музыканты еле за ней поспевали, и концерт получился коротковатым. Однако публика никаких огрехов не заметила и приняла выступление на ура. А после того как Миха, перечисляя музыкантов в финале концерта, представил Ирку (фамилии её он не знал и брякнул: «На барабанах — Ирина Чупа!»), зал разразился громом таких апло-

дисментов, каких ребята на своих выступлениях ещё не слыхали. Жаль только, что Ирка из-за несуразного наряда постеснялась выйти вперёд — на поклон вместе с парнями. Так и осталась сидеть за установкой, пока не закрыли занавес. Тут к ней бросилась вся команда: «Ну, Чупа! Ну, молодца-а!»

Другого барабанщика уже не искали, а с помятым Арсением, явившимся на следующий день, Виля и разговаривать не стал — «по сугубо творческим причинам».

Осенью Иркиного старшего брата тоже забрали в армию. Спустя пару месяцев началась война, и брата отправили в афганское пекло. И уже через полгода — ужас похорон, грубо развороченная глина, гадкие удары падающей земли о крышку цинкового гроба. С братом, здоровенным, не обременённым тонкой натурой «качком», Ирка, так же как и с родителями, никогда не ладила, но эти удары — звуки отчаяния и бессмысленной, кричащей криком пустоты — запомнились ей точно и ярко. Ночью они нагло вмешивались в её сны, а иногда вдруг чудились и днём, сбивая ненужными синкопами с привычного, слышного только ей одной строгого внутреннего ритма.

И липкая беда, притащившаяся в дом с этих похорон, никогда уже не ушла. Отец и раньше нередко являлся навеселе, а сейчас и вовсе «з глузду зьихав», как сказала соседка тётя Поля. Участились материны истерики, начались домашние драки, вопли, суета.

И вдруг... Пришла Ирка как-то с репетиции, а они сидят в полном согласии — отец и мать, два голубка, — нестройно воют про то, что «нэсэ Галя воду», и про Иванко, что увивается, значит, за этой самой Галей, несущей воду... На столе — почти допитая бутылка «Московской», нехитрые объедки. В общем, мать начала пить вместе с отцом. Теперь отец по друзьям не ходил, и родители оба почти ежевечерне синхронно набирались под самое горлышко.

Отец лет двадцать был сменным мастером на пивзаводе, мать служила там же, в бухгалтерии. На этом же заводе они когда-то и познакомились. Нынче, после многочисленных прогулов и появлений на работе в непотребном виде, Чуприниных долго жалели (бедные-несчастные, сыночек у них погиб, вот горе-то), пять раз разбирали на собраниях и оперативках, но, в конце концов, уволили. Оба устроились в кооператив, к какому-то знакомому, делать колбасу, реализовывать её на рынке и в продуктовых киосках по городу. Сначала хозяин платил хорошо, водка и закуска на столе не переводились (только ту чудную колбаску, что производил кооператив, сами не ели). Но вскоре за их кооператив взялись проверяющие органы, нашли кучу нарушений, и застолье стало намного скромнее: водку брали «палёную», колбасой уже не брезговали — тащили с работы кооперативную — и варили макароны самого дешёвого сорта.

Ирка приходила домой только спать. Виля, зная, что творится у неё дома, доверил ей ключи от репетиционной, и она, сидя в наушниках, целыми днями барабанила там под фонограмму. Выбежит на полчаса в булочную или в буфет Дворца культуры (если открыт), заскочит в туалет пару раз — и опять за палочки.

По Вилиному же совету Ирка поступила учиться в железнодорожное училище. Будущая профессия железнодорожника её, понятное дело, не интересовала, однако у Вили были причины, по которым он настоятельно советовал ей идти именно в это училище. Во-первых, оно было подшефным Дворцу культуры, в котором играли «Локомотивы». Во-вторых, заместителем директора по воспитательной работе этого замечательного учебного заведения был лучший друг Вилиного детства. Пользуясь такими связями, Виля постоянно освобождал Ирку от занятий — то для участия в концертных поездках группы, то для подготовки к конкурсам. Так что на занятиях Чупринину видели не часто, однако ставили тройки и платили стипендию, на которую Ирка умудрялась жить: покупала еду, палочки, иногда одёжку (в детском отделе ЦУМа) — и мечтала собрать деньги на «фирменный пластик» — хотя бы для рабочего барабана.

«Локомотивы» стали тогда уже довольно известными: заработали множество призов, выступили по столичному телевидению и собирались на фестиваль в Польшу. Виля начал подумывать об изменении статуса команды с самодеятельного на профессиональный, но найти подходящую филармонию или концертную организацию ему пока не удавалось. Зато они всё чаще и чаще играли на свадьбах и «хозрасчётных», как стали говорить, концертах (между собой музыканты называли такие выступления «халтурами»).

На свадьбы Ирку не брали — опять же потому, что слишком молода. Кроме того, учитывая её домашние проблемы, Виля считал, что ей вообще незачем лишний раз находиться в разгульной обстановке подобных мероприятий, и приглашал какого-нибудь взрослого ударника со стороны. Однажды, когда все знакомые барабанщики оказались занятыми и положение создалось безвыходное, ему опять пришлось найти Арсения. Тот не подвёл, и его снова стали брать — но исключительно на «халтуры». Никакой Арсений не смог бы теперь отстучать Иркины концертные партии так, как это делала она, особенно её невообразимо сложный, исступлённый, шестиминутный сольный номер — гвоздь программы «Локомотивов». Виля знал, что в городе нет ни одного барабанщика лучше Ирки. Да что там — в городе! Она показывала настоящий мировой класс, но Виля хвалил её весьма осторожно: боялся, что уйдёт. Впрочем, пока его опасения были напрасны: куда она могла от них деться — такая маленькая?

Ирке едва исполнилось шестнадцать, когда Виле всё-таки пришлось взять её на свадьбу. Арсений попал на пятнадцать суток за хулиганство в пьяном виде, и рассчитывать на него в этот раз было уже невозможно. А свадьба намечалась денежная, но трудная — у цыган.

Музыканты знают, что такое цыганская свадьба… Там тебя могут заставить играть без передышки всю ночь, украсть инструменты, обмануть при расчёте. Но могут накормить и напоить на убой, нагрузить спиртным и продуктами «на вынос» и заплатить даже больше того, что обещали, — это в том счастливом случае, если ты сильно понравишься хозяевам.

Обычно Виля опасался иметь дело с цыганами. Но пригласивший его немолодой, круглолицый, чернявый мужичок вид имел скорее хохлацкий, чем цыганский. Он подошел к Виле сразу по окончании платного концерта «Локомотивов», замечательно прошедшего субботним вечером в летнем концертном зале парка имени Шевченко. Сияя широкой золотозубой улыбкой, мужичок восторженно отозвался о выступлении группы и сообщил, что свадьба его любимого сына Василя скоро состоится в посёлке Мирный, совсем недалеко от города.

— Для нас это великая честь бачиты на нашей свадьбе таких прекрасных артыстив, як вы, хлопци! — на суржике уговаривал он Вилю, возбуждённого успехом концерта и ещё не совсем ясно воспринимавшего действительность.

Круглолицый любитель «локомотивного» творчества предложил за свадьбу довольно крупную сумму, и Виля согласился. Хлопнули по рукам. Мужичок подозвал жениха и невесту, стоявших, как оказалось, невдалеке, у противоположного края сцены:

— Деточки, йдите-ко сюда, знайомиться с артыстами!

— Так они ж цыгане… — шепнул Рыжий, упаковывая басовый усилитель и при этом, как бы ненароком, приблизившись к Виле. Действительно, внешность Василя и особенно его будущей супруги не оставляла в таком выводе никаких сомнений.

— Да вижу я! — с досадой сказал Виля, но отказываться было уже неловко.

Так жарким августовским днём они оказались на цыганской свадьбе, да ещё и Ирку вынужденно прихватили с собой.

Хозяева были, конечно, не кочевыми цыганами, и дом их выглядел как обычный поселковый дом — не сильно большой и не шибко богатый, — но во

дворе раскинулся белый, внушительных размеров шатёр, чем-то напоминавший о далёкой кочевой жизни. Пёстрая, шумная толпа гостей — родственников и соседей — плотно заполняла длинные деревянные лавки, разливалась по двору, выплёскивалась на улицу.

«Локомотивы» установили аппаратуру за домом, на тесном заасфальтированном пятачке. Ножки барабанов и стоек с тарелками пришлось заблаговременно подпереть найденными тут же кирпичами, чтобы части ударной установки не разъезжались в стороны во время неистовой Иркиной игры. Несколько голосовых колонок примостили на веранде, а сеть подключили через открытое кухонное окно. (Музыкальный жаргон определяет тип подобного выступления как «хасню на огородах».)

Долгие витиеватые тосты, обильная еда и беспрерывные возлияния продолжались не один час. Целовались молодые, их целовали и обнимали гости, гости целовали и обнимали друг друга и тащили подарки. Стоял жуткий галдёж.

Пора было играть. В начале празднества музыкантов посадили за стол, расположенный в углу шатра, очень близко к забору. Чтобы выбраться со своих мест, они должны были теперь по очереди протиснуться между столом и коленями толстенной соседки-украинки, усевшейся на краю лавки и закупорившей собой весь проход. Очумевшая от водки, красномордая бабища развлекалась тем, что, заливаясь глупым смехом, бесстыдно хватала между ног каждого пытавшегося пролезть мимо неё музыканта. Завидев Ирку, баба удивлённо пробасила: «О-о! Так цэ ж дивка!» — и, подобрав гигантское пузо, беспрепятственно позволила Ирке выбраться из-за стола.

Во время короткой настройки ансамбля публика чуток притихла. Ирка трижды цокнула палочками — и по всему посёлку с шальным захлёбом разлетелась нехитрая заводная мелодийка:

А запрягай, папаня, лошадь,
Рыжую, мохнатую,
А я поеду в дальний табор,
Цыганочку сосватаю.

Я парамела, я чебурела,
Я сам самели тулия,
Гоп, я парамела, гоп, я чебурела,
Гоп, барон цыганский я!

Толпа исступлённо прыгала, выкрикивая в такт: «Гоп! Парамела! Гоп! Чебурела!» Цыганский «папаня» сидел рядом с молодыми и растроганно плакал.

— Ну что? — спросил Виля, повернувшись от клавиш к Ирке во время короткой паузы, пока Миха искал в тетрадке со словами следующий «хасневый» шедевр. — Как тебе такой «рок-н-ролл»? Не тошно?

— Тошно… — не глядя на него, проговорила Ирка и, скривившись, со всего маху вмазала по тарелкам так, что гости, сидевшие за ближайшими столами, от неожиданности пролили самогон из поднятых стопок.

— А сейчас для наших гостей из солнечной Молдавии звучит эта песня… — забубнили динамики сладким, слегка шутовским Михиным говорком, — и веселье продолжилось.

Поздней ночью, после вялого исполнения на бис очередной «Парамелы», к Виле наконец-то подошёл, пошатываясь, хозяин и расплатился сполна.

— Вы все чудови, хлопци, чудови! — повторял цыган, пожимая руки окончательно упарившимся музыкантам. — Но мала дивчинка — от шустра, от спритна… Оце тильки тоби! — и сунул в Иркину руку несколько влажных скомканных бумажек.

На цыганские деньги Ирка приобрела у фарцовщиков подержанный рабочий барабан от английской установки «Премьер» (оранжево-перламутровый, звонкий — настоящий!) и к нему — несколько американских пластиковых мембран «Пинстрайп». Позднее, продолжая играть с ребятами на «халтурах», она заработала на хорошие тарелки, поменяла «пластик» на всех остальных барабанах и стала понемногу собирать деньги на собственную ударную установку. Ей страшно хотелось заполучить серебристый «Людвиг», виденный как-то на цветном плакате «Битлов».

Теперь на сборных концертах к ней нередко подходили взрослые длинноволосые парни-барабанщики из других групп и уважительно просили разрешения посмотреть и потрогать «фирму». И вообще, Ирка постепенно стала местной музыкальной знаменитостью. Виля ревниво приглядывался ко всем, кто к ней приближался, и напряжённо прислушивался, о чём с ней говорят. Он уже знал, что ей неоднократно предлагали перейти в другие группы — и у них в городе, и во время поездок на фестивали, и даже в столице. Но Ирка отвечала всегда одинаково — серьёзно и непонятно: «Я никогда не буду есть суп из моего друга». И всё. Что это значило, не было известно никому, но после таких странных слов говорить с ней повторно на подобную тему уже никто не решался.

И ещё душа у Вили была неспокойна по другому поводу: Ирка начала взрослеть и отчаянно хорошеть. Несмотря на то, что она по-прежнему одевалась как пацан, никогда, даже на сцене, не пользовалась косметикой и совсем немного прибавила в росте и в весе, принять её за мальчишку теперь было уже трудно. У неё как-то совершенно неожиданно, чуть ли не в один день, началось явственное округление форм и появилась своеобразная грация.

— Коты, вот коты… — бурчал про себя Виля, подмечая, какие взгляды стали бросать на Ирку представители мужского пола (как зрители, так и коллеги-музыканты), восхищённые не только взрывным талантом юной барабанщицы, но и её женской привлекательностью, особенно удивительной и загадочной в таком «безбашенном», как казалось, существе.

Сам Виля был не очень юн и женат на Леночке Сутеевой, сухонькой руководительнице танцевального ансамбля того же ДК железнодорожников. Имелись у него двое детишек: маленький мальчик от Леночки и девочка постарше от первой жены, соученицы Вили по музучилищу. Брак с Леночкой тоже давно стал ему в тягость. Во время гастролей он вполне активно включался в различные любовные интрижки с директрисами клубов, методистками и культ-организаторшами и месяцами жил не дома, но до полного развода дело пока ещё не доходило. Можно сказать, что на окончательное решение этого вопроса у них с Леночкой просто не хватало времени.

С девчонками из «Локомотивов» Виля никогда не связывался, хотя в группе периодически появлялись то миленькие вокалистки, то симпатичные клавишницы, а одно лето с ними ездила чудная скрипачка Зойка («Локомотивы» в тот момент не на шутку увлеклись фолк-роком). «Не е…и, где живёшь, — не живи, где е…ёшь», — повторял Виля. Но, соблюдая эту затасканную «мудрость», он одновременно предоставлял широкое поле деятельности Михе, Рыжему и другим своим парням, которые напропалую гуляли с девчонками группы и даже без всякого стеснения передавали подружек от одного к другому. Малейшие же попытки кого-то из парней ухлестнуть за быстро взрослеющей Иркой пресекались Вилей самым строгим образом — и самыми разнообразными способами: от язвительных насмешек над нарушителем в присутствии всей команды до грубых разговоров наедине («Я тебе за малолетку яйца оторву, донжуан недоделанный! Завтра же из группы выкину нахер!»). За спиной Вилена Давидовича, конечно же, болтали, что он не только блюдёт мораль молоденькой девчонки, но и симпатизирует ей, но, что ни говори, а никаких близких отношений между ним и Иркой замечено не было.

Виля всё своё основное время занимался группой, музыкой, аранжировками и репетициями. Между тем в окружающем, активно изменяющемся в последние годы мире уже оголтело вертелись предприимчивые люди, которые в данный исторический момент удачно оказались недалеко от значительно более материальных, чем музыка, природных и неприродных благ. Кто-то был вхож в правление подыхающего завода с тоннами металла, станков или труб на затоваренных складах и как-то незаметно прибрал этот завод к рукам. Кто-то очень удачно перебежал из махонького профсоюзного начальника в учредители возникшего из небытия крупного частного предприятия. А молодые люди с ясными глазами и комсомольскими значками стали бодро создавать при горкомах и обкомах концертные организации, печатать и продавать собственные билеты, приглашать известных и сбивать бригады из малоизвестных артистов: раскручивался дикий, но уже красиво называвший самого себя «шоу-бизнес».

Скоро Вилю начали звать уже не только для того, чтобы выступить с хорошими, но всё-таки непрофессиональными «Локомотивами», а для того, чтобы с помощью их приличной аппаратуры озвучить в небольших залах концерты

заезжих новоиспечённых «звёздочек» (но, конечно, не настоящих, суперпопулярных «звёзд» — те прибывали со своим оборудованием, рассчитанным на стадионы).

Мало-помалу это стало для Вили интересным и, главное, весьма прибыльным занятием (надо было только не забывать что-то отстёгивать директору и худруку родного Дворца культуры, которому, в общем-то, принадлежала львиная доля аппаратуры «Локомотивов»). Появлялись и укреплялись связи со столичными музыкантами, а главное, с их менеджментом. И однажды Вилю позвали в столицу: один из его новых приятелей создавал студию звукозаписи и предложил там работу звукоинженера (а в близкой перспективе — и музыкального «продюсера», присовокупил столичный кореш заманчивое новое словцо).

Времени на раздумье у Вили не было: позвонили из столицы и сказали, что ждут ответа на следующий день. Вечером Виля отчаянно напился с лучшим другом детства, заместителем директора по воспитательной работе того самого училища, где числилась Ирка. Затем, не сомкнув глаз, проблевал всю ночь, а утром, с жуткого бодуна, решительно объявил Леночке, что подаёт, наконец, на развод и уезжает. Руководителем «Локомотивов» был оставлен Миха, прощание с командой прошло без сантиментов, коротко и по-деловому: вот я там пристроюсь и всех вас вытащу, хватит вам тут, в провинции, прозябать…

На вокзале музыканты мялись, курили, по несколько раз жали ему руку: «Счастливого, Вилен Давидович!» Ирка пришла, когда поезд уже вот-вот должен был тронуться и Виля, стоя на площадке вагона, едва выглядывал из-за плеча крупнокалиберной проводницы. Он увидел Ирку, закричал: «Ира! Чупринина! Успехов тебе! До скорого!» Ирка подошла очень близко к вагону, подняла голову и сказала, серьёзно и непонятно:

— А я никогда не буду есть суп из моего друга.

* * *

Через два года, зимой, Миха по какому-то делу приехал в столицу. Они встретились с Вилей в крошечном пивном баре. В студию, объяснил Виля, он пригласить Миху не может: там, мол, идёт запись некой крутой группы (сказать какой — нельзя, секрет!) и посторонних не пускают.

Миха поведал Виле о том, что «Локомотивы» продолжают «лабать на халтурах», то есть, по-современному, на корпоративах. Состав команды уже несколько раз поменялся, играют они в основном попсу и — редко — традиционные рок-н-роллы, а на барабаны вернулся Герка…

— Герка? — переспросил Виля. — А где же Чупринина?

— Чупа… а она это… похоже, померла, — бесцветным голосом произнес Миха и шумно отхлебнул пива.

— Ты что, Михаил, несёшь?! — охнул Виля. — Что значит: «похоже, что померла»?

— Да вот так, Вилен Давидович, полгода уже… Странная история получается. Был у неё, если помните, прикол: она всё бабки собирала на «Людвиг». Ховала их где-то в доме. Паханы ж у неё, сами знаете, бухали не по-детски. Ну а кооператив колбасный, где паханы работали, вроде накрылся… этим самым местом. Бухать, значит, стало не на что. Вот Чупа приехала из двухнедельной поездки по сёлам (был у нас один такой удачный вояж), а оба родителя, упитые в дупель и, простите, обоссанные, обрыганные, храпят на полу… Ещё и чужих людей полон дом, тоже бухих: погуляли, видимо, на славу. Где деньги взяли? Кинулась Чупа, наверно, в свой тайник, уж не знаю, где он был, — ни фига нет. Короче, как-то они её выследили, денежки все упёрли и пропили. Ну, и она… бешеная ж всегда была, чумовая… Выходит, что схватила на кухне бутылку с дихлофосом или с чем-то там ещё, чем тараканов травят, и выпила. Мы с Рыжим узнали только дней через десять — после того, как Чупа два раза подряд на репетиции не явилась. В хату к ним сунулись — закрыто. Поговорили с соседкой, тётей Полей. Говорит, это она Чупу нашла — я не понял как — и «скорую» вызвала. В какую больницу забрали, мы так и не дознались. Обзвонили вроде все. Нигде нет, только в одной больничке сказали, что была как бы похожая девчонка, типа «суицид», но документов никаких, фамилию не знают, померла… Мы опять домой сунулись — закрыто-забито. Тётя Поля сказала: паханов менты замели за эти самые кооперативно-колбасные дела, что-то там серьёзное, а где Чупа — так никому и неизвестно…

— В милицию ходили? — выдавил из себя Виля, прислоняя к щеке холодный бокал с остатками пива.

— Ходили, один раз. Разговаривать с нами они не захотели. Кто вы такие, волосатые, обкурились, наверно, никакой Чуприниной мы не знаем, у нас работы невпроворот, будете доставать, сейчас вас самих…

— Эх, чёрт, если бы я там был, я бы, конечно… — начал Виля и осёкся.

Они долго сидели за столиком и молчали. Миха изучал панно из медной чеканки, занимающее полстены за спиной Вили. Панно изображало романтические, но слегка квадратные фигуры юношей и девушек, свершающих что-то героическое в лучах квадратного солнца. Виля уставился в окно, где мокрый снег прилипал к грязному стеклу и бесформенными ошмётками медленно, бесконечно сползал вниз.

Мёрзли ноги. Виля заказал ещё пива.

— А вы тут как, Вилен Давидович?

— Ты знаешь, тут тоже на самом деле ничего особо интересного… — вздохнул Виля. — Обещали одно, получилось другое… Я ж им не мальчик, чтобы подай-принеси и инструменты настраивать! Я из студии ушёл. В Израиль вот собрался, а оттуда думаю махнуть в Америку. Есть там знакомые, обещали пристроить сессионным музыкантом в одну из чикагских студий. Хорошие музыканты, говорят, всегда нужны.

— Вот это да… — покрутил головой Миха. — В Америку?

* * *

В середине дня в музыкальный магазин «Гитарный центр» на Арлингтон Хайтс Роуд вошла невысокая крепкая женщина в байковой рубашке с закатанными рукавами, тёмно-синих джинсах и ботинках на толстой подошве. Она вела за руку дочку семи-восьми лет. Не останавливаясь и почти не глядя по сторонам, они прошли мимо тихого, закрытого стеклянными дверями помещения с классическими гитарами, миновали залы с тесно развешанными на стенах разноцветными электрогитарами и сквозь плотные ряды колонок и усилителей направились в отдел ударных инструментов. Это был большой демонстрационный зал, забитый десятками барабанов различной акустической и электронной конструкции. Здесь скромно стояли обычные ударные установки и громоздились установки-монстры с дополнительными барабанами всевозможных размеров, тарелками, бонгами, гонгами, стойками и креплениями, а также лежали на стеллажах тамбурины, маракасы, бубны, каубеллы и другие стучащие, звенящие, шуршащие и гудящие штучки, названия которых в основном неизвестны широкой публике.

Женщина купила две пары недорогих барабанных палочек, а затем они с дочкой стали медленно пробираться по залу между барабанами, внимательно их рассматривая. Иногда они останавливались, и было похоже, что мать подробно объясняет дочери устройство и назначение частей какой-нибудь установки или просто рассказывает о чём-то интересном. Так они дошли до серебристых барабанов фирмы «Людвиг» — копии легендарной установки, на которой играл Ринго и которая запечатлена на фотографиях и плакатах «Битлов».

Девочка что-то сказала матери, а та, слегка улыбнувшись, устроилась на трёхногом стуле за «Людвигом», взяла приготовленные на барабанах палочки и…

Техника игры у неё была уверенная, стремительная, филигранная. Гулкий большой барабан-«бочка» под ударами маленькой ноги безукоризненно точно держал ритм. Вкусно, с лёгким треском — т-ч! т-ч! — отзывался рабочий барабан. Услужливо хлопотал весёлый хай-хэт. Убедительно — тув-в! тув-в! — высказывались солидные том-томы. И рассыпались в полнейшем восхищении тарелки: ах! ах-х! ах-х-х!..

Зал погрузился в такой потрясающий, многослойный шквал звуков и взбалмошного темпа, что стало невозможным отвлечься или уйти. Замерли за кассами опытные продавцы, слышавшие игру не одной сотни музыкантов и наверняка знающие толк в искусстве барабанщика. Замолкли на полуслове, повернувшись к источнику неукротимого звука, немногочисленные посетители, потянулись люди из других залов.

Но женщина вдруг резко оборвала игру яростным ударом по двум тарелкам и «бочке» и, пока затухали последние отголоски этой неожиданной «коды», аккуратно сложила палочки на рабочий барабан и выскользнула из-за установки.

— Ну, Пашка, пойдём, пора, — негромко, хрипло сказала она по-русски, протянув дочке руку. — Мне сегодня работать в госпитале в ночную смену, нам надо ещё многое дома успеть.

Немолодой, обрюзгший продавец с бейджем «VILEN», одетый, как и другие продавцы, в чёрную футболку с красной надписью «Гитарный центр, Чикаго», хотел броситься к этой женщине, остановить её, заорать: «Ирка! Чупринина! Чупа! Чу...»

Но... не шевельнулся.

Он остался стоять посередине отдела ударных инструментов, окружённый сверкающим великолепием «Премьеров», «Людвигов», «Там», «Роландов», «Ямах», и смотрел вслед двум, разным по росту, но очень похожим фигуркам, неспешно топающим одинаковой, немного тяжеловатой походкой к выходу из магазина.

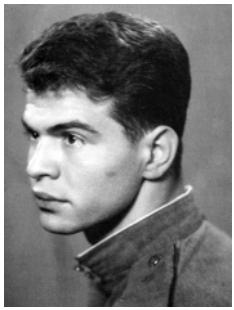
...Маленькая упрямая барабанщица поднимает голову, смотрит на него и говорит, серьёзно и непонятно:

— Я никогда не буду есть суп из моего друга.

Чикаго, 2013 — 2016
Иллюстрации Галины Новиковой и Ирины Андреевой

Яков МАРКОВИЧ

ДУША НА ЛАДОНИ



Стихи

* * *

Сам он — песнь, и возносит он песнь —
Весть до звезды о звезде единственной,
Листьями скрытый в весенней ночи.

Стучи, моё сердце, стучи и из клетки
На ветку вспорхни соловьём-невидимкой
И дикой стране о любви возгласи.

Не жизнь на Руси, и не жизнь без неё,
Да житьё да бытьё разве песнь вознесёт
До высот, до звезды о единственной?!

* * *

С каждым бокалом печальней — вот уж бутыль пуста, —
Не стал я дочитывать книгу, счастливый конец угадав.

Вновь, как часто в печали, чую поэзии хмель,
И, как колыбель, качает ритмично грусти напев.

Ещё я не знаю, что выйдет, какая сложится песнь,
Вот если б бокал ещё выпить, стихи б полились веселей.

Гуляет ночная прохлада, в избушке печальной свежо,
Ах, как от души светит месяц и хочет залезть в окно!

Я с ним посидел бы в обнимку, но вновь наплывает печаль —
Как жаль, что вина не осталось, какая глубокая жаль!

И веет печалью избушка от песни печальной сверчка,
А над ночником в полёте влюблённые два мотылька.

Какой восхитительный танец! Какое круженье планет! —
И нет уже хмельной печали, и грусти хмельной тоже нет...

* * *

Волны ржи ли, солнце ли в разливе
Или нивы летние скрижали
Побежали к окоёму вместе
С вестью золотистою о жатве.
Жарко мне, хоть ветерок летучий
Тучку тихо к солнцу приближает...
Это к жатве лоб мой весь в росинках.
С праздником тебя, моя Россия!

* * *

В удивленье кинул тень свою на траву
И плыву себе в вечность,
Трезвый и наяву.

Кузнечик ли на ладони или моя душа?
Я не дыша любуюсь —
Как ты, жизнь, хороша!

Да! Подфартило с Фортуной... Но не дремлет и Рок —
Сдул с ладони душу
Лёгонький ветерок.

* * *

Так крепко пахнет медом медуница,
Что мнится: пчёлы выставили соты
На солнце, чтоб сравнить цветы и мёд.

Я вот что подсмотрел, борясь с дремотой:
С пехотой схожа в поле медуница,
Над ней кружится эскадрилья пчёл.

* * *

Как нищенка какая, вся в лохмотьях, —
Ломоть, отрезанный от леса, —
На перепутье зябкая осина
Осенним днём.

А окоём —
Всегда за окоём спешит мой взгляд —
Дождит, как плачет,
На расстоянии протянутой руки.

Пройти бы мимо,
Да мне не пройти —
В слезах всё тонет
На моём пути.

* * *

Тесно стало в груди моей, тесно,
Я из тесной избушки моей
К ней — к Вселенной — расчислил пути —
Мне идти с каждым днем интересней.
К лесу в поле тропинки листая,
Стал я волен от солнечных прав —
С трав высоких росу я лижу,
Как из лужи собака какая.

* * *

Улитка, улитка, высунь рожки!

Приутихли синички — лесные горнисты:
Среди листьев берёзы кустарник ветвистый,
Мшистый, движется еле — оленьи рога?..

Пирога дам тебе, дорогая улитка,
Пусть в калитке появится солнце Вселенной,
Мой весенний цветок — моя нежная мать…

Но играть возвращаются только горнисты,
Пусть средь листьев берёзы кустарник ветвистый,
Мшистый, движется еле — оленьи рога.

* * *

Стражи солнца — стрижи, и кружит голова моя землю!
Внемлю то ли полдневному зною, то ли себе самому.
Мне траву постилают и лень, и усталость,
И осталось мне лечь, где кузнечика речь…
Меч осоки над заводью звоном к воде приглашает,
А большая луна о полночном заводит рассказ:
— Раз ты кружишь всю землю, так кружи меня тоже,
А попозже в обнимку вернёмся в избушку поспать.

* * *

Дай мне, поле, в небо заглянуть,
Путь туда лежит через ромашку
С чашкой солнца в белых облаках.

Дай, река, мне в небо заглянуть,
Путь туда лежит через замостье,
Где ждёт в гости милый Млечный Путь.

Дай, мой Путь, не заплутать в пути
И найти вослед зари вечерней
Вечный свет на утренней заре.

* * *

Солнце уже на склоне…
Клонит лицо на колени,
А в отдаленье не слышен
Тише воды ручеек.
Чья-то тоска о родимом
Дымом восходит сладимым,
Только всё мимо и мимо,
Мимо земли и небес.

* * *

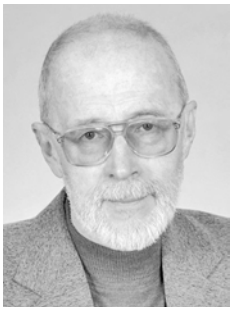
Ветрище — корабельная
Колыбельная.
Было зелено —
Перебелено вроде вспоротой перины,
Или балерина в пачке.
Эх, качка — морской балет!
Привет, ветрище!
Привет, дружище!
Днищем
Ищет корабль волну —
Ну и бац!
Мать ро́дная!
Один лишь водный притоп —
И всемирный потоп!
А за тем
Фуэте то кормой, то носом,
А не «Яблочко» матросов.

* * *

Шепни: «волна», — и музыка возникнет,
Как в детской книге радуга в семь красок
Прекрасных нот от до к венчальной си,

И то ли в синем небе твой журавлик
Или кораблик из бумаги синей
Красиво поплывет по облакам.

Николай ИНЮШКИН



СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛА

Отрывок из новой книги
К 80-летию автора

«ГУСАРСКАЯ ЭЛЕГИЯ»

Человек, которому в центре Пензы установлен памятник, не связан с ней ни рождением, ни службой, ни долгим жительством, ни последними днями своими.

Он связан с ней, может быть, большим — любовью. Последней. Радостной и горькой. Счастливой и безнадёжной.

В письмах, которые написаны в пензенскую пору Языкову, Вяземскому, Пушкину, они рядом — город и женщина.

Теперь уже можно заглянуть в них.

«Пенза — моя вдохновительница. Холм, на коем лежит этот город, есть мой Парнас с давнего времени: здесь я опять принялся за поэзию».

«Без шуток, от меня так и брызжет стихами. Золотарёва будто прорвала заглохший источник. Я, право, думал, что век сердце не встрепенётся, и ни один стих из души не вырвется. Она всё поставила вверх дном: и сердце забилось, и стихи явились».

«Злодей! Что ты со мной делаешь! Зачем же выставлять ПЕНЗА под моим ВАЛЬСОМ? Это уже не в бровь, а в глаз: ты забыл, что я женат, что стихи писаны не жене. Видно, придётся любить прозою и втихомолку».

Прозою и втихомолку! Разве похоже это на Дениса Васильевича Давыдова? Герой Отечественной войны 1812 года... «Красноречивый забияка, повеса, пламенный поэт!»

Втихомолку не получилось. В Пензе пересказывали и с восхищением, и с осуждением строки, имевшие вполне конкретного адресата.

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Николая Инюшкина с юбилеем, желает здоровья и творческих успехов.*

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетен городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно…
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы.

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай.
Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Денис Давыдов и Евгения Золотарёва, дочь пензенского помещика, познакомились на святочную неделю 1832 года в пензенском имении братьев Бекетовых — Богородском. Дмитрий Бекетов был для гостя сотоварищ-гусар, партизан, а для двадцатидвухлетней Евгении — дядя.

Случайная встреча… Разные поколения…

Но генерал-поэт с удивлением и радостью убедился вскоре при новых встречах, что очаровательная хозяйка бархатных глаз ещё и умница. Прекрасно читает наизусть его стихи, да и о биографии гостя хорошо знает по восторженным рассказам дяди.

Давыдов родился в семье опального суворовского генерала 16 июня 1784 года. Судьба войны была ему предопределена. Ещё в детстве получил он благословение Суворова, восхищённого бойким ответом мальчика. Символично само место, где Денис провёл свои детские годы, — село Бородино, принадлежавшее его отцу.

И время войны пришло в его жизнь буквально вслед за детством. Вступив в Кавалергардский полк в 1801-м, Давыдов участвует с 1806 по 1831 год в восьми кампаниях. И ни в одной из них в штабах не отсиживался: постоянно в седле, впереди своих кавалеристов.

Храбрый воин не обладал «геройской» внешностью — ниже среднего роста, голос «писклив», но отдаваемые им команды не пропадали даром, а энергия вызывала восхищение.

Впрочем, не у всех. Военные бюрократы, которых Давыдов презирал и высмеивал, с готовностью снаряжали его туда, где «чертям тошно», и не спешили награждать и производить в очередные чины.

А ведь по совершенному во славу Отечества быть бы Денису Васильевичу генералом ещё в 1812-м! Для современников Давыдов был прежде всего «партизаном», «врубившим» своё имя в сей славный год.

Это он первым предложил новый для России способ военных действий, одобренный Кутузовым. После Бородинской битвы Давыдов становится первым командиром партизанского отряда, начавшего свои операции во вражеских тылах.

Чтобы крестьяне не приняли его за француза, Денис Васильевич отпустил бороду, надел казацкий чекмень, лохматую кабардинскую шапку и в таком виде воевал до изгнания французов из России.

Слава его перешагнула границу вместе с русскими войсками. Европейские газеты, рассказывая о подвигах партизана, называли его «Чёрным капитаном». Кстати, портрет «Чёрного капитана» украшал кабинет Вальтера Скотта.

«История залетных своих подвигов», изложенная в «Дневнике партизанских действий 1812 года», — это не только увлекательное чтение, но и серьёзный военно-тактический труд.

Но как бы не забыть о главном! О поэзии Дениса Давыдова. Вольнодумец и автор сатирических басен хотя и не стал декабристом, но создал в своих стихах образ свободы в гусарском мундире и с полной чашей в руках.

Об этом писали все друзья поэта — Жуковский, Баратынский, Вяземский, Языков. Но друг Пушкин сказал лучше всех:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.
Я слушаю тебя и сердцем молодею.
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

К тому времени, когда произошла встреча поэта и Золотарёвой, в жизни Давыдова многое уже стало «воспоминаньем прежних дней».

Генерал-майор в отставке. Помещик в Симбирском имении Верхняя Маза. Лучшие в уезде охотничьи собаки. С 1819 года женат на Софье Николаевне Чирковой, шестеро сыновей. Литературная работа: «Я пишу много прозою, то есть записки мои; стихи ничто, как десерт после обеда, рюмка ликера, чашка кофе».

И вдруг...
Вошла как Психея, томна и стыдлива,
Как юная Пери, стройна и красива...
И шёпот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям.

Три года любви, подарившие Евгении Золотарёвой и всей русской литературе прекрасный цикл любовной лирики. Счастливые и безнадёжные годы...

Обременённый семейными обязанностями, стоящий на пороге пятидесятилетия поэт. Охваченная любовью, но ничем не защищённая от светских

сплетен пензенская барышня. Злые языки и впрямь были страшнее пистолета. Едкое сочинение пензенского помещика и литератора Ивана Сабурова, где фигурировали юная красавица и партизан-подагрик, наделало шума и взбесило Давыдова. Ответная «раскалённая» эпиграмма. «Меринос собакой стал» — вот и всё, что мог сделать бесстрашный гусар!

Мучаясь разлукой и ревностью, Давыдов мечется между Мазой, Пензой и Москвой. А в стихах всё яснее горький привкус неизбежного расставания.

Оно наступило вместе с отчаянным согласием Евгении на брак с молодым отставным офицером Василием Мацневым.

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призрак пламенных ночей
Неотразимый, неизбежный,
И милые тревоги милых дней,
И языка несвязный лепет,
И сердца судорожный трепет,
И смерть и жизнь при встрече с ней…
Исчезло всё!

Всё, кроме стихов, о которых восхищённый Белинский напишет: «Страсть есть преобладающее чувство в песнях любви Давыдова; но как благородна эта страсть, какой поэзии и грации исполнена она. Боже мой, какие грациозно-пластические образы!»

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.
Иль нет! Сорви покров долой!
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

После разрыва с Е. Золотарёвой поэт в последние три года своей жизни не написал ни одной стихотворной строки.

Сердечные потрясения и впечатления военной жизни — вот главные двигатели, побудители поэтической активности Д.В. Давыдова. Стихотворений он оставил не так много — около ста, да и те десятилетиями не издавались, а ходили в списках. «Рукописная слава» сделала героя-партизана одним из самых популярных поэтов времени.

Пусть этот очерк о Д.В. Давыдове, вошедший в мою книгу, удостоенную Лермонтовской литературной премии, будет вступлением в рассказ о творческой странице, очень дорогой провинциалу, повествующему о своей жизни.

Читателю уже известно, что после августа 1991 года В.Н. Садчиков, приглашённый стать доцентом кафедры мировой и отечественной культуры,

преподавательской работой не ограничился, а сумел открыть и возглавить «Доброе утро» — культурно-просветительную газету выходного дня. Активным автором этого оригинального издания стал и я, избравший псевдонимом для большинства публикаций словосочетание «Старый пензяк».

Понятно, что так подписанные статьи касались прошлого нашего края, интересных людей, с ним связанных. Причём было стремление сделать достоянием читателей малоизвестные факты культурной истории, общественной и личной жизни тех, кто достоин внимания и уважения многие годы спустя.

«Старый пензяк» постепенно нашёл свой стиль повествования, один пример которого решусь привести.

«Согласитесь, любезные читатели, что как только начинаем мы про наших замечательных земляков рассказывать или писать, то обычно пользуемся важными, правильными, но какими-то скучноватыми глаголами. Учился, работал, сочинял, исследовал, проектировал…

И как редко в наборе этом появляется незаслуженно забываемое, но столь прекрасное слово «любил», а рядом с ним и те, без которых одному ему никак не обойтись: «восхищался», «трепетал», «ревновал», «наслаждался», «надеялся», «страдал»…

Согласитесь, что грех забывать об этой гамме чувств, если мы хотим представить себе за хрестоматийными именами живых людей, и творивших-то по-настоящему только тогда, когда любовь диктовала вдохновению, давала силу уму и сердцу.

А героем истории, которую я хочу вам поведать, был Иван Михайлович Долгорукий (иногда писали Долгоруков), определённый 19 сентября 1791 года высочайшим рескриптом вице-губернатором в Пензу.

Возраст его в ту пору был по нынешним меркам невелик — всего двадцать семь лет, ведь родился Иван 7 апреля 1784 года. Но не забывайте, что на дворе XVIII век, и отпрыски знатных фамилий весьма быстро продвигались по военной и статской службе.

Иван Михайлович же происходил из древнего княжеского рода, у истоков которого стоял легендарный основатель Москвы. Домашнее образование он продолжил в Московском университете и по заслугам встал в ряд наиболее образованных россиян своего времени.

Ещё в университетскую пору сделан был Иваном Михайловичем перевод книги «Философские сны» французского просветителя Мерсье. Перевод был замечен и опубликован выдающимся русским мыслителем, публицистом, издателем Н.И. Новиковым, через которого начинающий литератор сблизился с писательской средой и стал в ней человеком известным и уважаемым.

Впрочем, надо заметить, что в описываемую пору занятия литературой и искусством для людей дворянского происхождения имели другое значение, чем в XIX веке или в наше время.

Не было фактически профессионалов, а были образованные, даже очень талантливые дилетанты, для большинства которых стихосложение, занятие музыкой и театром являлось средством собственного развлечения, увеселения людей своего круга, частью светского образа жизни.

Можно сказать, что музыка, танцы, театр составляли единственную почти почву для обмена мыслями на паркете между благовоспитанными молодыми людьми и в то же время служили им для артистического соревнования личными талантами.

Русские трагедии Сумарокова, лёгкие французские комедии исполнялись знатными меломанами на домашних любительских и придворных театрах не хуже, чем записными актерами.

Особенно славилась тогда своим любительским театром и своей личной сценической даровитостью хорошенькая княгиня К.Ф. Долгорукая — родственница Ивана Михайловича, возбудившая сильное артистическое соревнование среди великосветских дам.

И.М. Долгорукий не остался в стороне от этих увлечений и попробовал перо в драматических сочинениях.

Это, конечно, прибавило ему известности, но никак не составляло главного в деятельности выпускника Московского университета.

В качестве такой деятельности поначалу была им избрана военная служба, которой по традиции отдавали дань его предки.

И.М. Долгорукий служил в лейб-гвардии Семеновском полку и карьеру делал довольно успешно. К двадцати шести годам он уже бригадир — так именовался чин между полковником и генералом.

Но здесь следует новый поворот судьбы, и вчерашний лейб-гвардеец становится пензенским вице-губернатором.

Про светскую известность, про увлечения князя изящными искусствами и театром в частности пишу не только для того, чтобы читатель яснее представил себе незаурядную личность одного из героев нашего повествования.

Ореол человека образованного, творческого, склонного к романтическому видению жизни и человеческих отношений, сыграл, видимо, немалую роль в его шумном пензенском романе.

Итак, высокопоставленный чиновник предстал перед «светом» небольшого провинциального города, каким была в конце XVIII века Пенза, человеком необычным. По его инициативе на усадьбе пензенского дворянина Полчанинова построено было здание театра с залом примерно на 100 человек. С 24 ноября 1793 года здесь начались спектакли, которые давались регулярно раз в неделю. Любителей из дворянского звания нашлось немало, и Пенза могла с гордостью считать себя в числе других губернских центров, где делало первые шаги российское сценическое искусство.

Иван Михайлович решительно отвергал «выдумки страмцов», будто за вход в театр берут деньги и на представления допускаются «приказнослужители».

Долгорукий был вполне дитя своей среды и откровенно признавался в том, что, организуя театр, «искал… забавляться без труда и смеяться искренним смехом». Отдохновением души и способом самовыражения были и занятия литературой. Именно в нашем городе написал он философскую оду «Камин в Пензе», столь популярную, что она даже была переведена на французский язык по просьбе известного поэта Ж. Делиля. Однако вернёмся к театру.

Театр как молодая дворянская забава, театральная чувствительность как внешний признак светского обращения накладывали свой отпечаток и на деликатную сферу отношений любовных. Век, культивировавший сентиментальные, кажущиеся нам сегодня выспренными и чуточку смешными романы, нашёл своих последователей и в далёкой от столиц Пензе. И, как часто бывает, начавшись в духе галантной пьесы, обернулась эта история любви не то чтобы трагедией, но событиями достаточно драматическими.

Саркастический летописец пензенской жизни конца XVIII — начала XIX века Ф. Вигель в обычном для его мемуаров желчном тоне так характеризует Елизавету Александровну Улыбушеву, предмет увлечения вице-губернатора и поэта: «Она коротенькая, полненькая, смугленькая, картавая бабочка, исполненная живости и приятного ума. Сильные страсти обуревали жизнь её. Девочкой выдали её за глупого и пьяного Улыбушева, который, следуя древнему русскому обычаю, только между нетрезвыми сохранившемуся, иногда её бил; и без того он был ей давно противен. Тогда вице-губернатором в Пензе был поэт князь Иван Михайлович Долгорукий, прозванный «Балконом» по нижней челюсти необычной величины, выдвигающей в виде сего архитектурного прибавления столь же большую губу.

Это безобразие не помешало Улыбушевой влюбиться в него. Давно замечено уже, что одни женщины способны пленяться красотами душевными или умственными предпочтительно наружным».

Оставим едкие характеристики действующих лиц на совести Ф. Вигеля и обратимся к более спокойной и подробной публикации в журнале «Русская старина» за 1897 год, где и воспроизводились впервые документы, способные взволновать и современного читателя.

Из неё мы узнаём, что Улыбушев был не только пьяницей, но и пензенским предводителем дворянства, коллежским асессором. Вице-губернатор и предводитель были сначала очень дружны, и князь часто посещал Улыбушева. Вскоре последнему стали подозрительны отношения Долгорукого к его жене, и между супругами произошли такие несогласия, что Улыбушев оставил свою жену и удалился из полученной ею в приданое деревни Ивановки, в которой они прожили девять лет со времени их брака. Иван Михайлович продолжал посещать Елизавету Улыбушеву, а во время разлуки влюблённые переписывались между собой. Письма эти, волею судьбы ставшие достоянием гласности и даже предметом судебного разбирательства, и являются удивительным

свидетельством того, каким языком говорила любовь два века назад, как за книжными оборотами вдруг видятся живые люди и страсти.

Цитируя письма, нам, увы, придётся давать французские фразы, которыми пересыпал речь не только князь, но и не кончавшая университетов пензенская жительница, в русском переводе.

«Сколько стражду я, сердце моё, что должен назад возвратиться, — писал князь Долгорукий 12 апреля 1794 года, — но дороги, воды, словом, все стихии, кажется, противятся нашему ныне свиданию, которое должен я отложить до мая, надеясь, что тогда дороги будут лучше и больше мне возможности будет к вам доехать.

Сколько обязан я тебе, мой несравненный друг, за все письма, от тебя полученные, сколько они восхищали меня! Ты должна уже теперь чувствовать, сколь не лестно я тебя люблю и сколь утешительна для меня каждая твоя строчка. Только в одном из твоих писем увидел я, к истинному моему сожалению, одну двусмысленность насчёт моих выражений, то есть любовь и природа.

Ах, милая и неоценённая моя Лизынька, как ты могла одну минуту в таком смысле принять мои слова, в каком они тебе показались! Нет, не к тому я речь клонил, чтобы привести тебя в измену, чтобы опечалить твою добродетель. Ах, нет, верь, что твоя добродетель всегда для меня пребудет вещь освященная. Не того рода пламень оживотворяет мою душу, который бы позволил мне заниматься мыслями, чести твоей предосудительными».

Мой друг, соавтор и коллега Владимир Николаевич Садчиков, обративший внимание на публикации «Старого пензяка» и знавший о моём увлечении историей культуры края, в начале 1993 года сделал предложение, которым автор этих строк был польщён.

Уже имевший опыт драматургической работы и успевший стать автором пьес «Лестница», которую поставил Пензенский драмтеатр в 1974 году, и «Свадьба», Садчиков сказал, что видит «Старого пензяка» соавтором при написании пьесы о пензенской странице жизни и творчества Д.В. Давыдова. Ясно, что двигателем этого сюжета должна была стать история любви генерала-поэта и юной Евгении Золотарёвой, так сказать, в контексте провинции 1833 — 1836 годов.

Опыта театральной драматургии у меня не было, хотя в телевизионную пору по моим сценариям ряд постановок вышел на пензенский экран. Но, как говорят, попытка не пытка, тем более что театр я с юношеских лет любил, а начиная с 1970-х годов являлся членом художественного совета Пензенского драматического театра имени А.В. Луначарского.

Кстати, ещё одна прельщавшая деталь. Художественный руководитель коллектива Виктор Огарёв, с которым мы были в дружеских отношениях, одобрил идею Садчикова о соавторстве с Инюшкиным и даже обещал в случае

успеха поставить пьесу в год 200-летия театра, основанного тем самым И.М. Долгоруким, о котором выше шла речь.

Работу начали, хотя писали не в четыре руки, а распределив сюжетные фрагменты, содержание и стиль которых постоянно и, подчёркиваю, конструктивно обсуждались.

Но прежде чем будущие специфические ситуации стали драматургически описываться, соавторы определили несколько позиций, имевших концептуальный характер.

Дело в том, что при всей важнейшей, конечно, теме романтической любви Давыдова и Золотарёвой, ради которой и писалась-то пьеса, эта элегия любви должна была быть увидена в противоречивой человеческой оценке тех, кто окружал влюблённых и имел разный уровень их субъективного восприятия.

Этот жизненный контекст персонажей пьесы, не придуманный нами, а действительно и действенно существовавший, требовал максимально тонкого и работающего на основную тему показа гаммы их отношений не только к главным героям, но и между собой. И это тоже должно было влиять на зрительское восприятие чувств «певца-гусара» и молодой дочери его друга по войне 1812 года. Таким примером могли стать отношения другой пары — известного в будущем поэта Николая Огарёва и племянницы пензенского губернатора Марии Рославлевой, которая не была способна на глубокие чувства и вышла замуж за Николая Платоновича больше по расчёту.

Впрочем, для информации о тех, кто предстал перед зрителями, приведу список действующих лиц, занесённых в театральную программу.

Действующие лица

Денис Васильевич Давыдов — поэт, генерал-майор.

Софья Николаевна Давыдова — его жена.

Дмитрий Алексеевич Бекетов — однополчанин Давыдова, пензенский помещик.

Евгения Золотарёва — племянница Бекетова.

Анна,

Полина — её сестры.

Александр Алексеевич Панчулидзев — пензенский губернатор.

Иван Васильевич Сабуров — пензенский помещик.

Николай Платонович Огарёв — чиновник в канцелярии губернатора под надзором властей.

Мария Рославлева — племянница Панчулидзева, подруга Евгении Золотарёвой.

Игнат — слуга Бекетова.

Глаша — служанка Золотарёвых.

В сцене — фантазии Давыдова — «Военный совет» — заняты исполнители центральных ролей.

Действие происходит в Пензе, Верхней Мазе и Бекетовке. Время действия — 1833—1836 годы.

Перед началом работы над пьесой мы с В.Н. Садчиковым решили, что никоим образом нельзя только переместиться в быт тридцатых годов XIX века. Думалось, что поэзия отношений Дениса Давыдова и Евгении Золотарёвой должна иметь определённое эмоциональное усиление и с помощью чисто сценических приёмов, художественно-режиссёрского воплощения. Вот как виделось нам самое начало — пролог пьесы, которую мы решили назвать «Гусарская элегия».

«Тёмная открытая сцена. Навстречу неожиданно вспыхнувшим лучам прожекторов из зала по световой дорожке бегут, пританцовывая, две лёгкие фигурки, девочки и мальчугана. Девочка — в платье барышни, мальчик — в гусарском мундире.

Появившись на сцене, которая по-прежнему загадочно темна, они с разных сторон оказываются у столика, на котором стоят две незажжённые свечи. Движение — и свечи вспыхивают сами собой.

И тут возникает огромное зеркало с отражённым в нём бесконечным рядом других зеркал и других свечей и ещё чего-то, туманного и неведомого.

В зал, нарастая, обрушивается загадочная смесь звуков.

Тут и обрывки смеха, и шёпот, и какие-то возгласы, и барабанная дробь, и колокольцы, и голоса музыкальных инструментов.

Нет гармонии, всё неустойчиво, непредсказуемо, как само будущее, в которое пытается заглянуть человек.

И так же, как возник, — вдруг — свёртывается зеркальный тоннель, обрывается звуковая фантасмагория, оставляя на сцене одинокий язычок свечи.

Во внезапно наступившей тишине эта свеча, столь волшебно зажжённая, вдруг становится весьма прозаичным предметом, который берёт некая мужская рука и уносит в сторону, чтобы там поднести её к трубке.

Клуб дыма и надсадный кашель курильщика.

Высвечивается комната, служащая кабинетом в деревенском помещичьем доме. Курильщик, он же хозяин кабинета, возвращается на диван возле письменного стола, на котором в беспорядке лежат книги и бумаги.

На стенах — оружие и портреты полководцев.

Немногие из его петербургских или московских знакомых узнали бы в этом немолодом, не очень здоровом, явно хандрящем человеке знаменитого Дениса Давыдова.

Увы, он именно таков в свои почти 50 лет в симбирском имении жены, удалившийся от света, от дел военных и поэтических.

Дверь в соседнюю комнату приоткрыта, и в ответ на кашель звучит привычно раздражённый голос жены:

СОФЬЯ. Опять этот дым, опять этот кашель! Неужели трубка дороже собственного здоровья?.. В сражениях Бог миловал, так он себя табаком хочет сгубить. Ведь что тебе доктор Клейнер приказал — диета, никакого курения и не хандрить.

ДАВЫДОВ (*затягивается последний раз и неохотно прячет трубку*). Приказать мне только главнокомандующий может, да ты, как супруга…

СОФЬЯ. Главнокомандующие не в степи, а в столицах сидят, а я для тебя не то чтобы приказ, а совет имею.

ДАВЫДОВ. Оглашай.

СОФЬЯ. Партизану геройскому на диване не должно киснуть, а немедля откликнуться на письмо, которое ты давеча из Пензы получил от Бекетова.

ДАВЫДОВ. Жалко, Софья Николаевна, в кампаниях военных тебе природой участвовать не назначено. Цены бы тебе в генеральном штабе не было. Весь манёвр наперёд разгадала.

ДАВЫДОВ (*вынимает трубку, потом решительно прячет её в стол*). А вот возьму и поеду. Всё-таки Митя Бекетов — друг боевой. Это — раз. Волков, лис погоняем — два. Да и святки на носу — три. Объявляю тебе, душа моя, благодарность перед фрунтом. Диспозицию похода разрабатываем завтра с утра пораньше.

ДАВЫДОВ (*подходит к окну, резко отдёргивает штору, впуская зимнюю звёздную ночь*). А ночь хороша, слов нет. И звёзды — хоть гадай по ним.

Гигантское звёздное небо над всей сценой, над всей зимней предсвяточной Русью».

Работали мы над пьесой упорно и с удовольствием и, конечно, с особым волнением ждали обсуждения законченного произведения в театре. Оно прошло успешно, тем более что в творческом коллективе не просто знали, над чем трудятся соавторы, но и искренне хотели, чтобы новорождённая пьеса была достойна давыдовской фразы: «Пенза — моя вдохновительница!»

Но при всём этом необходимо было решить задачу, любому театру и любому спектаклю весьма важную и принципиальную для воплощения задуманного, а может быть, и для его творческого обогащения. Конечно же, речь идёт о том, кто будет режиссёром-постановщиком.

Москвичей-гастролёров, приезжающих частенько, чтобы побыстрее сорвать куш, звать не стали. Художественный руководитель театра Виктор Огарёв понимал, что в данном случае нужно было серьёзно работать с драматургами, затрачивая немало времени и сил. И хотя говорят, что нет пророка в своём отечестве, решено было найти именно пензенского режиссёра. И стал им Арташес Аршакович Тер-Казаров.

Для меня такой «долгоиграющий» выбор был очень желателен. Дело в том, что с Арташесом были знакомы по совместной работе на Пензенской студии телевидения с момента его появления там в 1967 году. И так получилось, что

мы не просто быстро нашли общий язык, но и достаточно успешно воплотили это важное качество в различных творческих проектах.

База для режиссёрской работы у Тер-Казарова была. Родившись в 1940 году в Тбилиси, он в 1966 году успешно закончил факультет режиссуры Ереванского художественно-театрального института, потом работал ассистентом режиссёра на киностудии «Арменфильм». Ну а с приездом в Пензу режиссировал сначала молодёжные, а потом литературно-художественные программы на телевидении. Творческую и организаторскую способность Арташеса заметили, и через некоторое время он стал главным режиссёром Пензенской государственной телерадиокомпании.

Рассказываю об этом не только для информации о его жизни, но и для того, чтобы вернуться к отмеченному выше быстро найденному нами общему языку, что способствовало воплощению именно различных творческих дел. В их числе постановка в телевизионном Литературном театре пьесы «Аве Мария!», написанной К. Вишневским и Н. Инюшкиным. Уже после моего ухода из штата телерадиокомпании именно А.А. Тер-Казаров творчески откликнулся на идею создания ряда видеофильмов о культуре Пензенского края. По моим сценариям на экран и для использования в культпросветработе вышли поставленные Арташесом Аршаковичем такие фильмы, как «Истоки: История и культура Пензенского края с древности до XVIII века», «Родники: Музеи Пензы и Пензенской области», «Улицы, парки, скверы Пензы» и ряд других.

Так что видеть Тер-Казарова в качестве постановщика «Гусарской элегии» для меня, да и для В.Н. Садчикова, было во благо. Однако мы понимали, что опытный телережиссёр, хотя и осуществил несколько постановок в народном театре Дома учителя и в музее Мейерхольда, на большой сцене пока ничего не ставил.

Именно поэтому авторы «Гусарской элегии» старались, чем могли, помочь режиссёру. Иногда от первоначальных замыслов приходилось отказываться из-за чрезвычайной сложности их сценического воплощения. Наш контакт с постановщиком позволял вносить изменения с учётом сценических и актёрских возможностей, новых режиссёрских идей.

Чуть забегая вперёд, процитирую фрагмент рецензии на уже поставленную пьесу, написанной К.Д. Вишневским и опубликованной в «Добром утре».

«Но что же способствовало успеху пьесы? Прежде всего вдумчивая режиссура постановщика А.А. Тер-Казарова, новаторская по своей сущности. Новаторство заключается прежде всего в том, что режиссёр как бы «укрупнил» мизансцены, вынес их на передний план, дал возможность актёрам использовать все средства общения со зрителем, чего исполнитель часто лишён в глубине сцены. Я уже слышал мнение, что манера спектакля несколько напоминает «кинематографический» стиль, — по-моему, это похвала высокой степени, ибо пьеса во многом состоит из эпизодов, не связанных напрямую, а предполага-

ющих известную дистанцию между ними во времени и пространстве. Именно так и можно было всё объединить в слаженную картину».

Творческая работа режиссёра нашла положительные оценки и в ряде других рецензий.

А пока вспомним, что у А.А. Тер-Казарова как «капитана» должны были быть и весьма важные творческие помощники, отвечающие за внешнюю художественную выразительность каждой из многочисленных сцен и метафорических образов, за образность музыкального воплощения эмоциональной панорамы романтической истории.

Главный художник театра Любовь Цыбарева, взявшая на себя решение первой задачи, во время работы над спектаклем говорила: «...для всех наших цехов «Гусарская элегия» — спектакль чрезвычайно трудоёмкий и материалоёмкий. Десять разных картин, мест действия: гостиная Бекетовых, дом Золотарёвых, кабинет Дениса Давыдова, зал губернаторского дома и так далее. Безусловно, мы не знаем, как было на самом деле в том или ином доме, не знают этого и зрители, поэтому наша задача — прежде всего отразить в декорациях образ того времени. Работаем, соблюдая принцип старого оперного театра, расписываем задники, завесы. Декорации должны дать представление об интерьерах 30-х годов XIX века и соответствовать элегическому настроению, в котором написана пьеса.

— Не меньшую роль в отражении эпохи и характеров героев имеют костюмы.

— Вот это, пожалуй, самое интересное в моей работе над спектаклем. Я с удовольствием копаюсь в том времени, перевернула множество русских и западных альбомов и журналов. Мне нравится, когда у женщин покатые плечи, тонкие талии, когда из-под платья романтически выглядывает кусочек ножки. Думаю, зрителям костюмы понравятся».

Важным помощником был и Юрий Трубиньш, заведующий музыкальной частью Пензенского драматического театра. Если обратиться к тому, чем он делился во время подготовки спектакля, то можно было услышать такое мнение:

«Скажу откровенно, задача передо мной стоит не из лёгких. Музыка должна звучать в традиционном ключе той эпохи. Но вместе с тем она должна быть рассчитана на сегодняшнего слушателя. Здесь очень важно не впасть в шаблон. Чтобы в сцене бала явственно узнавались мазурка, вальс, но в то же время звучало что-то новое, чего прежде никто не слышал. В последнее время музыканты, композиторы и слушатели привыкли иметь дело с электронной музыкой. Звуки бала, цыганские песни и вытекающие из них пляски — всё это требует живых инструментов и хороших голосов, что представляет определённую сложность.

Тексты песен, романсов, звучащих в спектакле, — только на стихи Дениса Давыдова. В них основа, смысл его характера. Очень важно выбрать для спек-

такля самые глубокие, самые выразительные стихи. Режиссёр пока ещё в поиске: предлагает то одно, то другое. Но не всегда удачные по смыслу строчки ложатся на музыку. Нелегко было положить на ноты песню старого гусара. А вот романс получился, по-моему, неплохой.

О том, каким получился романс, судить тем, кто его услышит во время спектакля».

«И всё же, всё же, всё же…» Конечно, без артистического воплощения, без глубоко и тонко прочувствованных романтических отношений семейного немолодого генерала-ветерана и юной красавицы на успех пьесы рассчитывать было нельзя. На радость и драматургам, и, главное, зрителям такое удалось Александру Нехороших и Наталье Старовойт.

Чуть отступая от эмоциональных и театроведческих оценок, сообщу некоторую биографическую информацию о тех, кто предстал на сцене в ролях Дениса Давыдова и Евгении Золотарёвой.

Александр Дмитриевич Нехороших, родившийся в 1948 году в Воронеже, окончил в 1973 году Саратовское театральное училище и профессиональную деятельность начал в Пензенском драматическом театре, труды в котором принесли ему именно в год постановки «Гусарской элегии» звание заслуженного артиста РФ. За двадцать лет до того Нехороших создал много интересных и ярких сценических образов: Сени Громова («Характеры» В.М. Шукшина), Тришки («Недоросль» Д.И. Фонвизина), Сергея («Несколько майских дней» В.Н. Садчикова), Осипа («Ревизор» Н.В. Гоголя) и других. С Пензенским драмтеатром А.Д. Нехороших расстался в 2004 году, переехав в Москву, где сотрудничает с Центром драматургии и режиссуры А. Казанцева, М. Рощиной. С успехом снимался в ряде фильмов.

Характеризуя свою точку зрения на исполнение роли Д. Давыдова Александром Нехороших, постараюсь быть очень кратким. Уже столько лет прошло, но я с благодарным удивлением вспоминаю, до чего точно удалось актёру найти возможность донести до зрителя очень сложное переплетение в том, кого традиционно видели бравым гусаром, и чувства долга перед семьёй, и искренности чувства любви к юной и, подчёркиваю, умной красавице. А. Нехороших сумел сыграть так, чтобы любовь его героя не выглядела смешной, чтобы стоящий на коленях Д. Давыдов вызывал сочувствие и понимание, а не насмешку и иронию.

Успеху сценического воплощения всего этого в большой степени помогло столь же тонкое понимание своей героини исполнительницей роли Евгении Золотарёвой Натальей Старовойт.

Наталья Витальевна родилась в 1962 году в Омске. В 1984 году окончила Екатеринбургское театральное училище по специальности «Актриса драматического театра и кино». Недолго поработала в Рязанском областном театре для детей и молодёжи, в Сызранском театре драмы. С 1988 года её домом родным стал Пензенский драматический театр, который она воистину украша-

ет своими разнообразными, но всегда творческими ролями. Число созданных на пензенской сцене образов движется к сотне. И недаром ещё в 2001 году Старовойт была отмечена премией губернатора области «За достижения в профессиональном художественном творчестве», а в 2004 году удостоена звания «Заслуженная артистка РФ».

В 1993 году, когда Наталье Старовойт была поручена главная женская роль в «Гусарской элегии», званий и наград не было, но уже было очень важное. Оно заключалось в увиденном и эмоционально воспринятом зрителями умении показать сложность и искренность отношения юной Евгении Золотарёвой к немолодому генералу-поэту. В этом отношении была и радость, и гордость, и страсть, и отчаяние.

Однако личных оценок игры актёров давать не буду. Пусть здесь на помощь придёт мой учитель К.Д. Вишневский в статье «Красота чувств». Говоря об исполнителях, опытный театральный критик отмечал, что «они все хорошо прочувствовали своих героев, вошли, что называется, в их плоть и внутренний мир. Очень сочным контрастом смотрится «гусарская» пара — сам Денис, выдержанный, ровный, спокойный в исполнении заслуженного артиста России А. Нехороших, и «истинный гусар», его друг и однополчанин Бекетов, которого колоритно играет заслуженный артист России Г. Вавилов.

Очень серьёзная задача стояла перед артисткой Л. Шапоренко в роли Софьи Николаевны, жены Дениса Давыдова — женщины, которая сначала лишь подозревает о существовании соперницы, а затем и убеждается в этом — эта доля трагична, и реакция здесь может быть далеко не однозначной. В этой ситуации легко скатиться к тому, чтобы сыграть на эмоциях, на эффекте отвергнутой. Л. Шапоренко играет женщину, полную достоинства, не позволяющую себе унизиться до примитивного семейного скандала и потому вызывающую уважение и симпатию зрителя.

Нельзя не отметить разнообразные характеры остальных действующих лиц. Совершенно очаровательна артистка А. Смелова в роли Полиньки Золотарёвой, одной из племянниц Бекетова: это взбалмошный, слегка капризный подросток, в котором уже пробуждается девушка; она не очень задумывается над своими действиями — и от этого непосредственна и мила.

Старшая — Анна — в исполнении Т. Устиновой, наоборот, рассудительная, заменяющая сёстрам мать и потому глубоко переживающая двусмысленное положение Евгении, полюбившей женатого человека и не убоявшейся мнения окружающих. Вот истинно благородное семейство, где все проблемы, даже самые жгучие, самые острые, решаются так, что не оскорбляют достоинства друг друга, где отношения проникнуты дружелюбием, искренним участием по отношению к каждому члену семьи!

Как и в каждой классической драме, есть здесь и свой «злодей», этакий уездный Яго, — Иван Васильевич Сабуров, лицо, так же как и большинство в пьесе, реальное: пензенский помещик, в действительной жизни хороший, ра-

чительный хозяин, прославившийся тем, что успешно занимался разведением элитной породы овец, что вызывало у окружающих несколько ироническое отношение к нему, а Денис даже написал на него едкую эпиграмму. Но человек он был неглупый, сотрудничал в тогдашних журналах, был известен. На свою беду, он также был влюблён в Евгению Золотарёву — отсюда и его попытки помешать её роману с Денисом, попытки, прямо скажем, не очень-то порядочные. Артист Г. Мазур создаёт вполне адекватный образ несколько занудливого, консервативного уездного франта, который пытается донести Софье Николаевне о романе её мужа...»

Прежде чем в финале рассказа о «Гусарской элегии» ещё раз дать слово тем, кто в зеркале прессы отразил главные впечатления от неё и сделал некоторые выводы, не удержусь от нескольких для меня важных субъективных эмоциональных воспоминаний.

При определённом авторском опыте в создании телевизионных спектаклей увидеть свою работу на театральной сцене, да ещё при полном зрительном зале, пришлось впервые. И в палитре впечатлений, порождавшихся актёрской игрой, сценографическими решениями, музыкальным сопровождением, был один удивительный для меня эффект: актёр говорит, переживает, а зритель реагирует и смехом, и аплодисментами, а порой чуть не слезами на то, что ты сам придумал. Удивительное духовное состояние, которого никогда не забыть!

И ещё об одном, уже совсем другом по сути своей и значению чувстве.

Когда после окончания спектакля на сцену были приглашены авторы пьесы, мне, конечно, было радостно поклониться аплодирующим зрителям. Радостно, но и горько. Ведь среди зрителей не мог я увидеть любимого человека, который подарил мне белый свет. Не мог увидеть маму.

Вера Константиновна Позднеева — великая труженица, заслуженный учитель РСФСР, педагог, отдавший учительскому труду более полувека в пензенской школе № 4, горько закончила свою жизнь именно в 1993 году. Слепота, психическое расстройство и, наконец, горький день 31 января, когда моей мамы не стало. Светлая тебе память, любимая!

Ну а теперь о том самом зеркале прессы, точнее, о частицах отражённого:

«С десяти шагов — в туза из пистолета!» — эту фразу, произнесённую со сцены одновременно элегантно и с гусарским ухарством другом Давыдова Дмитрием Бекетовым (не знаю, кто, кроме заслуженного артиста России Генриха Вавилова, смог бы так её произнести), — фразу эту хотелось и в добрую шутку, и с радостью, и с душой адресовать после спектакля самим авторам пьесы. Действительно, прямое попадание: любовная история, да ещё подлинная, да ещё случившаяся в Пензе, да ещё с самим Денисом Давыдовым — это ли не богатейший материал, чтобы совершить маленькое чудо? И оно свершилось: у зрителя создалась полная иллюзия путешествия во времени.

Перед нами на сцене его родная Пенза, только 150 лет назад. Ну так что, что было-то здесь тогда? Что за люди жили? Чем, какими делами-страстями?

Русские характеры, захлёстываемые собственными эмоциями, — ну уж такими природа создала! Все, кажется, просто. Но откуда у зрителя мысли именно о чести, совести, о простых и вечных качествах души человеческой? Вот в этом и фокус. Настоящее искусство — это когда зрителю кажется: да обо мне же это, мои вопросы, мои заботы. И совсем не случайно зал замирал, когда на сцене решались проблемы любовного треугольника: Давыдов — Золотарёва — Софья Николаевна, жена Дениса Васильевича.

Произошло то, что произошло: радость узнавания. А это явление нечастое.

Т. Агейчева.

«Пензенские вести», 1.02.94 г.»

И уж совсем в заключение приведу мнение известного литературоведа, ныне доктора филологических наук, поэта, профессора Г.Е. Горланова.

«С первого действия до последнего пьеса держит зрителей в напряжении. Грустью веет от её финала. Знаем мы, что вскоре Евгения Дмитриевна выйдет замуж за помещика В.О. Мацнева, а через три года, 22 апреля 1839 года, скоропостижно скончается Денис Васильевич...

Элегические раздумья прерываются аплодисментами актёрам, режиссёру, авторам, вышедшим на сцену под занавес спектакля. За Пензой, как известно, издавна закрепилась слава театрального города. После просмотра «Гусарской элегии» меня не покидает мысль о продолжении культурных театральных традиций. У коллектива театра имеются немалые потенциальные возможности. И это не может не радовать пензенцев».

ПЕНЗЕНСКАЯ ВИДЕОЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Словосочетание, вынесенное в заголовок, появится в продолжении рассказа провинциала о своей жизни не сразу.

Начну с того, что за уже долгие к этой поре годы журналистской, общественной и преподавательской работы странным образом ни разу не приходилось вступать в деловые контакты с людьми, руководившими финансовой, банковской сферой. И передовики производства, и академики, и писатели, и художники, и спортсмены, и врачи — да с кем только общаться не приходилось! А тут нет. Хотя понятно, что с приходом новых общественных отношений банковские руководители — так сказать, банкиры — роль стали играть нарастающе важную.

Скажу честно, что о таких контактах я просто не думал и к ним вовсе не стремился, хотя, как имеющий отношение к сфере культуры и горячо любящий лермонтовские места, с интересом узнал, что в Пензенской области был создан коммерческий банк «Тарханы».

И вот однажды, будучи на одном из праздничных мероприятий в Лермонтовском музее-заповеднике, оказался по его окончании за банкетным столом, накрытым на берегу реки в Апалихе, vis-a-vis с относительно молодым мужчи-

ной, которого директор музея Т.М. Мельникова представила как председателя правления банка «Тарханы». Банковский руководитель представился: «Антонов Геннадий Михайлович», мы пожали друг другу руки.

Ни думал, ни гадал, что это рукопожатие станет скрепляющим и грядущие деловые отношения, и доброе приятельство на многие годы.

Поскольку так и случилось, сообщу читателю информацию, которая содержится в «Пензенской энциклопедии».

«АНТОНОВ Геннадий Михайлович (р. 1.12.1954, с. Куракино Сердобского района), экономист. В 1975 окончил Саратовский фин.-экон. ин-т, в 1975 — 1982 — управляющий М.-Серд. отд. Госбанка, в 1983 — 1987 — зам. управляющего Пенз. обл. конторой Госбанка, в 1988 — 1990 — нач. обл. упр. Жилсоцбанка. Избирался пред. правления обл. научно-экон. общ-ва и пред. Совета по экон. политике обл. администрации. С 1990 пред. правления коммерч. банка «Тарханы» — одной из крупнейших финансовых структур Поволжья, в 1998 — 1999 — президент губ. банка «Тарханы».

Потом ещё много чего было в профессиональных, научных, общественных делах Г.М. Антонова, которые продолжаются и по сей день. А пока застольная беседа летом 1993 года получилась удивительно доброжелательной и конструктивной. Убедившись, что к культуре родной Пензенской земли Геннадий Михайлович относится не просто с уважением, но и с желанием сделать знание о ней достоянием, особенно молодых земляков, автор этих строк высказал предложение банку, носящему такое славное имя, поддержать использование областных средств массовой информации именно с этой целью.

Антонов общих слов не любил и сразу дал добро на предложение публиковать в «Пензенской правде» короткие, популярно написанные эссе о деятелях прошлого, написать которые я брался.

Дело пошло, культурно-исторические эссе охотно публиковались, тем более что они оплачивались газете как реклама. Один из первых таких материалов был посвящён князю А.Б. Куракину, которому в XVIII веке принадлежало село, где родился в веке XX руководитель банка «Тарханы». Укажу ещё на одну публикацию такого рода, посвящённую человеку, известному всей России в куракинскую пору, и предложу её вниманию читателя.

В НЁМ БИЛОСЬ ИСТИННО РУССКОЕ СЕРДЦЕ

В белой парадной зале дворца всякий шаг замедлит. Звонок дубовый паркет под каблуком. Гладок, будто лёд. Но не потому только остановишься. С высоких стен из пышных золочёных обрамлений такие взоры на вошедшего устремлены! Невольно оторопь берёт. Рама к раме расположились, будто на совет в разнообразных торжественных позах величавые фигуры. Ожить им, раскрыться давно замершим устам! Здесь старая допетровская знать, обновлённая брачными союзами с фаворитами нового времени. Сподвижники Петра I и вельможи Екатерины II, придворные и военные, кавалерственные дамы

и фрейлины. Чуть ли не всё «безумно и мудро» осьмнадцатое столетие и заря нового, девятнадцатого.

Где же была зала эта? В какой столице? Или в воображении? Была, на самом деле была всего сто лет назад. Подойдёшь к окну: лучи парковых аллей разбегаются, стройной свечкой белеет колокольня, голоса с Хопра доносятся. На Пензенской земле этот парк, этот дворец, эта зала. В Зубриловке. В имении князя Сергея Фёдоровича Голицына.

В ряду знаменитых персон, изображённых на полотнах, его персона на самом почётном месте. Здесь, в зубриловской галерее, а не в самом роду Голицыных. Род древний, и тем, кто понимает в геральдике, фамильный герб о многом расскажет. Вот на щите герб Литвы — знак пращура князя Гидемина. Вот новгородский — память княжения предков на этой земле в XIV веке. А вот и российский, вписанный в крест, — верность престолу. Фамилия же Голицыных пошла от боярина — князя Ивана Булгака, прозванного «Голицей». Было это уже в XVI веке.

Сергей Фёдорович Голицын не принадлежал к тем знаменитым ветвям рода, которые прославились близостью к Петру I, драматической судьбой в пору царствования Анны Иоановны, фельдмаршальскими жезлами.

Из мемуарных записок нашего земляка Ф. Вигеля узнаём, что его отец, князь Фёдор Сергеевич, был человек и не чиновный, и не богатый, и не расчётливый. Прельстившись всем заграничным, куда как-то его занесло, он получил отвращение ко всему отечественному. По возвращении из путешествия, гнушаясь названиями ржи и проса, все поля свои засеял французским табаком и скоро до того разорился, что не на чем было ему посеять и репы. Мемуарист иронизирует нарочно, чтобы вслед за тем подчеркнуть достоинства Сергея Голицына: «К счастью для молодого сына, он вовсе не походил на отца; в нём билось истинно русское сердце, он был наружности приятной, был добр, умён и храбр, без того, несмотря на сиятельное своё происхождение, ему бы невозможно было выбиться из княжеской толпы».

Князь Сергей родился в 1749 году, успешно закончил кадетский корпус. По службе он продвигался быстро. Может быть, хорошее знание немецкого и французского языков было не безделицей в военной и придворной карьере? Впрочем, для успехов на этом поприще вряд ли хватило бы одних личных качеств. Было ещё и родство с фельдмаршалом Чернышевым и могущественным князем Потёмкиным. На его племяннице, Варваре Васильевне Энгельгард, он женился в 1779 году.

Об этой незаурядной женщине речь впереди. А пока бывший флигель-адъютант Екатерины II размещает свой Смоленский драгунский полк на высоком берегу Хопра у деревеньки Зубриловки. Ах уж эта Фортуна! Надо же было такому случиться, что именно там, где определили три года на бессменных квартирах стоять драгунам, была земля, принадлежащая их сиятельному командиру. Не простаивать же без дела добрым молодцам? И вот уже заказан в столи-

це у знаменитого архитектора Д. Кваренги проект дворца и парка, достойных имения настоящего вельможи. Работа нашлась всем двадцати четырём эскадронам. Когда полк переменил стоянку, Зубриловка славилась во всей округе роскошным каменным барским домом с двумя флигелями, великолепной церковью, построенной по старинному обычаю русских помещиков против дома, парком, цветниками, оранжереей.

Боевая труба позвала генерала Голицына и его драгун на очередную русско-турецкую войну. Князю — осаждать турецкую крепость Очаков, княгине — ждать с нетерпением и тревогой вестей с юга. Пока она ждёт, самое время сказать об этой незаурядной женщине несколько слов.

«Добрая сердитая княгиня». Это выражение Ф. Вигеля. А что до многочисленных приживалок из мелкопоместных, то каждая боялась боярыне не угодить. Вспыльчива, крута! Рукам волю давала. И это при том, что была Варвара Васильевна очень красива. При образованности, тонком вкусе, которые ценил такой выдающийся человек, как Г.Р. Державин. Именно он, будучи в ту пору не только поэтом, но и губернатором в соседнем Тамбове, навещал Варвару Васильевну вместе с супругой. Хозяйке Зубрилова посвящено стихотворение «Осень во время осады Очакова». Яркие описания здешних красот соседствуют с поэтическими комплиментами. Здесь и «российский Марс» Г. Потёмкин, под началом которого воевал Голицын, и «супруга златовласа, Пленира сердцем и лицом».

Державин знал, что его поэтическое приношение будет по достоинству оценено. Изящными искусствами в семье Голицыных интересовались. Даже суровый генерал не избежал искушения попробовать себя в литературе и опубликовал в 1783 году в журнале перевод французской повести. Ну а к возвращению супруга после взятия Очакова Варвара Васильевна готовила свой переводной опус — роман «Заблуждения от любви». Он был тоже напечатан с посвящением любимому мужу.

О преданной любви супругов Голицыных ходила добрая молва. Десять сыновей родила княгиня мужу своему. Старший, Григорий, будущий пензенский губернатор, уже при рождении был пожалован гвардии капитаном, как первенец из внуков Потёмкина.

Но семья семьёй, а служба службой. При Екатерине II благоволение С.Ф. Голицыну оказывалось явное. А вот при Павле I было иначе. Через месяц после его воцарения князю поручается временное командование престижным Преображенским полком, а спустя полгода отправляют в деревню.

Решив обосноваться в имении Казацкое под Киевом, Сергей Фёдорович отправляется туда на долгих через Зубриловку. Очевидцы вспоминали, что прибыл он на берег Хопра летом 1797 года «в сопровождении оркестра и целого общества друзей и приживальщиков, с которыми по дороге устраивал роскошные пиршества». Удалые развлечения продолжались в голицынской усадьбе до поздней осени.

Был в свите князя один человек, вроде бы и не знатный, да от других отличавшийся. Звали его Иван Андреевич Крылов. И хотя значился он при Голицыне частным секретарём и ещё учителем русского языка при его детях, держался он роли философа, со спокойной иронией созерцающего окружающее. Улыбался шуткам детей, которых забавляла его любовь поспать и поесть. Свой же поэтический мир открывал не каждому. Только бумаге доверял нашёптанное зубриловской музой: «Не ползать в низости учусь — учусь природе удивляться».

Впрочем, однажды выступил в роли автора шуто-трагедии для домашнего театра. В семействе опального князя буквально помирали со смеху, когда Крылов читал им своего «Трумфа». Ещё бы — сатира на самодовольную и тупую прусскую военщину, забравшую силу при Павле I, получилась куда как едкой.

Но военная и государственная карьера С.Ф. Голицына не окончилась в павловскую пору. При вступлении на престол Александра I князь был назначен генерал-губернатором Прибалтийского края, где и пробыл до 1804 года. Теперь отставка была уже добровольной, и он отбыл в любимую Зубриловку полным генералом в Андреевской ленте.

Жили Голицыны широко и открыто, уделяя много времени украшению усадьбы и разнообразным увеселениям. Впрочем, Сергея Фёдоровича можно было увидеть и за чтением книг по стратегии и военной истории, в хорошую погоду он прогуливался в коляске или верхом, а вечером сражался за шахматной доской и почти всегда побеждал.

Голицыну было уже шестьдесят, когда неожиданно его снова призвали под военные знамёна и поручили командовать армией. В воздухе пахло войной с Наполеоном. Но старому генералу, сподвижнику Потёмкина и Суворова, не удалось скрестить шпагу с французами. Он умер в Тарнополе в 1810 году. А похоронен? Конечно, в своей любимой Зубриловке.

«Добр, умён и храбр. Страсти его были молодецкие и благородство души неимоверное».

Писал я подобные исторические очерки с удовольствием и даже материальным удовлетворением банковским гонораром. Но мне, как старому телевизионщику, очень хотелось, чтобы и это средство массовой информации было задействовано в форме регулярно выходящих оригинальных передач.

Пензенская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ГТРК), председателем которой был с 1992 года А.А. Тер-Казаров, охотно пошла навстречу такой идее.

Уже в 1994 году глава банка «Тарханы» Г.М. Антонов заверил, что подготовка и выход в эфир подобных передач будет оплачиваться как реклама. Выгода для ГТРК была налицо, и немалая. Но не в похвальбу себе скажу, что возобновление регулярного сотрудничества с опытным телевизионным журналистом и

литератором, не оставившим, конечно, своей преподавательской работы, руководством компании приветствовалось.

«Что ж, начинать?» — «Начнём, пожалуй». Только вот как поудачнее назвать цикл, претендующий на относительную долговечность? Помню, придя на кафедру, поделился своими заботами на сей счёт с молодым коллегой Евгением Ногинским. Евгений Львович, который, конечно, знал о том, что и члены кафедрального коллектива трудятся над созданием «Пензенской энциклопедии», предложил термин, казалось бы, лежащий на поверхности и обретший его устами известность на многие годы, — «Пензенская видеоэнциклопедия».

О тех интересных людях прошлого, которые стали персонажами «Видеоэнциклопедии», о тех, кто занимался и необходимой съёмкой, и монтажом, музыкальным оформлением, о ведущем регулярных выпусков, с интересом смотревшихся пензенцами разных возрастов, ещё скажу.

И всё же начать хочу с рассказа о человеке, который не только стоял среди тех, кто начинал «Пензенскую видеоэнциклопедию», но и на всю жизнь остался моим другом, а многогранным творчеством своим и делами своими достоин стать одним из героев «Пензенской видеоэнциклопедии XXI века», если такую суждено будет в нашем крае создать.

В этом рассказе будут переплетаться и, так сказать, энциклопедические сведения, и моменты субъективной оценки, и в некотором роде анализ произведений, созданных этим человеком, и фрагменты самих произведений. Более того, позволю себе выйти за хронологические рамки поры создания «Пензенской видеоэнциклопедии» и хотя бы кратко рассказать о его делах в XXI веке.

Итак, Шигин Борис Владиленович. Родился 24 декабря 1952 года в городе Балашове Саратовской области. Когда ему было 3 года, с родителями переехал в Пензу. Со школьных лет увлечением Бори стали стихи и песни. Ну а первая его публикация состоялась в газете «За инженерные кадры» в 1970 году.

Став студентом историко-филологического факультета Пензенского педагогического института, Шигин привлёк внимание преподавателей, среди которых был и знакомый читателю К.Д. Вишневский, желанием глубже и эмоциональнее познавать мир литературы. На студенческих концертах Борис стал одним из самых популярных исполнителей под гитару песен, музыка и слова которых были созданы им самим. С той поры не литературоведение, а литературотворчество стало главной жизненной тропой этого человека.

Наша первая встреча с Борисом состоялась в его студенческие годы, когда я уже начал читать курс эстетики в пединституте. Помню даже, что на зачёт Шигин пришёл без положенного реферата, но мы так хорошо разговорились об искусстве, что зачёт, конечно, был поставлен.

Ну а вторая пришлась на 1976 год, когда, немного поработав в школе, выпускник пединститута решил связать свой дальнейший путь с телевидением. Решил, что Борис на телевидении будет очень к месту, главный редактор общественно-политических передач, которым был как раз я.

Долго работать вместе нам не пришлось. Но, уйдя на преподавательскую работу, автор этих строк с удовлетворением следил, как с каждым годом органичнее соединяет Б. Шигин поиск оригинальных циклов телепередач («Парус», «В присутствии Пушкина», «Тарханы с Тамарой Мельниковой», «С Борисом Шигиным на кухне под гитару» и других) с увлечённостью и совершенствованием бардовской песни. В конце 1970-х — начале 1980-х годов он — участник и лауреат Калининского, Новокуйбышевского, Московского, Харьковского фестивалей авторской песни. В 1983 году организовал Пензенский городской клуб авторской песни «Менестрель», которым руководил несколько лет.

Боюсь обидеть знаменитого барда, но думается, что с годами и сам он начинал всё больше понимать, что главное в песне под гитару — стихи, поэзия.

В начале 1990-х годов Шигин печатается в журнале «Сура», других литературно-художественных журналах. А вот в 1992 году произошло, на мой взгляд, качественно важное событие — вышла первая книга Бориса «Моим друзьям». Горд, что краткое вступление автор доверил мне.

ПОЭТ С ГИТАРОЙ

Эта книга — первая в творческой биографии Бориса Шигина. Человек он известный не только в Пензе, где живёт и работает, но и во многих городах, горячо принимавших его как исполнителя авторской песни.

Написал последние слова и в который раз споткнулся на этом выражении. Может быть, для обозначения особого явления культуры, получившего у нас широкое распространение с первой «оттепелью» шестидесятых годов, оно и подходит, но всё же есть в нём что-то казённое и даже обидное. Ведь не называем мы Гомера или Бояна исполнителями авторских поэм или былин? Да и по отношению к нашим современникам, таким как Б. Окуджава, В. Высоцкий, такой термин явно не подходит.

Значит, дело не только и, может быть, не столько в эмоциональности и артистизме исполнения стихотворных строк, сколько в их поэтической, художественной самоценности.

Те, кто слышал Б. Шигина в концертном зале и в студенческом общежитии, на песенном фестивале или у костерка, наверное, испытали обаяние его голоса и гитары, искренности и внутренней силы «авторской песни». И вот сегодня Борис делает смелый шаг.

Гитара и её хозяин молчат, предоставляя возможность читателю самому услышать музыку стиха, самому расставить эмоциональные акценты, самому оценить поэтическую, художественную ценность рифмованных строк.

Признаюсь, что, будучи давним благодарным слушателем автора книги, я с некоторым опасением открывал рукопись. Как-то там они, знакомые слова, без Бориного голоса, без его улыбки?

Снег падал тяжело — он танец позабыл,
Снег будто и не слыл предтечею балета.

И гнутые листы, как лодочки-гробы,
Его несли туда, где протекает Лета.

Прочитал эти строфы, спокойные, исполненные почти торжественного ритма, мрачноватой выразительности, рукопись до конца прочитал и успокоился.

Песня, такая живая, окрашенная тонкой эмоциональностью в минуты звучания, и в книге осталась тем, без чего долго ей не прожить, — поэзией.

Так в добрый путь, поэт с гитарой!

В добрый путь, уважаемый читатель!

Профессор Николай Инюшкин

Дерзну ещё раз процитировать себя, потому что во вступлении к вышедшей в 1997 году книге Б.В. Шигина «Девятый возраст» пытался отразить важные суждения о художественной специфике поэзии моего друга и коллеги.

«XX век на исходе. Мы жили и живём в нём, часто не умея отличать поражений от побед. И те, что придут за нами, прочитают ещё учёные труды, где потомки, богатые поздним умом отцов, раздадут всем сестрам по серьгам.

Но, как бы то ни было, самыми чуткими индикаторами времени текущего и прожитого всегда будут поэты. Им дано Слово, им дано глубже, тоньше, точнее других чувствовать век, ощущать его аромат.

Я знаю века аромат —
Он цвёл при мне и жил при мне.
Он был на запахи богат:
Благоухание и смрад
В его дурманящем вине.
.....
Он пах любовью и войной,
Салютом, топливом ракет.
Он, как рубахи пот, со мной.
И горький мёд, и сладкий гной —
Противней нет, роднее нет!

Это строки из новой поэтической книги Бориса Шигина «Девятый возраст». Думаю, что для характеристики сборника стихов этого очень музыкального человека уместно будет музыкальное же понятие контрапункта. Разнообразные жанрово и тематически произведения, самостоятельные поэтические мелодии образуют гармоническое целое именно благодаря тому, что вся книга пронизана авторским стремлением осмыслить свой двадцатый век и себя в нём.

Предметом художественного размышления становится сложная философски и вместе с тем житейски обыденная взаимосвязь нитей, образующих единое полотно духовной жизни разных поколений.

Поэт помогает увидеть, что человеческое пространство уходящего столетия не познать, если не обратиться к мудрости веков, уже ушедших. Поэтому органичны в стихотворном сборнике обращения к Книге Книг — Библии, где поэт ищет объяснение и своего времени, и самого себя.

Последнее особенно важно. Ведь размышления эти не отстранённые, а через собственные чувства, собственную судьбу пропущенные!

Книга словно освещена сентябрьским жёлтым светом «девятого возраста» самого поэта.

Девятый возраст. Он немного странен.
Я им, как дикий зверь, досадно ранен.
Хоть знак его — Разумная Душа,
Я всё равно безумствую покуда:
Как мальчик, жду неведомого чуда
И строю рай под крышей шалаша!

«Девятый возраст» действительно чем-то сродни осеннему лесу. Взыскательный читатель оценит и холодноватую горечь уходящего чувства, и яркий всплеск озорных ритмов, и целительность самоиронии и, конечно, порадуется нередким поэтическим находкам. Здесь и «церкви купол — уцелевший лист», вписанный в панораму осеннего сада, и изысканная мелодика «Валаама», и синкопы «Ахтубы», и ещё многое другое.

Такая вот многоцветная по мысли, настроению, языку получилась у Бориса Шигина его новая, третья по счету, книга. О времени, о веке, о себе.

Я знаю века аромат,
.....
Я весь пропитан им насквозь,
Его снегами закалён,
С желаньем или на авось,
Как вдруг пробивший стену гвоздь,
С ним выйду в мир иных времён».

В последней процитированной строке поэт невольно стал «пересказателем» и своей судьбы. Столько доброго, творчески интересного, созданного по идее, при участии и под руководством Бориса Владиленовича осталось в истории пензенского телевидения!

Но всё же в «мир иных времён» своего бытия Шигин решился в 2003 году, когда стал редактором пензенского литературного журнала «Сура».

Никоим образом не хочу хаять ту пору, когда его возглавлял В.А. Сидоренко, бывший, по сути, его создателем. Но именно Б. Шигин сумел создать такую атмосферу, так организовать творческий процесс, привлечь для участия в работе журнала людей разных поколений, что «Сура» сделалась центром притяжения литературных и культурных сил Пензенской области.

Помню, на одной из презентаций журнала я употребил применительно к его новому качеству термин «культурное гнездо». В научной литературе он

трактуется как явление с тремя постоянными признаками: определённый круг деятелей, постоянная деятельность и выдвижение инициатив.

По прошествии времени с удовлетворением думаю, что не ошибся. Б.В. Шигин стал инициатором и организатором культурно-просветительской программы «В русле Суры» и приложения к журналу «Библиотечка Суры», литературных клубов «Берега», «Гамбринус», «Росток». А сколько желающих посещать и послушать членов клуба «Поющие поэты»! В 2012 году редактор «Суры» выступил инициатором и организатором Пензенского фестиваля авторской песни «Часовые любви». А как забыть из номера в номер идущие публикации «Под Лермонтовской звездой»?

Конечно, такая не просто литературная, но и культуротворческая деятельность «Суры» не осталась незамеченной. Поэт и редактор журнала, где теперь охотно печатаются известные литераторы и учёные из разных регионов России и зарубежные авторы, является носителем целого перечня званий и наград. Привожу ещё одну, так сказать, энциклопедическую выжимку информации об этом.

Б.В. Шигин — член Союза писателей России (2001), заслуженный работник культуры РФ (2010).

В 2007 году Шигин стал лауреатом Лермонтовской премии за культурно-просветительскую деятельность по формированию единого культурного пространства в Пензенской области, в 2008-м — за достижения в области литературы (номинация «Поэзия») и книгу «Пока решает третья Парка» (вышло уже два её издания), в 2014-м — за рубрику «Под Лермонтовской звездой» в журнале «Сура».

Борис Владиленович — лауреат Всесоюзных фестивалей авторской песни в Москве, Харькове, Калинине (Твери), Новокуйбышевске, Пензе. Был награждён большой золотой медалью Российского фонда мира (за благотворительную деятельность в рамках международной программы «Русская инициатива»). 24 декабря 2012 года в Пензенской филармонии состоялся большой концерт-чествование в честь 60-летия Б.В. Шигина. Ему была присвоена высшая награда Пензенской области — медаль «Во славу земли Пензенской». Он также был награждён почётным знаком «За заслуги в развитии г. Пензы». В день 55-летнего юбилея ГТРК «Пенза» Б.В. Шигин был награждён грамотой губернатора и памятным знаком «Ласточка эфира».

В 2013 году статья о Шигине вошла в энциклопедию «Славу Пензы умножившие. Пензенская персоналия». В 2015-м удостоен премии Московского отделения Союза писателей РФ «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М.Ю. Лермонтов. 1814 — 1841».

Ещё раз скажу: всё перечисленное Борис Владиленович заслужил. Но я больше всего радуюсь, что, столь эффективно и многогранно трудясь, мой друг и коллега нисколько не погасил в душе своей главного — света поэзии.

Вот надолго поразившее и оставшееся во мне стихотворение из последней опубликованной Б.В. Шигиным книги «Пока решает третья Парка».

Вот умру и буду жить с тобой,
Стану лёгкой лодкою без вёсел.
Пусть владеет мной и злой прибой,
И неспешность вод привольных вёсен.

Ты — река. Ты — вечность. Ты есть жизнь.
Разреши склониться и напиться.
Не позволишь, скажешь мне: «Лежи
У воды на берегу», — зарницы

Стану в тихой гавани встречать,
Ждать смиренно твоего прилива.
На моём борту любви печать
К речке, что течёт неторопливо.

Почему когда-то, не теперь?
Омуты, пороги, водопады…
Слишком много горя и потерь,
Слишком мало света той лампады,

Что не только теплится, даёт
Свет нездешний и огонь нетленный…
Вот умру, и неземной полёт
Увлечёт меня в моря Вселенной.

Однако вернёмся к прозе тех собственно телевизионных работ, которые сопровождали реализацию уже первых регулярных выходов «Пензенской видеоэнциклопедии» в 1994 году.

Концептуальное решение сделать персонажами уникального цикла людей, весьма достойных, но оставшихся вместе со своими связями с Пензенским краем в историческом прошлом, требовало поиска и определённых форм видеовоплощения. По времени каждый телерассказ был небольшим — 10 — 15 минут, но наполненным показом сохранившихся фрагментов среды, которая окружала героев рассказов в пору их пензенской жизни, подлинными предметными мемориями и, конечно, по возможности точным эмоциональным воспроизведением того, что говорили, что думали, как поступали эти люди.

И в последнем случае важную роль играл выбор такого человека, который мог бы воплотить авторский текст на достойном героя прошлого эмоциональном уровне. Такого человека я заметил в облдрамтеатре в пору

постановки «Гусарской элегии». И хотя исполнял он роль И.В. Сабурова, пензенского помещика, сыгравшего в романе Д. Давыдова и Е. Золотарёвой роль разрушителя их отношений, артистические способности Г. Мазура были несомненны.

Григорий согласился с предложением постановщиков телефильмов и на протяжении всех лет сотрудничества был не просто произносящим придуманный автором сценария текст, но и по мере возможностей воплотителем каких-то характеристик героя, которому посвящался очередной выпуск «Пензенской видеоэнциклопедии».

Режиссёрская группа, которой руководил, хотя был редактором, Б.В. Шигин, экспериментально искала тот фон, с помощью которого можно было использовать антураж современный. Помнится, как во время работы над телефильмом об И.М. Долгоруком, помимо прочего ещё и авторе стихотворения «Камин в Пензе», искали мы этот самый камин в современном городе. И нашли в доме одного из, как тогда говорили, «новых русских», который согласился пустить к огню и героя из XVIII века, и телеоператора.

Хорошую школу в создании видеоэнциклопедии прошла молодая ещё Марина Кобринчук, работавшая в должности ассистента режиссёра. И когда пришло время очередного шага в развитии нашего уникального телепроекта, и Б.В. Шигин, и я настояли на том, что именно Марина будет сидеть за режиссёрским пультом. Важную роль в создании музыкального хора — образа времени играл опытный звукорежиссёр Сергей Ступарь.

Не описывая, как говорят телевизионщики, «левую сторону», где указываются место и объект съёмки, приведу один пример текстовый, прозвучавший в видеофильме о М.М. Сперанском.

Пенза. 1817 год. Второе января. С утра в просторном губернаторском доме секретный шелест на ушко.

— Их высокопревосходительство вечор допоздна читали, а потом не в спальне легли.

— А где же?

— В каморке.

— Свят-свят!

— Сами изволили на простой лавке овчинный тулуп постелить и на нём почивали.

— Чудно-с!

— Тсс… губернатор!

Прошёл уже в шубе, подтянутый, изящный в свои ровно сорок шесть, улыбнулся красивыми глазами, а через минуту заскрипели полозья саней.

«Ныне день моего рождения, и я всегда провожу его таким образом, чтобы напомнить себе и своё происхождение, и всё старое время с его нуждою».

Вот и объяснение. Михаил Михайлович дал его ещё в петербургскую свою бытность в зените власти и славы. Ничем не хотел быть похожим на придворных фаворитов с короткой памятью.

Когда в дни наивысшего взлёта вдруг навестила его мать — деревенская попадья в простеньком балахоне, платком повязанная, — принародно пал перед ней на колени, облобызал трепетно. Не забыл, что Сперанским звать его стали только в семинарии — у отца-то и родового прозвища не было. «Попович», «семинарист», «готовился лазить на колокольню, а ему поручили Россию переделывать. Хорош реформатор!» Это он потом услышит, когда стремительно, через несколько ступенек, будет взбегать к самой вершине административной лестницы империи. Не в лицо, конечно. Кто же скажет такое любимцу молодого Александра I? Осенью 1808 года статс-секретарь Сената Сперанский взят был царём на свою встречу с Наполеоном I в Эрфурт. После приватной беседы французский император сказал русскому: «Не угодно ли вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство?»

...Пензенский губернатор глубоко вдохнул морозный январский воздух. Снежное королевство, и дома в нём спрятались за сугробами. Впрочем, по весне друг Сперанского А. Столыпин прочтёт у себя в Петербурге: «Как Вы были несправедливы, описывая мне некогда Пензу пустынею! И не говорите мне о недостатке ни ремесленников, ни учителей, ни книг — всё это соберётся и уже собирается... Жерве говорит мне сущие личности, называя Пензу ссыльною. Пензу, которую я избрал бы своим отечеством и тогда, когда мне можно было бы выбирать одну из пятидесяти губерний». К лету оценка краёв, бдению губернатора порученных, ещё восторженнее: «Прелестная Пенза всё ещё содержит меня в очаровании. Удивительная земля, зажиточные крестьяне, все в довольстве и кругом в надеждах. Оканчивайте скорее ваши дела и приезжайте к нам: в Петербурге служат, а здесь живут. Благоустроенная жизнь и доброе хозяйство, по мнению моему, наилучшая служба».

Кого убеждает Сперанский? Неужели надеется, что благополучный сановник А.А. Столыпин и впрямь переберётся поближе к своей родне в глушь пензенскую? Себя убеждает! Хоть и философ по-прежнему. И губернаторским заботам по восемнадцать часов в сутки отдаёт. И по ночам книгу с латыни о христианском смирении переводит. «Ты будешь свободен внутренне, когда не станешь желать ничего другого, как только угождения Богу и пользы ближнего». Всё так, но, как глубоко ни прячь, прав проклятый Жерве — «ссыльная Пенза»!

...Из дипломатического донесения графа де Местра: «Великий и могущественный Сперанский, главный секретарь империи и фактически первый министр». Это и в России понимали, хотя и ощущали по-разному. Три года — с 1809-го по 1811-й — короткий век грандиозного реформаторства, его — «поповича», умницы, эрудита, фанатического труженика — век. В одном из пензенских писем Сперанский найдёт точный образ гигантской бюрократической

машины, на которую властно опустились его тонкие чуткие пальцы, — «гнилой скрипучий станок». Сказочная возможность: волею монарха обратить его туманные либеральные принципы в силу, способную, мечталось, преобразовать «гнилой станок» в чётко действующую административную систему. Основа её — гражданские законы, строго разделяющие власть на законодательную, административную и судебную, на местную и центральную.

Словно залпы — новые уставы, указы, положения, манифесты. Сперва по частностям, а потом всё ближе к политическому переустройству с прицелом на крепостническое положение крестьян, на всевластие безграмотного и продажного чиновничества. Быстрее, быстрее, успеть, пока не оклеветали, не нашептали...

Не успел.

17 марта 1812 года. Срочный вызов во дворец. Знакомый кабинет. Незнакомый, прячущий глаза государь: «Обстоятельства требуют, чтобы на время мы расстались. Возвратись домой, там узнаешь остальное. Прощай!»

Остальное: ссылка без указа, без обвинений в Нижний Новгород, Пермь, потом Великополье. Разве не нужен отечеству его ум и талант в годину военную? И будто в ответ крики мальчишек на пермских улочках: «Изменник, французу продался!» Да разве одни мальчишки? Не знал тогда Михаил Михайлович, что не везде так думали. В Пензенской губернии многие помещичьи крестьяне даже справляли за него молебны и свечи ставили. Говор при том был такой, что, дослужась из грязи до больших чинов и быв умом выше всех советников царских, встал Сперанский за крепостных, подал царю проект об освобождении их и тем возмутил против себя всех господ, которые за это, а не за предательство какое-нибудь решились его погубить.

В сентябре 1816 года нежданно для себя и для тех крепостных, что эти свечки палили, и для настороженных дворян и подьячих — для всех пензяков стал Сперанский здешним губернатором. «Не по словам судите, но по делам его». Воистину. Только приехал в Пензу — не стал дожидаться визитов и приглашений, сам посетил губернскую знать, обворожил умом и любезностью. «Дела проясняются, люди знакомятся; все причины имею заключить, что меня полюбят». Взбунтовались помещичьи крестьяне в селе Кутле — подавил твёрдой рукой. Засёк помещик крепостного до смерти — суд, ссылка тирана в Сибирь. Но зорок и трезв опытный взгляд чиновника российского масштаба. Опять проклятый несломленный «гнилой станок»! «Если бы теперь вопросили, какие же для внутреннего устройства России учреждения наиболее нужны, можно было бы с достоверностью ответить: всего нужнее учреждение или устав об управлении губерний».

Пока же нет такого, все привычные свои восемнадцать рабочих часов — большим и малым делам губернии. «Жизнь губернаторская тем, между прочим, несносна, что везде и во всём надо быть на сцене и более или менее действующим лицом».

В каждый воскресный и праздничный день в любую погоду Михаил Михайлович бывал в тюремном замке, всё осматривал и расспрашивал каждого арестанта. «Ну, друзья мои, — оканчивал он потом обыкновенно, — день нынче праздничный, давайте помолимся Богу о прощении наших грехов, и чтоб Он дал нам силы терпеливо сносить наши скорби и несчастья». Уходя, пробовал арестантскую пищу и оставлял что-нибудь на её улучшение. Что это — сцена?

А может быть, то ощущение жизни, которое Сперанский называл в письме к дочери «новым своим завоеванием»? Учась всю жизнь, Михаил Михайлович душой и умом своим в Пензе продолжал «завоёвывать» то, что не успел в столице. Выучил немецкий и еврейский языки, нужные для научных занятий, которые никогда не оставлял. Закончил перевод Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Надеясь найти силу «внутреннего христианства», посетил Саровскую пустынь.

Наверное, в числе главных «завоеваний» Сперанского была способность притягивать к себе симпатии многих достойных людей. Конечно, блеск ума, обаятельная любезность и душевное внимание ко всему, что было дорого друзьям. Так Сперанский оказался через друга своего, Аркадия Столыпина, связанным с его пензенской роднёй, а через неё с ещё неведомым миру гением — Михаилом Лермонтовым.

Пример тому — многолетние доверительные и тёплые отношения с уже упомянутым Аркадием Алексеевичем Столыпиным, которые и выводят наш рассказ на лермонтовскую тему. Будущие друзья познакомились ещё молодыми людьми в Петербурге в доме Б.А. Куракина. Сперанский служил тогда у князя домашним секретарём, а девятнадцатилетний юноша из Пензы только что прибыл в столицу попробовать себя на государственной службе. Покровительство влиятельного вельможи, материальными делами связанного с состоятельным отцом провинциала, давало надежду на успех.

В начале нового века карьера Аркадия пошла в гору, хотя и не так стремительно, как у его друга. Когда Сперанский после своего удивительного взлёта оказался в опале, выходец из Пензы занимал видный пост обер-прокурора в Сенате. Но здесь-то с благой стороны подтвердилось, что служба службой, а дружба дружбой.

Зеркалом её стали письма, которые с завидной регулярностью связывали столичного Столыпина с теми местами, куда царская воля заносила Сперанского. Спустя многие годы внимательный взгляд исследователя находит в том зеркале, помимо прочего, и отблески имён, событий — важных и не очень, но прямо или косвенно имеющих отношение к будущему поэту.

Посланий много: ведь из Пензы Михаил Михайлович писал своему другу каждый вторник. Уже упомянутые характеристики города и губернии, где он был первым лицом, чередуются с сообщениями о том, как и чем живут многочисленные родственники адресата. В ноябрьском письме 1816 года буквально переплетаются, возникая друг за другом, звенья родословной цепочки. Вот

старейшина рода — Алексей Емельянович Столыпин. «Он очень слаб телом, но довольно бодр ещё духом, и особливо поутру. Вечер играет в карты, обедает всегда за общим столом, хотя и не выходит из тулупа. Ноги очень плохи. Прекрасная вещь видеть, как возят его ваши сестрицы из одной комнаты в другую: ибо один он пуститься уже не смеет. Одно слово о Кавказе веселит его, как ребёнка, и я уверен, что он может ещё тем помолодеть и запастись здоровьем на долгое время». Буквально через строчку: «Елизавета Алексеевна также здесь». Это уже другое поколение. Дочь, ставшая Арсеньевой, матерью и даже бабушкой. И вслед: «Не знаю, увижу ли Лермонтовых. Трудности в помещении, все дома набиты приезжими, и зиму обещают ныне весьма многолюдную».

О маленьком тёзке Мишеле Лермонтове пока ни слова. Но прежде чем 12 июня 1817 года Сперанский сообщит в Петербург, что «Елизавета Алексеевна здесь и с внуком своим», пройдёт череда драматических событий, также отражённых в посланиях другу. С января письмо за письмом извещали о стремительно развивающейся чахотке Марии Михайловны. И наконец, 27 февраля, надеясь, «что настоящее письмо получите вы в выздоровлении, и в сей надежде не колеблюсь сообщить вам вести о племяннице вашей Лермонтовой. Нить, на которой одной она столько времени висела, наконец пресеклась».

По письмам Сперанского можно судить, что пензенский губернатор не был в стороне и от конфликта, который вслед за безвременной смертью матери будущего поэта возник между его отцом и бабушкой. В споре о том, с кем должен остаться мальчик, Михаил Михайлович явно на стороне столыпинского рода. Когда же было составлено завещание Е.А. Арсеньевой, разлучившее отца с сыном до совершеннолетия последнего, губернатор в качестве свидетеля подписывается под документом, который определил судьбу Лермонтова-ребёнка.

Но самым любезным дитём была для Сперанского, конечно, Лиза. Дочь единственная, названная в честь матери, подарившей ей жизнь ценой своей. «Я с тобою только составляю одно целое; без тебя же не могу иметь всей полноты моего бытия». «Ты хочешь, чтобы я дал тебе понятие о Пензе. Я боялся тебе её хвалить, точно как та мать, которая боялась, чтобы её ребенок не попросил себе луны. Скажу вообще: если Господь приведёт нас с тобою здесь жить, то мы поживём здесь спокойнее и приятнее, нежели где-либо доселе жили».

Недолго доведётся Елизавете радовать отца своим приездом туда, где «люди предобрые, климат прекрасный, земля благословенная». 7 мая 1819 года по большой воде разлившейся Суры отчалила от пензенского берега лодка с М.М. Сперанским. Большому кораблю — большое плавание.

И что же, больше так и не заглянул реформатор в пензенские края, столь хвалимые в письмах? Заглянул, да только не в губернский центр, а в Тарханы. Крюк сделал немалый, а всё же навестил по дороге из Сибири в Петербург Елизавету Алексеевну Арсеньеву. Было это 7 марта 1821 года. «Любезный внук», которому к этому времени шёл уже седьмой год, конечно, при сём

присутствовал. Запомнилась ли эта встреча двум Михаилам — история умалчивает. Но в современном Лермонтовском музее-заповеднике помнят, и тысячи людей, входящих в гостиную барского дома, видят портрет Михаила Михайловича Сперанского.

Признаюсь, что очерк-телефильм о М.М. Сперанском выбрал среди многих персонажей видеоэнциклопедии не случайно. Композиционно рассказ, в финале которого упоминается имя будущего великого русского поэта, позволяет перейти к информации о Лермонтовском гуманитарном фонде «Тарханы», созданном в январе 1996 года при финансовой поддержке всё того же коммерческого банка. Это была общественная благотворительная организация, объединяющая усилия общественности и деловых кругов по сохранению, изучению и приумножению культурно-исторического достояния российской провинции, пропаганде лермонтовского литературного наследия, поддержке молодой творческой интеллигенции, участию в благотворительной и просветительской деятельности, расширению международных гуманитарных связей.

Фондом, председателем правления которого был избран профессор Н.М. Инюшкин, были утверждены ежегодные премии «Хрустальный парус», присуждаемые за достижения молодёжи в литературе, музыке, театре, изобразительном искусстве и краеведении.

Несомненное концептуальное значение в контексте начинавшейся практической деятельности фонда имело предисловие к изданной банком «Тарханы» книге «Край Пензенский: люди и судьбы».

ВКЛАД В КУЛЬТУРУ — ВКЛАД В БУДУЩЕЕ

Как известно, банки — это место, где люди могут хранить и приумножать свои сбережения. Но банк «Тарханы» не только принимает вклады, но и сам делает их. И вкладывает он средства, на мой взгляд, в самое перспективное дело — в развитие культуры. Именно так претворяется в жизнь наш девиз «Поэзия в бизнесе».

Союз бизнеса и культуры, пожалуй, самый плодотворный, так как он помогает донести до широких масс все сокровища, выработанные людским умом и талантом. Давно уже нет в живых И.В. Цветаева — основателя Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, а собранные им «жемчужины» продолжают служить людям и многие лета будут творить благое дело духовного и эстетического воспитания новых и новых поколений. Средства, вложенные господином Цветаевым в приобретение произведений искусства, окупились в миллионы раз. Они обернулись духовным богатством, которое не измерить ни рублями, ни долларами.

Изучение и приумножение культурно-исторического достояния российской провинции стало основной целью деятельности созданного при поддержке нашего банка Лермонтовского гуманитарного фонда «Тарханы». Он ведёт

очень многоплановую работу: краеведческую и просветительскую, организует благотворительные акции (такие, как выставки произведений пензенских художников в филиалах банка), участвует в финансировании мероприятий, пропагандирующих лермонтовское литературное наследие, оказывает поддержку молодой творческой интеллигенции и так далее.

Памятуя о том, что нет будущего у поколения, не знающего прошлого своего народа, фонд уделяет особо пристальное внимание культурно-просветительской работе среди молодёжи. При содействии банка «Тарханы» пензенское телевидение подготовило и выпустило в эфир «Пензенскую видеоэнциклопедию» — цикл передач о выдающихся людях нашего края, многое сделавших для развития его экономики и культуры. Кассеты видеоэнциклопедии будут тиражированы и подарены пензенским школам.

Данная книга, уважаемые читатели, ещё один плод содружества культуры и бизнеса. Автор её — профессор Н.М. Инюшкин — провёл уникальную исследовательскую и литературную работу, подготовив серию великолепных очерков о людях, внёсших особый вклад в историю Пензенского края. Думаю, что выход в свет сборника этих очерков станет заметным событием в культурной жизни Пензы и области. Он, безусловно, станет настольной книгой у краеведов и очень пригодится школьникам при изучении истории родного края. В школы области сборник поступит бесплатно. Об этом позаботится банк «Тарханы».

Г.М. Антонов,
председатель правления
коммерческого банка «Тарханы».

Предисловие к книге «Пензенский край: люди и судьбы» привёл отнюдь не в похвальбу себе, а чтобы показать одну из граней многообразия конкретных культурных акций, за которые с энтузиазмом взялись активисты фонда. Причём подчеркну, что главные из этих акций были ориентированы на поддержку творческой молодёжи Пензенского края.

Главный приз, который мы придумали и о котором я уже упоминал, материально воплощал бессмертную лермонтовскую идею «Паруса». Это был «Хрустальный парус», несколько довольно массивных экземпляров которого изготовили на Никольском хрустальном заводе. Такой приз, а кроме того диплом, почётный лауреатский значок, денежную премию планировалось в торжественной обстановке публично вручить лучшим из претендентов на награду Лермонтовского гуманитарного фонда.

Популяризируя молодые таланты и привлекая к ним внимание общественности, мы организовывали выставки, публиковали рецензии — словом, использовали разные формы в этом важном процессе.

Обращаясь к посетителям выставки молодых художников, ставших претендентами на звание лауреата «Хрустального паруса», в специально отпе-

чатанном проспекте председатель фонда подчёркивал, что «лермонтовский уровень творчества уникален, но разве оскудела талантами земля, щедро даривша я ими отечественную культуру во всех её проявлениях? Мы верим, что по прошествии времени не одно имя, обозначенное в списке претендентов на премию Лермонтовского гуманитарного фонда, будет широко известно и явится предметом гордости земляков. Первые шаги к общественному признанию нелегки, и «Хрустальный парус» поможет на избранном пути.

Но в названии фонда не случайно и слово «Тарханы». Оно перекликается не только со священной для каждого россиянина землёй лермонтовского детства, но и с именем крупного коммерческого банка. Благом для культуры Пензенского края стала его поддержка всего, что помогает сохранению и приумножению духовного богатства российской провинции.

Примеру КБ «Тарханы» могут и должны последовать другие благотворители, новые меценаты-патриоты.

Союз деятелей культуры, финансовой и экономической сфер благотворен для России, для каждого её края.

Лермонтовский гуманитарный фонд «Тарханы» — это мост между прошлым культуры и её настоящим, устремленным в будущее.

В добрый путь под «Хрустальным парусом»!

Дмитрий МУРАШОВ

ПРЕДСКАЗАНИЯ КЛЮЧЕВСКОГО

Василий Осипович Ключевский был самым популярным историком России конца XIX — начала XX века. Его лекции в учебных заведениях пользовались повышенным спросом, а «Курс русской истории», издававшийся им с 1904 года, был признан образцом научно-популярного изложения отечественного прошлого. В своей лекторской практике Ключевский доводил свой курс до середины XIX века, но в печатном варианте его последняя часть (от Екатерины II до Александра II) осталась только в черновиках. Ключевский считал, что с 18 февраля 1855 г., т. е. со дня смерти императора Николая I, начинается новый период русской истории, «в который выступают иные начала жизни. Начала эти мы знаем, знаем их происхождение и свойства, но не знаем их последствий, а потому они не могут быть предметом исторического изучения»[1]. Другими словами, правление Александра II начинало для Ключевского современность, находившуюся, по его мысли, вне анализа историка. «Сколько времени нужно людям, чтобы понять прожитое ими столетие? Три столетия. Когда человечество поймет смысл своей жизни? Через 3 тысячи лет после своей смерти», — гласит запись Ключевского 1893 года в его дневнике[2].

Однако декларируемая Ключевским аполитичность — всего лишь ширма. Еще П.Н. Милюков, один из лучших учеников Василия Осиповича, заметил, что учитель гармонично соединял в себе «лукавство и ум» и за его умышленной аполитичностью стоял глубокий и неподдельный интерес к текущим событиям политической и общественной жизни[3]. Комментарии историка на злобу дня расходились мгновенно. «Безнадежно и положение русского самодержавия, по словам сведущих лиц, — писал Максим Горький журналисту Владимиру Поссе в январе 1902 года. — Старик Ключевский, апологет Александра III, на днях сказал: «Поскольку я знаю русскую историю

и историю вообще, я безошибочно могу сказать, что мы присутствуем при агонии самодержавия»[4].

В словах Горького застыло обидное для Ключевского событие — его речь 1894 года о скончавшемся Александре III, изданная к тому же отдельной брошюрой. Теплые слова об императоре, сказанные В.О. Ключевским как председателем Общества истории и древностей российских, были негативно восприняты студентами. Они устроили профессору обструкцию. Вошедшего в аудиторию Ключевского встретили свист и крики «Позор!»[5]. Василий Осипович унижение стерпел, так как поступить иначе, будучи учителем сына Александра III великого князя Георгия Александровича, не мог. Хотя свое истинное отношение к самодержавию высказал двумя годами ранее, но в дневнике: «Русские цари — мертвецы в живой обстановке»[6]. Дневниковые записи 1900-х годов подтверждают и слова Ключевского в изложении Горького. Василий Осипович писал: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время», «…эта династия не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана»[7].

Такие откровения (и не интимные, а публичные) не были новинкой для русского общества. О крахе самодержавия открыто говорили народники, а в 1890 году так же открыто сказала об этом в письме императору писательница Мария Цебрикова, племянница декабриста: «Русские императоры обречены видеть и слышать лишь то, что видеть и слышать их допустит чиновничество, стоящее стеной между ними и русским земством, т. е. миллионами, не числящимися на государственной службе. /…/ Вас пугают призраком революции. Да, революция, уничтожающая монархию, есть призрак в настоящем. /…/ Мера терпения переполняется. Будущее страшно. Если до революции, ниспровергающей монархию, далеко, то очень возможны местные пугачевщины, и вновь назначенное Вами земское начальство, которое еще лишним бременем неудобоносимым ляжет на плечи сельского мира, сделает, чтобы вызвать их, более, чем могли бы то сделать революционеры наши»[8].

Размышления Василия Ключевского о настоящем выдержаны в таком же контексте. Весной 1898 года историк записывает в дневник: «Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет»[9].

Так почему же В.О. Ключевский был убежден, что часы самодержавия сочтены? Ключ к этому — в понимании Василием Осиповичем исторических процессов и политики, которая, по его словам, «должна быть не более и не менее как прикладной историей»[10]. Ключевский считал, что исторические явления могут быть сведены «к двум перемежающимся состояниям — настроению и движению, из коих одно постоянно вызывается другим или переходит в другое»[11].

В «Курсе русской истории» эта мысль выражена несколько иначе, чем в дневнике: «Я не знаю общества, свободного от идей, как бы мало оно ни было

развито. Само общество — это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они общество. Еще труднее мне подумать, что идеи лишены участия в историческом процессе»[12].

Павел Николаевич Милюков утверждал, что в первых изданиях «Курса русской истории» подход Ключевского был выражен четче: «Политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни...»[13]

Иначе, настроение русского общества рубежа XIX — XX веков, как и господствующее настроение общества европейского, делало невозможным сохранение в России самодержавия. Умственный и нравственный строй жизни активно толкал империю к представительной форме правления. От государства властителей к государству граждан. В своем дневнике Василий Ключевский в начале нулевых годов XX века так определил место России в новой международной обстановке: «В Европе царей Россия могла иметь силу, даже решающую; в Европе народов она — толстое бревно, прибиваемое к берегу потоком народной культуры»[14]. Сохранилась и очень личная запись от 9 января 1909 года: «Самовластие само по себе противно; как политический принцип его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец (нет сомнения, что это Николай II. — **Прим. авт.**), не жалея себя, самоотверженно идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о непреодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева»[15].

Василий Ключевский не сочувствовал появившимся после Манифеста 17 октября политическим партиям, как и «партийно-политическому делению общества при организации народного представительства»[16], хотя и выступил публично против организации выборов на сословном начале[17]. Ключевский считал, что партийно-политическое деление — это «шаблонная репетиция чужого опыта» и «игра в жмурки»[18].

Стремление политических партий к немедленной реализации своих программ без создания законодательной базы российского парламентаризма было способно, по мнению Василия Осиповича Ключевского, оказать России медвежью услугу, конечным выгодоприобретателем которой окажется имперская бюрократия. Историк считал, что ведущая роль в возведении российского здания представительного правления должна принадлежать земским и выборным городским учреждениям[19].

О роли бюрократии в будущем страны В.О. Ключевский впервые задумался в 1886 году, создав небольшое беллетристическое произведение «Письмо француженки». В нем гостья из Франции, прибыв в Петербург конца XVIII века, рассказывает о своих впечатлениях, полученных в России, любимой подруге. В

заключительной части рассказа героиня пророчествует, говоря, что «царствование дворянства» в России «не будет продолжительно». На смену дворянству идет чиновник: «Эти люди теперь получают большую цену в управлении, и знаешь почему? В них много того, что теперь начинает здесь сильно спрашиваться и чего нет в дворянах. Дворяне много и хорошо говорят, но не умеют писать, а эти люди много и хорошо пишут и умеют молчать. Эти-то молчаливые писатели, боюсь, и наделают много хлопот дворянству. По моим историческим соображениям, в каждом большом государстве все управление со временем сведется к искусству направлять бумаги: вот тогда эти люди и станут главным рычагом управления...»[20]

В.О. Ключевский — мастер исторических деталей, и он, конечно, знал, что стремительный рост чиновничества, как и его влияния, начался в России в эпоху Николая I. В «Курсе русской истории» он посвятил этому явлению небольшую главку, так и озаглавленную: «Рост бюрократии»[21]. Поэтому пророчество француженки о русской бюрократии как будущем правящем классе, сделанное якобы в XVIII веке — это все-таки ретроспективный, а не перспективный взгляд. Так, в художественном произведении, Ключевский размышлял о современной ему бюрократии.

В дневниках историка встречаются и более хлесткие записи. «Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: «Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалование, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами»[22].

Господство бюрократии, по мысли Василия Осиповича Ключевского, сделает Россию труднопредсказуемой. Бюрократия убьет в стране живое начало и пустит все на самотек. «Здесь никто ничем не руководит, и никто не знает, что он делает и что выйдет из его деятельности, — предсказывает француженка, — здесь все только плывет по течению, направляемому какими-то таинственными стихийными силами, и никто не оглядывается на то, что было, не заглядывает в то, что будет. Поэтому мне думается, что это будет страна неожиданностей, исторических сюрпризов. /.../ Да, эту страну трудно изучать и еще труднее управлять ею. Ее никто не изучает; зато очень много охотников управлять ею. Здесь господствует странная мысль, что управление государственными делами избавляет от обязанности знать их. Один сановник на мое замечание об этом наивно признался: «Зачем мне знать, что делается, когда я имею власть все сделать? Знать это нужно тому, у кого есть дела, но нет власти, — нужно крестьянину, купцу, моему приказчику, моему секретарю; а у меня ведь нет дел, а есть власть. Зачем мне знать, что делается, когда мне доста-

точно приказать, чтобы сделалось то, что я желаю». Согласитесь, что в стране, где все так рассуждают, может случиться многое, чего никто не ожидает. И я, право, не знаю, что будет с этой страной. В ней, быть может, явятся великие истории; но она едва ли будет иметь удачных пророков…»[23]

Сегодня, из XXI века, размышления Василия Осиповича Ключевского о пройденном историческом пути России выглядят более чем реалистично. Падение самодержавной власти в 1917 году, утрата российским дворянством привилегированного положения в обществе, приход к власти партийно-советской номенклатуры уже в новой, возникшей после революции, социалистической России, становление СССР как мировой супердержавы… Совпадения предсказанного просто поражают и одновременно, как ни парадоксально, внушают оптимизм, потому что все описанное уже было и осмыслено.

«Жизнь учит лишь тех, кто ее изучает», — считал Ключевский[24].

Давайте прислушаемся к гению.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 258.
[2] Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 304.
[3] Милюков П. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 185.
[4] Горький М. Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1954. Т. 28. С. 231.
[5] Эрлихман В. Ключ к русской истории // Журнал «Историк». М., 2016. № 1. С. 54.
[6] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 9. С. 382.
[7] Там же. С. 443.
[8] Цебрикова М.К. Письмо к Александру III. Спб., 1906. С. 3 — 4, 31.
[9] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 9. С. 417.
[10] Там же. С. 366.
[11] Там же. С. 326.
[12] Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1987. Т.1. С. 53.
[13] Милюков П. В.О. Ключевский. С. 191.
[14] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 9. С. 445.
[15] Там же. С. 436.
[16] Там же. С. 355.
[17] Петергофские совещания. Петроград, 1917. С. 138 — 139.
[18] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 9. С. 355.
[19] Там же. С. 352.
[20] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: «Наука», 1983. С. 331 — 332.
[21] Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 247.
[22] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 9. С. 426.
[23] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 332 — 333.
[24] Ключевский В.О. Сочинения. Т. 9. С. 406.

Евгений ПЕРЕЛЬРОЙЗЕН

ДЕЛО РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА: ПРИЕМ У СТАЛИНА 15 ИЮНЯ 1946 ГОДА

В журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина 15 июня 1946 г. написано, что в тот день прием начался с того, что к Сталину в 20 часов 55 минут прошел замминистра иностранных дел С.А. Лозовский, ведавший, в частности, дипотношениями со Швецией. Через 5 минут за ним последовали заканчивающий миссию в Москве посланник Швеции Стаффан Сёдерблум, представлявший в то время социал-демократическое правительство Таге Эрландера, и советник Ульф Барк-Хольст. Сёдерблуму была оказана неслыханная честь. Сталин встречался в то время лишь с американским и британским послами, да и то в тех случаях, когда они привозили личные послания Трумэна и Эттли. А тут, в виде исключения, шведа допустили к Самому и выделили... целый час времени!

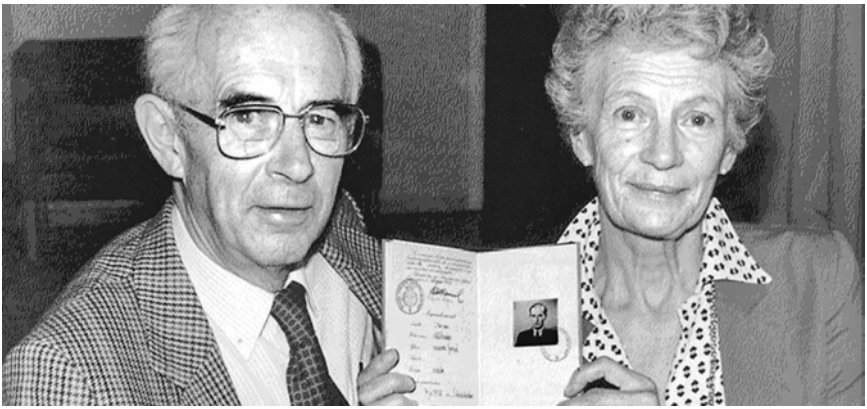
Для Лозовского это стало сюрпризом: лишь 14 июня ему сообщил об этом Молотов по телефону, добавив, что швед, видимо, затронет вопрос о пропавшем в Будапеште секретаре шведской миссии в Венгрии Валленберге. Лозовский все больше утверждался в своей мрачной догадке: его дни в МИДе сочтены. С ним перестали советоваться, а сейчас он должен быть и переводчиком на этой встрече со шведами... Как это понимать? Он хорошо помнил ту весну 1939-го, когда Хозяин убрал из МИДа Литвинова, а заменивший его Молотов произнес вмиг ставшие известными слова о конце «литвиновской синагоги». И вопреки этому вдруг кончилась его двухлетняя опала на посту директора Гослитиздата, и он получил пост замнаркома иностранных дел. Видимо, Хозяину в то время не хотелось сильно радовать фашистов и напрягать еще нужных заграничных друзей. Теперь же Хозяин не церемонится ни дома, ни с оставшимися друзьями за границей. Но он, Лозовский, еще и начальник Совинформбюро... Может, там оставит доживать...

Без пяти девять Лозовский встал, пригладил жиденькую бороденку, оправил МИДовский вицмундир с золотым шитьем и генеральскими погонами и прошел в Его кабинет.

Рауль Валленберг, фото на диппаспорт

Подобное отношение Сёдерблум «заслужил» своим малодушным и угодливым поведением в деле пропавшего в Будапеште секретаря шведской миссии в Венгрии (а неформально и посланника американского совета по делам военных беженцев и еврейской общины Стокгольма), который спас в этом городе, находившемся в 100-дневной осаде и превратившемся в сущий ад, десятки тысяч евреев, подвергавшихся неслыханным зверствам со стороны нацистов и салашистов. 17 января 1945 г. он был арестован СМЕРШ по распоряжению замнаркома обороны Булганина (Булганин был лишь войсковым писарем Сталина, поэтому это был приказ Самого). В апреле 1945 г. шведская миссия в Венгрии вернулась на родину через Москву. Не хватало лишь Рауля Валленберга, который оказался 9 февраля 1945 г. на Лубянке, а затем был переведен в Лефортово.

Уже в самом начале поисков Сёдерблум твердо считал, что Валленберг погиб. Он отверг предложенную шведам помощь американского посла Гарримана в этом деле. Шведский писатель и журналист Ингрид Карлберг в книге «Здесь комната стоит пустая и ждет тебя... Повесть о Рауле Валленберге», изданной в 2012 г. к 100-летию рождения пропавшего героя, писала о советских намеках на обмен Валленберга, но намеки эти прекратились, когда Сёдерблум в беседах с советскими дипломатами намекнул, в свою очередь, что было бы хорошо, если бы мать Рауля получила бы некое известие, что ее сына больше нет в живых. Такая угодливость заслуживала награды, и Сёдерблума допустили к Сталину (не в связи с делом Валленберга, т. к., по мнению советской стороны, такого «дела» и не существовало вовсе, а в связи с тем, что Сёдерблум завершал своё пребывание в Москве и настойчиво просил Молотова, чтобы его принял Сталин, подчеркнув тем самым, насколько хороши отношения между двумя странами и, конечно, как велика заслуга в этом его, Стаффана Сёдерблума). Еще не зная, будет ли этот разговор вполне гладким, отвели, на всякий случай, целый час. Так было решено в кабинете Сталина 13 июня 1946 г. в ходе почти трехчасового заседания политбюро, в котором приняли участие заместители Молотова Вышинский и Деканозов



Сводные брат и сестра Рауля, Ги фон Дардель и Нина Лагергрен, с диппаспортом брата, полученным в Москве в 1989 году

(что было крайне необычно). Кроме Молотова присутствовали еще четыре члена политбюро: Берия, Жданов, Маленков и Микоян.

В 1980 г. записка Сёдерблума о встрече со Сталиным была обнародована. «Сталин показался мне здоровым и бодрым, он излучал энергию. Его невысокая, но ладно сбитая фигура, а также правильные черты лица производили очень благоприятное впечатление. Тон голоса и манеры также создавали впечатление приветливости». (Очарованный, околдованный Сёдерблум...) Сталин великодушно спросил Сёдерблума, есть ли у него просьбы, пожелания... Сёдерблум начинает разговор о Валленберге и... вновь угодливо замечает, что Валленберг, должно быть, уже мертв... Сталин расслабился и позволил себе «повалять ваньку»: озабоченно и тепло попросил продиктовать ему по буквам имя и фамилию этого пропавшего шведа, старательно записал продиктованное в блокнот, обещал лично проследить за расследованием... и через пять минут прекратил аудиенцию. Шанс был потерян.

В 1980 г. журналисты теребили Сёдерблума, тогда уже 79-летнего пенсионера, расспросами о той встрече. Вот что он им ответил: «Я не считаю, что действовал в тогдашних обстоятельствах слабо или трусливо. Я делал что мог, и мне удалось поднять этот вопрос до решения его на самом высоком уровне». Бывший тогда, в 1946 г., премьер-министром, социал-демократ Таге Эрландер сконфуженно прокомментировал рассекреченные документы так: «между Сёдерблумом и Сталиным состоялась опасная беседа, опасная и, возможно, гибельная. Предпочтительнее, если бы ее вообще не было».

До конца отпущенного Сёдерблуму часа (и так удачно сэкономленного) Сталин оставался с Лозовским, давая указания по делу того самого шведа, о котором он был хорошо осведомлен. Расспросив Лозовского о новом посланнике, полномочном министре Швеции Гуннаре Хэгглёфе, которому предстояло вскоре вручить верительные грамоты Швернику в присутствии Лозовского, Сталин запретил касаться в беседе с Хэгглёфом темы Валленберга и подробно втолковывал Лозовскому о целом ряде мероприятий, которые должны провести «венгерские товарищи» (и прежде всего Ласло Райк, член политбюро венгерской компартии, министр иностранных дел ВНР) для подтверждения версии о том, что Рауль Валленберг погиб в Будапеште во второй половине января 1945 года.

Затем четверть часа получил, в присутствии Лозовского, посол Сергеев по случаю назначения в Аргентину. Когда Лозовский вышел вслед за Сергеевым, Сталин проводил его долгим взглядом: больше этот неприятный человек не придет в Его кабинет, примерно через месяц он вылетит из МИДа, а придет час — и из кресла начальника Совинформбюро. А там — и сведение счетов с еврейским антифашистским комитетом, который этот субъект курирует...

После ухода Лозовского и Сергеева вошли на пять минут Берия, Жданов, Маленков, Микоян и генерал-полковник Штыков, ведавший корейскими делами. В 22 часа 25 минут прием у Сталина закончился...

Май фон Дардель, мать Рауля, не дождалась сына. Она и ее муж, почти одновременно, приняли яд в 1979 году после очередного фальшивого известия о судьбе Рауля. Под некрологом стояло и имя Рауля, как будто он был жив и скорбел о смерти близких. В 1989 г. по указанию Горбачева найти что-то для родственников Рауля его сводные брат и сестра получили из рук шефа КГБ пакет «совершенно неожиданно свалившийся с верхних стеллажей при ремонте». В пакете был, в частности, дипломатический паспорт Рауля Валленберга.

Николай КУЛЕНКО

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «СУРА»

Как и любому начинающему литератору, мне в далекой моей молодости хотелось печататься, публиковаться, стать известным поэтом. И когда мое небольшое стихотворение напечатала областная молодежная газета «Молодой ленинец» в 1961 году, я не только, как ныне выражаются, «дико обрадовался», но и поверил в свои возможности относительно покорения Парнаса. Усерднее стал относиться и к стихотворческой науке, и к самой работе над стихами.

Большую поддержку в деле публикаций моих стихотворений мне оказывали старшие собратья по перу: Маргарита Гончарова, сотрудница «Молодого ленинца», редактор областной молодежной газеты Александр Сазонов, заведующий отделом газеты «Пензенская правда» Олег Савин, Николай Катков, ответственный секретарь Пензенской писательской организации, опубликовавший мои стихи в альманахе «Земля родная». На областном телевидении меня привечали Наташа Назарова и Арташес Тер-Казаров. Складывалось с публикациями у меня хорошо, дело двигалось к изданию моего авторского поэтического сборника, благо книжное издательство свое и рукопись у меня почти готова к изданию...

Увы! Грянул пресловутый 1964 год с очередными головотяпскими нововведениями, с созданием совнархозов, с укрупнениями. На пензенских литераторов была накинута удавка: закрылось областное книжное издательство, был упразднен альманах «Земля родная». У Саратовского книжного издательства, к которому были «прикреплены» пензенские литераторы, естественно, были свои авторы. Пензенцев издавали неохотно, а затем и крайне неохотно. Сначала издавали в год до 5 — 6 книг пензенских авторов, затем 2 — 3, потом одну... Выручал «самиздат», но он был многим талантливым авторам не по карману. Такая же ситуация сложи-

лась с публикациями пензенских писателей в саратовском литературном журнале «Волга».

Конечно же, пензенские литераторы начали искать возможности публиковаться, издаваться и один за другим стали покидать родную сурскую землю. Уехал в Ленинград известный пензенский поэт, автор слов популярной песни «Еще луга не расцветали...» Андрей Лядов, покинули сурские берега Александр Васильев, Исай Давыдов, Александр Скорняков, Илья Миксон, Яков Танин. Пензенская областная организация Союза писателей РСФСР, живущая на земле Радищева, Лермонтова, Белинского, Куприна, стремительно исчезла. Оставалось буквально несколько членов, и по уставу ее надо было закрывать...

В эти катастрофические для писательской организации дни мы пришли к Николаю Ивановичу Каткову и Александру Александровичу Сазонову, ответственному секретарю организации, с воплем: «Надо бить тревогу! Надо что-то делать, предпринимать!» Николай Иванович печально покачал головой и сказал: «Николай Андреевич, вот папки с ответами чиновников, от малого и до большого рангов, на наши мольбы: «Нет. Нет возможности. Не предусмотрено»... Бьемся 24 года!.. Напрасно»...

И вот в декабре 1990 года меня пригласили в обком партии секретарь Артамонов Владимир Иванович и заведующая отделом агитации и пропаганды обкома Кудрявцева Лариса Ивановна с предложением: «Ты окончил литинститут, тебе, как говорится... короче — надо возглавить областную писательскую организацию, надо спасать организацию от ликвидации». И я тут «прозрел»: сейчас или никогда! И заговорил: «Если наши писатели изберут меня своим руководителем, я соглашусь, но только в том случае, если мы в Пензе учредим литературно-художественное издание — скажем, журнал. Мы будем публиковать в этом журнале произведения наших талантливых авторов и на основе публикаций принимать их в члены Союза писателей. Таким образом, организация будет спасена!»

Уже через несколько дней состоялось общее собрание пензенских писателей, на котором было проведено доизбрание в бюро организации, а бюро избрало меня ответственным секретарем Пензенской областной организации Союза писателей РСФСР. На собрании, кроме членов бюро Н.И. Каткова, А.А. Сазонова, В.С. Стенькина, присутствовала Лариса Ивановна Кудрявцева, которая сказала: «Поможем, журнал будет, Президиум областного Совета народных депутатов принял решение о его издании». Учредителями журнала стали Пензенская писательская организация и Управление издательств, полиграфии и книжной торговли. Встал вопрос о названии журнала. Предлагали названия «Земля родная», «Сурские просторы», другие. Однако кто-то предложил назвать журнал по примеру «речных» имен других городов: «Нева», «Дон», «Енисей», «Волга»... А у нас есть красавица Сура, так пусть и будет у нас журнал «Сура». На том и порешили. Главным редактором попросили быть Николая Ива-

новича Каткова, опытного литератора и талантливого организатора. Членами редколлегии избрали Г.Е. Горланова, Н.А. Куленко, П.Ф. Максяшева (секретарь редакции), А.А. Сазонова (заместитель главного редактора), О.М. Савина, В.А. Сазыкина, В.А. Сидоренко, В.С. Стенькина, И.А. Хлыстова.

Началась нелегкая организация нашего печатного издания. Активно помогали Виктор Сидоренко, собиравший материалы для включения в первый номер журнала, Виктор Сазыкин разрабатывал примерный устав издания. Принимали активное участие в подготовке выпуска первого номера журнала Василий Стенькин, Александр Сазонов, Николай Катков, Федор Ракушин, другие. Я, не считаясь ни с чем, «выбивал»: у Ивана Андреевича Хлыстова, ответственного за печать области, помещение для редакции, обеспечение оргтехникой. Бумажная фабрика «Маяк революции» обеспечила нас бумагой, завод «Эра» — пленкой, «ЗиФ» во главе с Родионовым давал деньги, небольшие, но давал... Надо сказать, что многие организации Пензы проявили своеобразный патриотизм в этом начинании: понимали, что это НАШЕ, достояние области, орган Пензенской областной организации Союза писателей РСФСР!

Тщательно отбирали и материалы для нашего первенца, старались, чтобы не разочаровать читателя. И вот в августе 1991 года на земле пензенской в полный голос заявил о себе литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сура». Уверен, читатели приняли долгожданное издание дружески, с открытой душой.

Открывался первый номер знаменитым стихотворением пензенского поэта Александра Сазонова «России», строки которого живут и сегодня, и будут жить долго:

Да останься уезд от России,
От уезда Россия пойдет!

Были опубликованы талантливые стихи поэтессы из Сердобска Евгении Мягковой, стихи Дины Злобиной, повесть сердобского прозаика Василия Шварева, рассказы Виктора Сазыкина, Федора Ракушина, Владимира Кирюшкина, Виктора Сидоренко. Страничка для детей была представлена стихами пензенских поэтов Виктора Агапова и Виктора Марина. Геннадий Горланов опубликовал критический материал «За все в ответе», а краеведение было представлено материалом Виктора Канина «Лихое порубежье».

28 декабря 1991 года состоялась презентация журнала «Сура». Присутствовали представители многих организаций, дарили подарки. Предприятие «Завод имени Фрунзе» подарило велосипед, а предприятие «Пензенский часовой завод» — 10 наручных часов. Подарки использованы на развитие и укрепление издательской базы «Суры»...

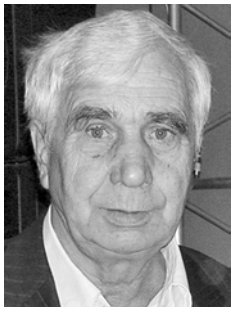
Как и предполагали, по публикациям в «Суре» были приняты в члены Союза писателей ныне широко известные авторы Лариса Яшина, Виктор Агапов, Виктор Сазыкин, Ефим Сорокин, Сергей Гуляевский, другие. Угроза ликвидации писательской организации на земле пензенской постепенно рассеивалась.

Время шло, было трудно, но журнал издавался. Не хватало средств, по состоянию здоровья ушел с поста главного редактора Николай Иванович Катков. Его сменил член Союза писателей России Виктор Александрович Сидоренко, который в труднейших экономических условиях сумел сохранить журнал.

Виктора Сидоренко сменил член Союза писателей России Борис Владиленович Шигин, стараниями которого журнал «Сура» стал изданием всероссийского уровня. Журнал читают во многих странах мира: Америке, Англии, Израиле, Германии, Италии, Украине.

Мне отрадно осознавать, что и мои усилия, заботы и тревоги не канули в Лету. Уверен, журнал будет жить. Желаю ему процветания и преданного читателя.

Эдуард АНАШКИН



МНОГОГРАННОСТЬ «СУРЫ»

Когда мы ругаем «лихие девяностые», а их есть за что ругать, за пределами нашего внимания остается едва ли не единственное позитивное явление, которое я бы назвал возвратом литературы к своим истокам. В благополучные для литераторов советские времена вся журнальная жизнь кипела преимущественно в столицах. А с начала 90-х годов понемногу в регионах начинают зарождаться региональные литературные журналы, точнее будет сказать — возрождаться, словно ветви, растущие от корня. Чего греха таить, пышная журнальная столичная «крона» советской эпохи не всегда была благосклонна к корневым побегам. И писателям провинции порой приходилось годами ждать публикации в столице, поскольку своих журналов в провинции, за редким исключением, не было.

1991 год — это год рождения литературного журнала «Сура», как и многих других литературных региональных журналов в то время. К сожалению, далеко не все они, рождённые в лихие девяностые, существуют сегодня. Но журнал «Сура» не просто выжил, но вышел на новые творческие рубежи в канун своего юбилея. В чем причина уважения и интереса к журналу как со стороны читателей, так и со стороны писательского сословия? Думаю, что причина — в том, что журнал, при всей широте своих художественно-эстетических взглядов, был и остается приверженцем лучших традиций отечественной классики. Сплоченная команда журнала, возглавляемая капитаном — главным редактором Борисом Владиленовичем Шигиным, если судить по публикациям, никогда не забывала, что место рождения журнала — Пензенская земля, где на привольях села Тарханы-Лермонтово возрос один из самых почитаемых клас-

---

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Эдуарда Анашкина с 70-летием, желает здоровья и творческих успехов.*

сиков русской литературы. И журнал «Сура» все прошедшие годы достойно продолжает лучшие традиции корневой русской прозы, поэзии, публицистики. Ныне про «Суру» уже можно говорить как про всероссийский журнал с пензенской пропиской. Не счесть имен талантливых авторов, открытых этим журналом, в том числе авторов молодых, которым журнал дал путевку в жизнь. Под эгидой журнала выпущено несколько десятков книг, в том числе книги «Молодая пензенская проза» и «Молодая пензенская поэзия», которые теперь доступны читателям библиотек Пензенской области. Многие сотрудники и авторы «Суры» являются лауреатами Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова: Елена Погорелая, Вера Дорошина, Лидия Терёхина, Роман Рябов, Татьяна Кадникова, Лариса Яшина, Борис Шигин... А молодые поэты Пензенской области, которых на крыло поставил журнал «Сура», являются победителями Всероссийского поэтического Лермонтовского фестиваля «Мцыри»! Причем журнал не только помогает своим талантам стать на крыло, но и внимателен к талантам России. Помнится, много лет назад я прочел на страницах журнала стихи молодого поэта из Сибири Василия Попова. Это была одна из первых его подборок в солидном издании. А сегодня Василий Попов уже именитый молодой поэт, автор нескольких книг, изданных в Москве, лауреат всероссийских литературных премий. И это уже не говоря о многих молодых авторах-земляках, заботливо выпестованных журналом. При всем своем поистине подвижническом уважении к Пензенской земле Борис Владиленович Шигин не делает географический принцип основополагающим в литературном издании. Это очень мудрое решение. Ведь все мы, не будем забывать, принадлежим одной земле — России, столь богатой талантами. А парад литературных суверенитетов погубил не одно литературное издание. Печатали своих, не выходя за пределы региона, и в итоге такая «самодостаточность» становилась гибельной для издания, уровень падал, местечковость и групповщина нарастала, и, естественно, власть на местах не могла этого не замечать, со всеми вытекающими финансовыми последствиями.

Журнал «Сура» мудро дистанцировался от местечково-регионального принципа, сделав основополагающим принцип общероссийский, соборный. Свои — это принцип не географический, но принцип творческой состоятельности. Талантливые — значит, свои. Так своими в «Суре» становились москвичи, питерцы, саратовцы, воронежцы, иркутяне, самарцы... Писатели едва ли не всех регионов России и даже за пределами нашей страны! В одном из новых номеров издаваемого в Пензе журнала «Сура» я, насельник самарских мест, встретился со своими земляками — поэтами Сызрани, прочитав их новые стихи ещё до того, как эти стихи увидели свет на страницах самарского журнала... Впечатляет широта тематической и жанровой палитры журнала «Сура», позволяющая говорить о нем как о визитной карточке Пензенского региона — литературной, краеведческой, культурной, общественно-полити-

ческой... Один именник авторов «Суры» занял бы несколько страниц. Но все-таки никак не смогу обойти молчанием два имени из сплоченной команды Бориса Шигина. Это поэт и литературовед-есениновед Валерий Сухов и поэтесса, заведующая отделом журнала Лидия Дорошина. Эти писатели близки мне своим глубоко-проникновенным взглядом на мир, о чём я говорил в своих эссе.

Под гостеприимным кровом журнала встречаются и творчески соседствуют самые разные регионы России в лице ведущих писателей этих регионов: Вячеслав Лютый (Воронеж), Николай Переяслов (Москва), Диана Кан и Евгений Семичев (Самара), Виктор Кустов (Ставрополь), Михаил Вишняков (Чита), Михаил Федоров (Воронеж). Их имена на слуху всей читающей России! А вот эти стихи выдающегося современного поэта Евгения Семичева можно назвать юбилейным спичем и в честь журнала «Сура», и в честь земли пензенской, где поэт провёл свои юные годы.

«Здравствуй, бабушка Пенза — // Моя милая мать! // Разреши мне любезно // Так тебя называть. // Ибо в нашей деревне, // Безотчетно любя, // Так по милости древней // Называли тебя. // Потоптал я немало // Другие края. // Здравствуй, родина-мама, // Мама — Пенза моя. // Не чужая я птица // Средь родного двора. // Что ж ты плачешь, сестрица — // Моя речка Сура? // Как там наша деревня // И вся наша родня, // Где поля и деревья, // Не забыли меня? // Как вы жили-тужили // В родной стороне? // Как-никак не чужие, // Вы сородичи мне. // Иль не рады вы брату // Улыбнуться в ответ? // Пугачевскому тракту // Мой особый привет. // Гениальнейший Пушкин // Этот тракт уважал. // Вдоль моей деревушки // В Оренбург проезжал. // В придорожном трактире // Пил крутой самогон. // Доброй пензенской лире // Свой отвесил поклон. // И впервые озвучил // Он на весь белый свет: // «Есть у Пензы поручик, // Перед богом — поэт! // Вся вселенская бездна // По колено ему. // Да, прославится Пенза // По сему, по всему!» // Много вечная Лета // Утопила во мгле, // Но пророчество это // Сбылось на земле. // Пропылил по окрестной // Дороге табун. // И из памяти местной // Я стихи зачерпнул. // Я приехал не в гости, // А к соотичам, брат. // Здесь, на сельском погосте, // Мои отичи спят. // Здесь, на холмике узком, // И поставит мне крест // Мой родной Большелукский // Православный уезд. // Я родниться не против, // Не залетный сквозняк. // Ваш от крови и плоти // Толстопятый пензяк».

Творческие крепкие литературные связи, что завязались у «Суры» со многими региональными журналами, не что иное, как одна из скреп нашей огромной страны. А «Сура» сотрудничает с очень многими журналами: «Подъем» (Воронеж), «Русское эхо» (Самара), «Южная звезда» (Ставрополь), со столичной «Литературной газетой» и другими московскими изданиями. Но, соединяя на территории Пензенской земли разные регионы России под одним журнальным кровом, «Сура» ещё и соединяет авторов самого разного

возраста и самых разных художественных течений. И делает это так, что никому из них не бывает тесно.

Как автор журнала «Сура», хочу выразить благодарность Правительству Пензенской области, понимающему значимость литературного процесса на одной из самых литературных территорий России. И выделившему не так давно редакции новое просторное помещение, где сотрудники «Суры» теперь проводят регулярные мастер-классы и семинары с авторами самого разного возраста, в том числе молодыми. А молодые авторы особенно ценят сегодня необычность работы со словом. Думаю, именно тот фактор, что журнал возглавляет человек, для которого необычный творческий метод работы со словом является привычным, очень добавляет журналу и молодых авторов, и читательскую аудиторию. Я имею в виду поющего поэта Бориса Шигина, в творчестве которого Слово и Музыка не просто неотделимы друг от друга, но взаимно друг друга усиливают, как в творчестве самых первых поэтов, которых называли менестрелями. Потому Борис Владиленович и способен оценить самобытность других авторов, ибо сам в полной мере обладает творческой самобытностью. Впрочем, удивляться не приходится: земля, на которой возрос столь многогранный талант Лермонтова — поэта, прозаика, художника, — не может не рождать литературные таланты, сколь яркие, столь же многогранные. А вот гранить и огранять их и призван журнал «Сура», что он с успехом делает многие годы и чего я ему желаю и в дальнейшем.

Елена ЧЕБАЛИНА

НЕСКУЧНАЯ ШКОЛА «СУРЫ»

Всё началось 10 лет назад, в 2006-м. Редакция журнала «Сура» тогда прописалась по новому адресу и расположилась в более просторном помещении музея-читальни И.Н. Ульянова на Красной. Борис Владиленович Шигин давно добивался таких изменений, потому что это позволяло редакции сделать свою работу более интересной. Переезд состоялся весной, а уже осенью главный редактор создал клуб «Поющие поэты». Редактору отдела поэзии Лидии Ивановне Дорошиной было поручено организовать клуб молодых поэтов, куда можно было бы привлечь талантливую молодёжь. В результате появился клуб молодых поэтов «Берега». К «Берегам» прибилась молодёжь из литературного объединения «Поиск»: Марина Герасимова, Анна Коржавина, Сергей Жидков, Юрий Серебряник, Кирилл Ледяев, я, другие ребята. Ну а к поэтам с гитарой примкнули мы с Юлей Барановой, Владимир Юраков, Валериан Александров, Ольга Коршунова. Чуть позже пришла Катя Городничева. Заглядывали и поэты без гитар: Анна Коржавина, Соня Конищева, Юрий Серебряник, Виталий Фатеев... Пили чай, читали стихи, обсуждали новые книжки, спорили, пели песни, сочиняли. Удивительное было время! Причём песни пели не только на собственные стихи, но и на стихи товарищей по перу. Вот, например, строки из стихотворения Марины Герасимовой, которые вдохновили на создание музыки сразу двух абсолютно разноплановых авторов — Юлию Баранову и Валериана Александрова:

Понимаешь,
Я осталась

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Елену Чебалину с присуждением литературной премии имени М.Ю. Лермонтова в номинации «Молодое дарование».*

В чёрно-белом,
Устарелом.
Моя нежность расплескалась
Между мартом и апрелем.

Разноплановые получились и песни — одна более резкая, отрывистая, а вторая — классическая песня-размышление. И обе открывают новые грани стихотворения. Валериан Александров писал великолепные песни и на стихи наставницы «Берегов» Лидии Терёхиной (Л.И. Дорошиной):

Я приду в твою позднюю осень
с ярко-жёлтой астрой в петлице
и с букетом самых последних,
белопеннейших хризантем.

Если ты удивлённо спросишь,
почему тебе это снится,
не скажу. Мне ответ неведом.
Вне законов он. Вне систем.

В то же самое время Борисом Шигиным был написан и знаменитый гимн клуба «Поющие поэты» «На улице Красной». Клуб регулярно давал концерты в самом музее и в Пензенской картинной галерее, и всегда любое мероприятие завершалось любимыми строчками:

На улице Красной, на улице Красной
Огонь не опасный, тепло и уют.
На улице Красной, в компании классной
Душевно и страстно поэты поют!

А сколько книг издано в серии «Библиотечка Суры»! И маленькие персональные книжки-малышки — первые откровения молодых поэтов, и сборники клубовцев «Молодая пензенская поэзия», «Молодая пензенская проза», и сборник лауреатов Всероссийского открытого поэтического фестиваля «Мцыри-2007» «Дом на четыре окна». Создание этой книги — целая история! Отборочный тур поэтического фестиваля «Мцыри» проходил в Пензе впервые: КЗ «Молодёжный», до отказа забитый желающими принять участие в конкурсе и просто послушать стихи, авторитетное жюри, состоящее из деятелей культуры всероссийского масштаба — для «береговцев» это стало настоящим испытанием. И вот четверо лауреатов — Юрий Серебряник, Марина Герасимова, я и Алёна Шишкина — отправились покорять Москву. И таки покорили, собрав все возможные награды — Гран-при и три призовых места! Сегодня до сих пор ор-

ганизаторы фестиваля с восторгом отзываются о тех событиях. А тогда нашим эмоциям не было предела! И Борис Владиленович предложил нам выпустить сборник — четыре книги в одной. С воодушевлением мы собрались в редакции, чтобы выбрать имя нашему общему детищу. Долго ломали головы, какие только варианты не перебирали. И тут родилось название, которое, наконец, понравилось всем — «Дом на четыре окна». Книга для нас стала настоящим подарком!

Вообще немалый вклад в творческий рост внесла клубная работа. Общение с единомышленниками, обмен опытом как с любителями, так и с профессионалами, обсуждение стихов, грамотная критика по существу — все эти аспекты клубной деятельности помогают день за днём отшлифовывать грани таланта, чтобы он по-настоящему заиграл. И немало профессионалов, я не побоюсь этого слова, выросло из клубов «Суры». Некоторые из них приняты в Союз писателей России, многие стали лауреатами всевозможных премий и наград, как местного масштаба, так и всероссийских.

Редакция стала для нас вторым домом — сюда мы приходим не только поработать над стихами и песнями, но и за советом, за помощью, за дружеской поддержкой. Всегда знаем, что здесь можно отдохнуть душой, найти тепло и уют, насладиться поэзией и забыть обо всех проблемах за чашкой чая.

А несколько лет назад Л.И. Дорошиной был создан ещё один клуб, собравший поэтов и прозаиков старше 30 лет, — литературный клуб «Я-сень!», где числится более 100 человек! И с каждым днём всё больше талантливых авторов приходит в редакцию, которая уже переехала с улицы Красной на улицу Белинского. Удивительно красивое место: старая липовая аллея, сквер имени Лермонтова, новый собор… И, конечно же, Борис Шигин написал об этом песенку:

На Белинского,10, откроешь окно —
Перезвон… Воздух липы пьянят.
Помотался я, но точно знаю одно:
Нет местечка родней для меня…

Клубы работают, открывая новые таланты. А лучшие произведения всегда занимают достойное место на страницах журнала «Сура».

Бурным ключом бьёт и общественная жизнь. Встречи, концерты, фестивали — всё это организуется клубовцами регулярно. В библиотеках, музеях, школах, университетах, санаториях, на предприятиях звучат стихи и песни, проводятся тематические мероприятия, посвящённые Дню Победы, Всемирному Дню Поэзии, Новому году, вечера памяти ушедших из жизни классиков. Клубы постоянно проводят поэтические и песенные конкурсы и фестивали и принимают участие в таковых. Например, основная масса заявок на участие в областном конкурсе одного стихотворения, ежегодно проводимом регио-

нальным отделением Союза писателей России, подаётся «береговцами» и «ясеневцами».

О фестивалях разговор отдельный. Первый фестиваль авторской песни, организованный клубом «Поющие поэты», состоялся в 2010 году в загородном клубе «Волков» и получил название «Возрождение». Два дня пролетели незаметно — природа, песни, новые знакомства и встречи старых друзей. Именно тот фестиваль подарил клубу замечательного исполнителя авторской песни Ольгу Тюленеву. И даже фестивальная песенка родилась у Бориса Шигина:

За плотиной зелёное море,
За плотиной шальная волна.
А мы здесь над Сурою, на взгорье,
Где жила до поры тишина,
Режем воздух отточенной песней
Да вдыхаем любви аромат.
Мы поём, и прекрасно, что вместе
В этом месте мы встретились, брат...

А через пару лет на смену фестивалю «Возрождение» пришёл знаменитый на сегодняшний день фестиваль «Часовые любви», который стал настоящим праздником! Теперь он носит название «Фестиваль поэзии и авторской песни». И в этом году у него тоже юбилей — 5 лет! 5 лет чудесного общения с друзьями и единомышленниками, необыкновенно талантливыми гостями фестиваля из разных городов, ведь география его довольно обширная — от Сызрани до Архангельска. Все клубы принимают активное участие в фестивале — кто со стихами, кто с песнями. А гала-концерт фестиваля всегда становится незабываемым праздником поэзии и авторской песни.

Клубы давно стали неотъемлемой частью жизни каждого их участника. Мы все не представляем своего существования без еженедельных встреч и общения, без обмена опытом и творчеством. Я поздравляю клубы «Берега» и «Поющие поэты» с 10-летием, желаю плодотворной работы и долгих лет жизни под крылом редакции журнала «Сура»! И мы всегда ждём новых талантливых авторов за чашкой ароматного чая!

Алексей БУНИН,
Анастасия ЗОТКИНА

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ А.С. ПУШКИНА, ИЛИ ОТКРЫТИЕ ДИЛЕТАНТОВ

Пожалуй, нет в России писателя, чье творчество неизменно востребовано и любимо всеми поколениями так, как наследие гения отечественной словесности Александра Сергеевича Пушкина.

Более двух столетий минуло со дня рождения Пушкина. Но нам ещё предстоит разгадать загадки, которые писатель оставил своим потомкам. Благодаря случаю нам на глаза попалась публикация повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова» в «Литературной газете» за 1830 г., издаваемой бароном Дельвигом[1].

Это произведение является незаконченным. И, хотя повесть представляет собой весьма интересный материал, она осталась практически незамеченной! В одной из диссертаций упоминается о возможной причастности Пушкина к написанию повести[2].

Прочитав повесть, мы сделали смелое предположение, что это произведение Александра Сергеевича Пушкина! В ходе исследования мы нашли тому немало доказательств, которые и представляем на ваш суд, уважаемый читатель.

ГЛАВА 1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАПИСАНИЯ ПОВЕСТИ «ЖИЗНЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДАНИЛОВА»

Повесть «Жизнь Петра Ивановича Данилова» была опубликована в «Литературной газете» в июле 1830 г. На то, что Пушкин мог быть автором этого произведения, указывает ряд обстоятельств.

Во-первых, именно в это время он очень нуждался в деньгах, так как одной из причин несговорчивости матери невесты Н.И. Гончаровой был денежный вопрос: «…остались трудности другого рода — денежные. Свадьба и семейная жизнь требовали расходов, а финансовые дела родителей невесты были расстроены, пушкинские родители также были в долгах…»[3]

Публикация относительно объемного прозаического наброска обеспечила бы писателю гонорар.

Во-вторых, как отмечал Ю.М. Лотман, с самого начала в газете имела место проблема её наполнения материалом[4].

Пушкин чувствовал свою ответственность за газету, т. к. был одним из её создателей. В письме Плетнёву читаем: «Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего “Литературную газету”»[5].

Третья причина, которая побуждала Пушкина взяться за прозу и публиковать её на первых страницах «Литературной газеты», — его убеждённость, что проза очень важна, только она сможет поддержать газету. «Роман преимущественно перед другими родами сочинений пользуется всеобщей любовью и потому действует сильнее на народные нравы», — отмечал он в 1828 г. в «Московском вестнике».[6]

Наконец, Пушкин пишет и публикует повесть «Жизнь Петра Ивановича Данилова», потому что у него созрели замыслы тем будущих произведений, и он включает их в эту повесть.

Повесть, казалось бы, имеет автора, точнее, историю того, как она попала к редактору. Но фактически она анонимна. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в «Повестях Белкина». Мы имеем основания полагать, что в рассматриваемой нами повести Пушкин хочет целенаправленно скрыть авторство и остаться не замеченным читателями[7].

В пояснении к повести автором указывается помещик с. Бибиково Мокшанского уезда, чей родственник и передал сочинения редактору. Любопытный читатель мог удостовериться, что село это действительно существует в Мокшанском уезде, и при желании легко найти этого помещика. Выходит, что как таковой анонимности-то и нет. Но в реальности всё сложнее.

В с. Бибиково числилось на 1747 год 24 (!) помещика на 350 ревизских душ (из них 17 помещиков мужского пола)[8]. В последующем их число мало изменилось.

Вероятно, среди пензенских дворян был известен анекдот про это село, и, возможно, от пензенских друзей, например от Петра Вяземского, об этом селе стало известно Пушкину. Во всяком случае, авторство было спрятано надёжно. По нашим сведениям, никто из бибиковских помещиков не проявлял литературного дарования и не отметил себя литературными трудами.

Романтически-ироничный стиль первых страниц повести на первый взгляд напоминает неудачное подражание Карамзину и навевает скуку. Возможно, автор делает это намеренно, ведь в предисловии он, обращаясь к проницательному читателю, намекает на сокровище, которому найдётся лучшее применение, чем находка ученика саламанского, выкопавшего душу лиценциата

Петра Гарсиаса. Если кто-то знаком с притчей из книги «Похождения Жилблаза де-Сантилланы», опубликованной в переводе Василия Теплова в 1812 — 1815 гг.[9] (на неё намекает автор), то она покажется ему весьма уместной.

«Два школяра направились вместе из Пеньяфьеля в Саламанку. Ощутив усталость и жажду, остановились они у источника, повстречавшегося им на пути. Когда же они усладили себя водой и предались отдыху, то невзначай заметили подле себя камень на уровне земли, а на нём надпись из нескольких слов, уже слегка стёртую временем и копытами скота, которого водили на водопой к этому источнику. Они плеснули на камень воды, чтоб его вымыть, и прочли следующую кастильскую надпись: «Здесь заключена душа лиценциата Педро Гарсиаса».

Не успел младший из школяров, юноша живой и легкомысленный, прочитать надпись, как, хохоча во всё горло, воскликнул:

— Что за диковинка? Здесь заключена душа... Заключенная душа! Хотел бы я знать, что за чудак изобрёл столь смехотворную эпитафию.

С этими словами он встал, чтобы пуститься в путь. Но спутник его, более рассудительный, подумал про себя:

«Здесь кроется какая-то тайна; останусь тут и попытаюсь её разгадать».

А потом он отпустил товарища одного, а сам, не теряя времени, принялся копать ножом вокруг камня. Он так усердствовал, что ему удалось этот камень приподнять. Под ним нашел школяр кожаный кошель, который раскрыл. Там оказались сто дукатов и записка со следующими словами, написанными по латыни:

«У тебя хватило ума, чтоб разгадать смысл надписи, а потому будь моим наследником и сделай из моих денег лучшее употребление, чем я».[10]

Обстоятельства также способствовали отвлечению читателей от этой повести, так как во Франции в июне назревала революция, а в июле она свершилась, захватив всё внимание светской читающей публики. В работе Ю.М. Лотмана мы читаем: «Лето 1830 года... Французская июльская революция тогда всех занимала, а так как о ней ничего не печатали, то единственным средством узнать что-либо было посещение знати. Пушкин, большой охотник до этих посещений... Посетивши те дома, где могли знать о ходе означенных дел, он почти каждый день бывал у Дельвигов, у которых проводил по нескольку часов»[11].

Возникает другой вопрос: зачем Пушкину скрывать авторство повести? Главная причина заключается в том, что на страницах повести отразилась личная драма Пушкина, которую он сильно переживал и описал в произведении очень эмоционально. В конце 1828 — начале 1829 г. Пушкин познакомился с красавицей Натальей Николаевной Гончаровой, просил ее руки, но получил неопределенный ответ и уехал на Кавказ. Двенадцатого марта в зале Благородного собрания на концерте Пушкин снова встретил Наталью Николаевну. А пятого апреля он обратился к её матери с решительным письмом. На другой день он посетил Гончаровых и сделал вторичное предложение, которое на

этот раз было принято. Однако сразу же обнаружились трудности, связанные с тем, что родители невесты высказывали опасения относительно политической репутации жениха и его материального благополучия. Источником драмы Пушкина стала мать Натальи Гончаровой — Наталья Ивановна Гончарова. В своём письме П. Плетнёву от 29 сентября Пушкин пишет: «Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бесило меня»[12].

Наталья Ивановна из гордости не соглашалась выдавать дочь без приданого, на которое денег у разорённых Гончаровых не было. Свадьба, назначенная было на 6 мая, всё откладывалась. В конце августа, перед отъездом в Болдино, Пушкин поссорился с будущей тёщей.

Во второй главе повести разворачивается бесхитростный сюжет: в семействе Осиповых — дочь на выданье, но семья небогата, и приданого нет. Мать в вопросе женитьбы проблему приданого ставит на первый план, чтобы благополучно, с её точки зрения, устроить судьбу дочери, а возможно, и поправить собственные дела. Отец же придерживается иных позиций по части сватовства. Он хочет отдать дочь за человека благородного, чтобы обеспечить счастье дочери. Одним из ключевых персонажей становится Авдотья Сергеевна, мать Анны Матвеевны (невесты). Автор повести рисует крайне неприятный внешний и психологический портрет Авдотьи Сергеевны.

Личная драма Пушкина вполне соответствовала ситуации, описанной в повести. Провести аналогию ни для кого не составило бы труда, так как о сватовстве и трудностях Пушкина говорили в высшем свете. Если бы великосветское общество узнало, кто автор произведения, скандал и разрыв отношений Пушкиных-Гончаровых был бы неизбежен.

Другая причина, возможно, состояла в том, что писатель не был уверен в успехе своего произведения. Подобная ситуация была и с публикацией «Повестей Белкина»: «Пушкин публикует их («Повести Белкина». — **Авт.**) анонимно, не надеясь на успех, настолько они отличались от популярной тогда романтической и дидактической прозы... В конце октября 1831 г. (!) повести (Белкина) вышли в свет, по свидетельству Белинского, «холодно принятые публикою и еще холоднее журналами» [13].

Возникает ещё один вопрос: почему не сохранилось рукописей и других документальных указаний на повесть?

Сам Пушкин, отдав рукопись повести Дельвигу, мог забыть о ней, вовлечённый в водоворот Болдинских замыслов. Дельвиг же вскоре попал под надзор Бенкендорфа, тяжело заболел и вскоре умер (14 января 1831 г.).

Таким образом, мы делаем вывод, что А.С. Пушкин вполне мог напечатать свою повесть в «Литературной газете» в июле 1830 г. У него были все основания скрыть своё авторство. В силу обстоятельств документальных свидетельств о повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова» не сохранилось.

ГЛАВА 2. ИДЕЙНАЯ БЛИЗОСТЬ ПОВЕСТИ «ЖИЗНЬ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ДАНИЛОВА» ТВОРЧЕСТВУ А.С. ПУШКИНА

Если внимательно перечитать рассматриваемое нами произведение, то нетрудно заметить его многоплановость. В повести поднимается несколько тем, затрагиваются различные проблемы, волновавшие автора. Здесь мы видим замыслы его будущих произведений: «Повестей Белкина», «Истории Пугачёвского бунта», «Капитанской дочки» и даже «Пиковой дамы».

2.1. Композиция

Прежде чем перенести внимание на содержание повести, рассмотрим её композицию.

Повествование в «Жизни Петра Ивановича Данилова» ведется от лица рассказчика — помещика села Бибиково Мокшанского уезда. Этот же прием мы наблюдаем и в пушкинских «Повестях Белкина». Писатель намеренно отказывается от авторства этих повестей и передает его Ивану Петровичу Белкину. Похожая передача авторства предполагалась и в «Капитанской дочке». Первоначальное заключение: «Здесь прекращаются записки П.А. Буланина (первоначальное имя Гринёва). Петр Андреевич умер в конце 1817 года. Рукопись его досталась старшему внуку его, который и доставил нам оную, узнав, что мы заняты были историческим трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом...»[14].

Ещё одна интересная деталь, связывающая «Повести Белкина» и рассматриваемую нами повесть, — это ранняя редакция предисловия к «Повестям Белкина», написанным в 1829 г. Там мы можем прочитать: «Петр Иванович Д. родился в Москве в 1801 году от честных и благородных родителей»[15], т. е. первоначально вместо Белкина Пушкин планировал повествование от имени Петра Ивановича Д.(анилова).

Повесть «Жизнь Петра Ивановича Данилова», помимо предисловия, имеет 3 главы, объединенные образом одного героя. В первой главе автор знакомит нас со своим персонажем, с его семьей. Она играет роль вступительной части, пролога. Данилов здесь — центральный персонаж.

Вторая глава — это начало собственно повествования. Здесь мы можем выделить завязку и развитие действия. Данилов оказывается вовлечен в семейный конфликт Осиповых и выступает скорее наблюдателем, чем участником событий. Кульминационного момента и развязки в повести нет, так как она не закончена. Проводя параллели с творчеством А.С. Пушкина, мы обнаруживаем большое количество неоконченных прозаических произведений, особенно в течение этого периода.

Е.В. Абрамовских писал: «Незавершенная проза А.С. Пушкина представляет собой целый пласт его духовного наследия... завершенная проза Пушкина — это всего четыре произведения: «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали», «Капитанская дочка». Все остальное... не было завершено и не было подготовлено к изданию»[16].

В современном пушкиноведении отсутствует единый взгляд на незавершенную прозу Пушкина. Возможно, Пушкин планировал и держал в голове её развязку, но после плодотворной работы в период Болдинской осени она показалась ему просто неинтересной; возможно, она закончена с точки зрения пушкинского замысла.

В отдельную смысловую часть повести можно выделить былину, которой заканчивается 3 глава.

Отдельно стоит упомянуть о смене рассказчика в повести. Сначала рассказчиком выступает неизвестный бибиковский помещик, затем наблюдательным рассказчиком выступает сам Данилов, в третьей главе рассказчиком выступает автор произведения и былина излагается шутом Яшкой. Это было характерно для прозаических произведений Пушкина[17].

2.2. Тема старого и нового в повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова»

Одной из тем, которые автор поднимает в повести, является перекличка прошлого и настоящего. Уже во вступлении приводятся образы сравнения старины и настоящего времени. «Я подобен утлому дереву, засыхающему в одиночестве между молодыми кустарниками...»

Романтическое описание Саранска не оставляет сомнения в отношении к старине: «...между ними протекает быстрый ручей, Саранга, которого вода, напитанная медными частицами, журчит по камням и дает им различные странные виды, то осыпанные искрами, то обложенные перламутрами». В том же духе описывается и детство Данилова. В некоторых местах автор идеализирует старину: «Но в благословенной России, обильной всеми дарами природы, при благотворном содействии правительства, государственные язвы излечиваются скоро и закрываются. Так было и в Саранске. Года через два в город явилось изобилие, и он стал лучше и красивее прежнего».

Но настоящее со всей прямотой и циничностью идёт в наступление, и это наглядно показано в сцене семейства Осиповых. В патриархальный быт дома Коробкиных вторгается проблема замужества дочери Осиповых, и воспоминаниям о старине здесь не место. Попытки найти успокоение в воспоминаниях грубо обрываются: «Оставь, батюшка, старину». Да и в самом семействе Осиповых отношение к старине разное. Матвей Никитич вспоминает её с теплотой и по-доброму, а Авдотья Сергеевна с сожалением: «...прошедшего не воротишь, да и поправить нельзя». Особенно ярко столкновение старого и нового проявляется в образе Варвары Ивановны Трещёткиной: «...казалось, что старые и новые моды на ней ссорились одна с другою»[18]. В конце концов, проиграв баталию жене, Матвей Никитич находит успокоение в старинной былине, которую рассказывает ему шут Яшка.

Насколько близка была эта тема Пушкину? В главе 4 «Арапа Петра Великого» читаем: «Подлинно, нынешние наряды на смех всему миру. Коли уж и

вы, батюшка, обрили себе бороду и надели кургузый кафтан, так про женское тряпье толковать, конечно, нечего...»[19]. В статье «Художественная проза Пушкина» замечаем: «Все эти перемены в духе времени Пушкин наблюдал в период своего пребывания в Москве и Петербурге после ссылки. Перемены эти действительно были весьма разительны, Пушкин видел упадок в духовном и нравственном развитии дворянского общества[20].

Таким образом, Пушкин остро переживал борьбу старого и нового, и в особенности судьбу дворянства, что и нашло отражение в повести.

2.3. Родовая и светская аристократия

Изменения в положении дворянства Пушкин видит в его расколе, а точнее, в уходе части дворян от традиций служения. Дворянство разделилось на родовую и светскую аристократию.

В начале повести автор, описывая детство героя, говорит о его родителях: «...не знатные и не богатые, но из старинного дворянского рода», и по ходу повести показывает полное уважение к родителям Данилова, в том числе и из уст Осипова. В то же время в повести присутствует и другое мнение по поводу дворянства. Трещёткина говорит: «Я еду на бал к губернатору, там весь город и вся деревенщина, наши уездные дворяне. Какая бесподобная сволочь!.. Редко набежишь на человека, который развернулся и знает свет». Она всех дворян разделила на «деревенщину» и тех, «кто знает свет» или богат. Мы видим в Трещёткиной высокомерие и снобизм в отношении деревенских помещиков, и, напротив, идеал для неё — светские и богатые аристократы.

Таким образом, автор поднимает в повести проблему истинного аристократизма: с одной стороны, родовит, но не обязательно богат и вхож в свет; с другой стороны, аристократ тот, кто богат и знает свет. Автор явно симпатизирует первым.

Была ли актуальна эта проблема для Пушкина в конце 20-х — начале 30-х гг. XIX века? Действительно, Пушкин неоднократно обращался к этой проблеме в своих произведениях: «Езерский», главы 6 — 9; «На углу маленькой площади»; «Роман в письмах». В последнем произведении он пространно рассуждает об этой проблеме и приходит к выводу: «аристократия чиновная не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа».[21]

«Пушкин постоянно возвращается к этой теме. Презирая придворное дворянство временщиков, людей «прыгающих в князья из холопов», Пушкин настаивает на ценности старых дворянских родов», — читаем мы в статье С.Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель»[22].

Таким образом, проблема, поднятая в повести, была актуальна для Пушкина в 1830 г.[23].

2.4. Политические взгляды

В первой главе повести автор, от имени Данилова, даёт ёмкие и точные характеристики политики ряда стран 80-х годов XVIII века:

— «...в Константинополе всепоглощающий деспотизм и самодовольное невежество, которые сами себя разрушали...»;

— «...в Италии новый Рим, ещё не очистившийся, после жесточайших мучений, от пороков древнего...»;

— «...во Франции добродетельного государя на троне (Людовик XVI. — **Авт.**), а подданных, обуянных злыми мечтами...»;

— «...в Англии тщеславие свободными постановлениями, и в узах (оковах. — **Авт.**) народ и правителей...»;

— «...в Германии ушлые (хитрые. — **Авт.**) законы граждан мира, а не отечества, и пустые слова под громким титлом философии...».

В одном абзаце мы видим целую политическую философию, которая, вероятно, выражает мнение автора. Если взять социально-политическую позицию автора без учёта стран, то мы имеем следующие взгляды:

1. Неприятие деспотии, которая в своём нежелании осуществлять назревшие в обществе преобразования способна себя разрушить.

2. Страх перед губительными последствиями разрушения цивилизации, которые обрекают общество на длительные «мучения» (Италия тяжело переживала падение цивилизации).

3. Провозглашение свободы в обществе (демократии. — **Авт.**) совсем не означает свободу этого общества и власти.

4. Осуждение «ушлых» законов, не гарантирующих стабильности общества.

5. Видение идеала в служении Отечеству, а не человечеству в целом.

6. Осуждение немецкой философии, которую считал пустой.

7. Главное его убеждение, высказанное касательно Франции, — неприятие революции, совершаемой «подданными» и разрушающей государственность и политические устои.

Находим ли мы подобные убеждения у Пушкина?

1. Безусловно, Пушкин был противником деспотии. Он выступал сторонником реформ как альтернативы революции и в предостережении от неё в «Истории Пугачёвского бунта» писал: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Рейтблат в статье «К вопросу о политических взглядах и журналистской деятельности Ф.В. Булгарина и А.С. Пушкина» пишет: «Пушкин возлагает надежды на проводимые правительством улучшения и реформы»[24].

2. С.М. Некрасов, директор Пушкинского музея, в одном из интервью говорил: «Пушкин был очень свободолюбивым человеком. Он отстаивал свободу вместе с друзьями-декабристами, особенно во времена расцвета либерализма в 1820 — 1822 годы. Но со временем он понял, что связан со страной и государством практически кровно, через предков. Он чувствовал ответственность, осознавал свою связь с обществом и понимал, что, для того чтобы оно развивалось, нужно работать на его благо. Так он пришел к идее государственности»[25].

3. Пушкин был противником демократии. За два года до смерти в заметке «Об истории поэзии Шевырева» Александр Сергеевич писал: «...Франция, средоточие Европы... Народ властвует в ней отвратительною властию демократии»[26].

«Во все времена, — говорил Пушкин А. Смирновой, — были избранные предводители; это восходит от Ноя и Авраама. Разумная воля единиц или меньшинства управляла человечеством... Роковым образом при всех видах правления люди подчинялись меньшинству или единицам, так что слово «демократия» в известном смысле представляется мне бессодержательным и лишенным почвы»[27].

4. В одном из замечаний к «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина Пушкин пишет, что законы гражданские, которые охраняются страхом наказания, иные, чем законы нравственности, «коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданским преступлением», то есть в его понимании идёт противопоставление законов гражданских и закона нравственного, который он считает более важным[28].

В «Выписке из «Journal des Debats» 1831 г.» Пушкин отмечает: «худшая из всех тираний — это тирания законов».[29]

5. Во второй половине 20-х годов Пушкин прочно встал на позиции патриота-государственника, и его отклик на разгром польского восстания в 1831 г. вполне предсказуем. Пушкин считает это внутренним делом России. В стихотворении «Клеветникам России» читаем:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Но в то же время борьба балканских народов против Османского владычества вызывает у него сочувствие («Кирджали»).

6. В «Путешествии из Москвы в Петербург» мы читаем: «Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!»[30]

7. У Пушкина сложилось вполне определённое отношение к Великой Французской революции, и отношение это негативное. «Вот уже сорок лет, как кажется, что провидению угодно давать нам уроки всякого рода... Сколько ступеней в этой великой истории сорока лет, столько уроков, отмеченных в нашей памяти несчастием и кровью!» [31]

Таким образом, политические воззрения автора повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова» соответствовали взглядам Пушкина начала 30-х годов.

2.5. Замыслы

Первая глава начинается с исторической новеллы в романтически-ироничном стиле: «Мать снарядила его, отслужила молебен в Соборной церкви милостивому Спасу, благословила его образом чудотворца Николая, дала сто серебряных рублей на дорогу, облила слезами, проводила за город, еще облила слезами и простилась с ним навеки». Подобный стиль изложения будет положен в основу написания «Истории села Горюхина».

Здесь же, в первой главе «Повести», просматривается его интерес к чуме в Москве 1771 г. В Болдино он трансформируется в маленькую трагедию «Пир во время чумы»[32].

Особенно подробно раскрывается замысел «Истории Пугачёвского бунта». Одним из наиболее ярких эпизодов рассматриваемого нами произведения является описание пребывания бунтовщиков во главе с Емельяном Пугачевым в Саранске. Главный герой — Петр Иванович Данилов — становится свидетелем этих событий.

А.С. Пушкин в своём творчестве особое внимание уделял теме народного бунта. История Пугачевского восстания ранее практически не затрагивалась в качестве материала для художественного произведения. Однако А.С. Пушкина она очень заинтересовала. Этой теме он посвятил два произведения: «Историю Пугачева» и «Капитанскую дочку». Из комментария к «Истории Пугачева» мы узнаём, что начало работы Пушкина над этим произведением относится к январю 1833 г. На самом же деле писатель мог изучить некоторые источники о Пугачевском бунте гораздо раньше. В одном из писем к его брату Л.С. Пушкину за 1824 г. читаем: «NB. Пришли мне: ... 3) «Жизнь Емельки Пугачева». 4) «Путешествие по Тавриде» Муравьева. 5) Горчицы и сыру; но это ты и сам мне привезешь». Т. е. интерес к Пугачевскому восстанию возник раньше 30-х гг.[33]

В личной библиотеке А.С. Пушкина имелась книга «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева», которую кратко и называли «Жизнь Емельки Пугачёва».[34]

Описание пребывания Пугачева и его войска в Саранске («Жизнь Петра Ивановича Данилова») имеет ряд сходств с «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой»:

1. Употребление в изучаемой нами повести такого слова, как «сволочь», помогает понять, что автор негативно относится к восставшим, он осуждает их. В «Истории Пугачева» А.С. Пушкин использует это слово 5 раз: «бунтующей сволочи», «остаток сволочи», «всякой сволочи» и т. д.

2. Момент взятия города, когда «трепещущие жители стояли у ворот с хлебом и солью и низко кланялись», тоже неоднократно встречается в «Истории Пугачева»: «приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью», «на коленах с иконами и хлебом-солью» и др.

3. Образ жестокости и кровопролития — ямы с «мертвыми телами» — ещё одно сходство «Истории Пугачева» и «Жизни П.И. Данилова»: «Казанка была запружена мертвыми телами», «Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удавленных, четвертованных страдальцев».

4. Разорение саранских церквей перекликается с разорением церквей в Казани.

5. Рассмотрим сцену суда, вершимого Емелькой Пугачевым над двумя помещиками. В исследуемой нами повести самозванец дарует жизнь одному из обвиняемых, потому что за него просят собственные его крестьяне, и казнит другого, так как тот не признает в Пугачеве царя: «Ты не царь, но изменник и бунтовщик!» Так же поступает и герой пушкинской «Истории Пугачева»: «Ты нам не государь, — отвечали пленники, — у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь царевич Павел Петрович, а ты вор и самозванец». Они тут же были повешены. Потом привели капитана Башарина. Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. «Коли он был до вас добр, — сказал самозванец, — то я его прощаю». В этом эпизоде параллели явные.

Отдельный эпизод раскрывает замысел «Капитанской дочки»: «Юноша с образованным, но неопытным умом, с сильными, хотя и добрыми страстями, вступая в свет, находится в опасном и тяжком положении (Гринёв. — **Авт.**). В сердце его бунтуют вожделения (проигрался в карты. — **Авт.**), а разум еще не в состоянии ни направлять, ни укрощать их (ссора с Савельичем. — **Авт.**); он изучил мудрые и высокие правила нравственности (жизнь в крепости. — **Авт.**), а люди по большей части безумствуют и управляются токмо низкими помыслами (Швабрин. — **Авт.**); в душе его пробуждает природа желания и надежды, невинные и благие (любовь к Маше. — **Авт.**), а общество посмеивается над ними и разрушает их (поединок со Швабриным. — **Авт.**). Жестокая борьба начинается (борьба с пугачёвщиной. — **Авт.**): счастлив он, если по бесчисленных сражениях и язвах останется победителем, по крайней мере в душе своей, а не во мнении света (не предал любви, но был объявлен предателем. — **Авт.**)».

Во второй главе в разговоре с Осиповыми поднимается тема мистики. Это и ворожея, и колдунья в истории Матвея Никитича, и Месмер с его животным магнетизмом. Как тут не вспомнить «Пиковую даму»!

Отдельная тема, часто встречающаяся в произведениях Пушкина, — игра в карты. И здесь мы видим картёжные забавы в семействе Осиповых и на балах у губернатора степенный ломбер.[35]

В этой повести появляется принципиально новый персонаж Пушкина. Дворянин вне света, тесно связанный с жизнью и историей своей страны, благородный и жаждущий справедливости. В будущих произведениях это Гринёв и Дубровский, повествователь «Станционного смотрителя» и Беркутов из «Метели».

Таким образом, в том или ином виде в повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова» отразились творческие планы А.С. Пушкина.

3. Элементы сходства повести с произведениями Пушкина
3.1. Портрет героя

Во второй главе повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова» мы встречаем подробные портреты героев. Автор описывает как внешность, так и внутреннее состояние — психологический портрет, тем самым выражая свое отношение к участникам повествования.

Матвей Никитич Осипов: «Он был человек лет шестидесяти, в буклях, с длинною косою и в сером байковом сюртуке; на лице его и во всех движениях изображались кротость и добродушие».

Авдотья Сергеевна Осипова: «Авдотья Сергеевна казалась женщиною лет в сорок; на ней был пестрый ситцевый шемиз, всчесанные высоко волосы и сверх их чепец с разноцветными лентами и большими лопастями; её маленький лоб, серые беглые глаза, вздернутый нос и набеленные и нарумяненные щеки показывали упрямство, сварливость и спесь».

Устинья Минеевна Коробкина: «…ее толщина, обрюзглое и красное лицо (красное лицо персонажа указывало на негативное отношение к нему Пушкина. — **Авт.**[36]) показывали, что она любила только попить и поесть. Она сидела как вкопанная, опустив ресницы, сжав губы, сложив руки на брюхе и водя большие пальцы один вокруг другого».

Анна Матвеевна Осипова: «девушка лет двадцати, в белой кофточке и юбке; высокую ее грудь закрывала кружевная косынка; черные ее волосы заплетены были длинною косою с розовою лентою; лицом она походила больше на мать, нежели на отца», «черные большие глаза».

В описании Варвары Ивановны Трещёткиной встречаем: «…на лице её, хотя покрытом белилами, румянами и мушками, видны были глубокие следы сражений различных злых страстей».

В портретах, которые автор рисует в повести, есть общие черты: указание возраста, телосложения, одежды, черт лица. Психологический портрет дорисовывается поступками, действиями героев и их реакцией на происходящее. «Ты не мог прежде о том подумать», — прошептала с сердцем Анна Матвеевна; глаза ее засверкали, а щеки покрылись бледностью».

Схожие портреты мы встречаем в других произведениях Пушкина.

В «Романе на Кавказских водах»: «В эту минуту девушка лет 18-ти, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и черными огненными глазами, тихо вошла в комнату, подошла к руке Катерины Петровны и присела Поводовой».

В «Дубровском»: «Князю было около 50 лет, но он казался гораздо старее. Излишества всякого рода изнурили его здоровие и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна…»

Пугачев в «Капитанской дочке»: «…он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары».

Мы видим черты сходства написания портрета в прозаических произведениях Пушкина и в повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова». Как отмечают исследователи творчества Пушкина, характерным приёмом в написании портрета был контраст черного и белого, что мы встретили в портрете Анны Матвеевны[37].

3.2. Образ шута

Ещё один момент роднит повесть с другими произведениями Пушкина. В конце повести автор вводит нового героя — шута Яшку, который смешон внешностью: «Его куртка и нижнее платье были сшиты из тысячи лоскутьев, белых, желтых, синих, зеленых — словом, всех цветов; на голове у него был красный колпак с колокольчиками», но за внешней дурашливостью автор видит и другое: «все черты лица его изображали олицетворенную глупость, но из глаз, которые смотрели в разные стороны, светились лукавство, дерзость и безнравственность». Именно из его уст звучит укор хозяину, что тот не хочет проявить заботу о нём, и за то, что дал слишком много воли жене: «Так жены скоро будут бить мужей. И поделом им! Смотри, какие у тебя рога на голове и какой долгий хвост!»

В то же время из уст Яшки звучит старинная сказка-былина о герое Волхе Всеславьевиче. Именно Яшка выступает носителем памяти народной, и, вероятно, в нем заключен сам образ народа, которому чужда борьба старого и нового, и он старину бережет, а пороки современности (тщеславие, алчность, расчётливость и др.) его не трогают.

Читая «Арапа Петра Великого», мы понимаем, что образ шута для Пушкина не нов:

«— Где ты была, дура? — спросил хозяин.

— Наряжалась, кум, для дорогих гостей, для Божия праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смех всему миру, по немецкому маниру.

При сих словах поднялся громкий хохот, и дура стала на свое место, за стулом хозяина.

— А дура-то врет, врет, да и правду соврет, — сказала Татьяна Афанасьевна.

Дура Екимовна, несколько раз вопрошаемая государем, отвечала с какою-то робкой холодностию, что (замечу мимоходом) вовсе не доказывало природной ее глупости».

И тут мы видим: за простотой её автор видит ум и проницательность. Говорит она народной прибауткой, в которой смело укоряет новизну и погоню за заграничной модой. Возможно, со временем этот образ шута у Пушкина трансформируется в образ денщика Савельича в «Капитанской дочке».

Таким образом, образ шута, созданный в «Арапе Петра Великого», получил развитие в повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова».

3.3. Детали

Тема родителей, родительского дома очень важна для А.С. Пушкина. Она поднимается практически в каждом его произведении. В повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова» к этой теме автор обращается не единожды: «В сем городе жили отец и мать Данилова, добродушные и благочестивые люди, не знатные и не богатые, но из старинного дворянского рода». В «Повестях Белкина» читаем: «Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине... Он был человек не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смышленый». В повести «Капитанская дочка» также затрагивается эта тема.

Пушкин, будучи собирателем фольклорных произведений, часто оживляет свои произведения народными пословицами и поговорками. В неоконченном романе «Арап Петра Великого» встречаем 5 поговорок, в «Повестях Белкина» — 14, в «Дубровском» — 5. В повести мы так же четырежды встречаем пословицы и поговорки. Коробкин в ответ на приглашение играть в карты отнекивается и говорит: «Повадится кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить», — и тут же продолжает: «Худо в карты играть, да козырей не знать». Другие поговорки произносит шут Яшка: «У бабы волос долог, да ум короток», «Слова мои как к стене горох».

Таким образом, в повести автор выступает знатоком народных пословиц и поговорок и с их помощью подчёркивает социальный колорит речи героя.

Интересным оборотом начинается повествование о детстве Данилова: «Он начал помнить себя только с шестого года: как старая няня возила его в тележке...». В произведениях Пушкина мы дважды встречаем подобный оборот речи. В неоконченной повести «Русский Пелам» читаем: «Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества, и вот сцена, которая живо сохранилась в моем воображении». А в записках П.В. Нащокина, которые литературно излагал Пушкин, находим: «Я начинаю себя помнить на большом барском дворе, сидящим в песке». Таким образом, мы видим черты сходства.

В повести описывается момент, когда Данилов рассматривает лубочные картинки на стене. «Далее по всем стенам прибиты были листочки: на них красовались то подвиги Бовы Королевича, то семи Симеонов, то погребение кота, то лествица человеческой жизни». Любопытно, что Пушкин неоднократно в своих произведениях рисовал подобную сцену, и это отмечали исследователи творчества Пушкина. В неоконченной повести «Записки молодого человека» герой рассматривает картинки на стене: «Прочие картины не имеют рам и прибиты к стене гвоздиками. Они изображают погребение кота, спор красного носа с сильным морозом и тому подобное...». В «Станционном смотрителе» есть похожая сцена. В «Капитанской дочке» мы снова встречаемся со сценой рассматривания картинок на стене: «В углу стоял шкаф с посудой... около него

красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота».

По предположению пушкинистов,[38] в картинках заложен смысл всего произведения, здесь мы также находим картинку — эпиграф всей повести: «лествица человеческой жизни».

Кроме того, Пушкину был близок и образ Бовы Королевича. Прежде он трижды принимался за написание произведений о нём.

В повести мы наблюдаем некоторую перекличку сюжетных образов. Например, в семействе Осиповых речь идёт о двух кандидатах: «…к Анюте сватаются два жениха: оба достаточные и столповые дворяне. Один — наш мокшанский предводитель, Лука Андреевич Удалов… Другой — Панфомир Сидорович Соловьев, также предводитель, да только саранский».

В ранних редакциях «Метели» находим нечто подобное: «В числе новых двое, казалось, оспоривали между собою первенство, удалив всех прочих соперников. Один из них был сын уездного предводителя, тот самый маленький улан… хохотун, обросший усами и бакенбардами и смотрящий настоящим Геркулесом. Другой был раненый гусарский полковник, лет около 26, с Георгием в петлице и с интересной бледностию (как говорили тамошние барышни)»[39].

В повести автор иронически замечает про двенадцатилетнего Петра Ивановича: «Сия любовь скоро миновалась, однако надолго оставила в нем сильную склонность к женщинам». В «Повестях Белкина» читаем: «…к женскому полу имел он великую склонность»; в «Капитанской дочке»: «Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу…».

В третьей главе шут Яшка упрекает Матвея Никитича за то, что тот подчиняется жене, и действительно, в повести прослеживается соперничество супругов и победу одерживает Авдотья Сергеевна. Пушкин не раз в своих произведениях рисовал картину семейного неравенства, где главенствовала жена, например в «Капитанской дочке» и в «Пиковой даме»: «Покойный дедушка, сколько я помню, был род бабушкина дворецкого». Как и в рассматриваемой повести, в произведениях Пушкина очень часто встаёт вопрос о приданом. В «Дубровском», в «Капитанской дочке», «На Кавказских водах».

Сцена проводов Данилова на военную службу: «Мать снарядила его, отслужила молебен в Соборной церкви милостивому Спасу, благословила его образом чудотворца Николая, дала сто серебряных рублей на дорогу, облила слезами, проводила за город, еще облила слезами и простилась с ним навеки» — похожа на эпизод проводов в армию Петра Гринева: «Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по её лицу».

Один из приёмов, который применяет автор повести, — говорящие фамилии. Он использует этот приём применительно к эпизодичным героям. Знакомая Осиповых сплетница Трещёткина; мокшанский предводитель Лука Андреевич Удалов — карточный игрок; распутный и буян «Панфомир Сидорович

Соловьев, также предводитель, да только саранский — почти сумасшедший, влюбляется во всякую девушку, вздыхает, плачет...»; купец Трифон Лукич Коробкин.

В пятой главе «Евгения Онегина» читаем:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов...

В неоконченной повести «На углу у маленькой площади» есть такой эпизод:

«— И конечно, — с жаром отвечал молодой человек, бросая книгу на стол, — я человек светский и не хочу быть в пренебрежении у светских аристократов. Мне дела нет ни до их родословной, ни до их нравственности.

— Кого ты называешь у нас аристократами?

— Тех, которым протягивает руку графиня Фуфлыгина.

— А кто такая графиня Фуфлыгина?

— Наглая дура»[40].

Для Пушкина этот приём был характерен, чему посвящено несколько специальных работ[41].

В русской ономастике встречается крайне редкое имя Памфамир, и в числе редких обладателей этого имени был Памфамир Христофорович Молоствов (1793 — 1828) — царскосельский знакомый А.С. Пушкина, которого поэт упомянул в двух стихотворениях, и в повести мы встречаем персонажа с таким именем.

3.4. Былина

В третьей части повести автор использует былину. Мы можем рассматривать её как самостоятельное законченное произведение, которое весьма условно связано с предыдущим повествованием (шут рассказывает былину по просьбе Матвея Никитича Осипова). Несмотря на то что это былинный стих, автор печатает его сплошным текстом, не разделяя на стихотворные строки, возможно, чтобы визуально не выделять стиха, к которому в то время могло возникнуть пристальное внимание у искушенной в поэзии публики, т. е. он намеренно стремился скрыть его в тексте повести.

В былине различный размер, разное количество и порядок ударений, отсутствие рифмы. Былина о Волхе Всеславьевиче была взята из сборника «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова, который имелся в личной библиотеке Пушкина[42].

Но былина в повести подверглась авторской правке, как по художественному выражению, так и по сюжету:

Волх Всеславьевич возговорил зычным голосом:

«Сударыня матушка! Не пеленай меня в паволоки узорчаты, не свивай меня поясами шелковыми, не надевай на мою голову шапочки бобровые, наряжай меня, матушка, в доспехи булатные, в золотой шелом; дай мне в руки стальную палицу, тяжелую в триста пуд» (в повести «Жизнь Петра Ивановича Данилова»).

А и будет Волху полтора часа —
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не опоясывай в пояса шелковые —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
Во праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд
(у Кирши Данилова).

Чтобы попытаться разобраться в возможном авторстве былины, обратимся к монографии С.М. Бонди «Народный стих у Пушкина»: «Так или иначе, Пушкин к 1830 году сделался настоящим мастером народного стиха. При этом самое важное то, что у него и в народном стихе, как и во всей его метрике, форма была теснейшим образом связана с содержанием. Соответствующие стихотворения Пушкина не только воспроизводят формы народного стиха или являются вариациями этих форм, но и по всему содержанию, по духу, по характеру, по идейному содержанию являются подлинно народными произведениями».[43]

Былина из повести является полноценной русской былиной, как по духу, так и по форме повествования, и отличается от оригинала более ярким содержанием и народной поэтикой слова. В данном случае мы видим полный отход от традиционных схем стихосложения. Видимость народного стиха у иных авторов чаще достигалась отсутствием рифмы и некоторым налётом простонародности в содержании. Бонди отмечает: «Традиционные народные размеры не удовлетворяли Пушкина. Уже с начала двадцатых годов он стремился овладеть подлинными формами народного стиха, «неправильного» с точки зрения классической метрики. В рукописях Пушкина сохранилось несколько следов этой его работы».[44]

Анализируя народную поэзию Пушкина, Бонди считает лучшим образцом неоконченную «Сказку о медведихе», где подлинно народный стих перемешивается с пушкинской стилизацией.

«Стихосложение этой сказки, в сравнении с приведенными выше, отличается прежде всего резким колебанием числа слогов в отдельном стихе — от

семи до семнадцати слогов. Точно так же колеблется и число ударений (основных) — от двух до четырех; большинство стихов все же двухударные». Напомним, что эта сказка была написана предположительно в 1830 г., т. е. в тот год, когда была издана повесть «Жизнь Петра Ивановича Данилова».

О том, что Пушкин был новатором и экспериментатором в области стихосложения, мы узнаём из уст героя произведения А.С. Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собою камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоели любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный и проч.»[45]

Таким образом, в данной былине мы встречаем опыт поэтического новаторства, в котором явно угадывается стиль А.С. Пушкина.

Итак, исследуя повесть «Жизнь Петра Ивановича Данилова» в контексте прозаического наследия А.С. Пушкина, мы выяснили, что писатель действительно мог быть создателем этого произведения.

Мы не собираемся останавливаться на достигнутом и планируем продолжить наше исследование. В перспективе могут быть рассмотрены такие аспекты, как историзм произведения, стилистические особенности прозаической речи, а также другие темы, которые находят отражение в предыдущих и последующих прозаических произведениях А.С. Пушкина. Если рассматривать биографию писателя, то повесть соответствует тому творческому и жизненному перелому, который пришелся на 1830 г.

Во второй половине 20-х годов у Пушкина назревает новое видение общественного и политического развития России. В повести мы видим квинтэссенцию этих взглядов. От поэтического приоритета в творчестве он делает смелый шаг к прозе, и в произведении мы видим его эксперименты с жанром и слогом. У Пушкина произошел окончательный поворот от романтизма к реализму, который достигнет больших высот в его последующих произведениях. Наконец, как считал Лотман[46], именно в 1830 г. для Пушкина закончилось время незавершенности. Стремление к целостности сначала нашло своё разрешение в Болдинских произведениях, а затем и в личной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст повести по ссылкам:

http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:JiP7W9HpEE8J:litgazeta1830.ru/node/335+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IttdrJtCHQsJ:litgazeta1830.ru/node/341+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:3m3keYU7xxEJ:litgazeta1830.ru/node/348+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

2. Попова Ирина Львовна «Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте». 10.01.08 — Теория литературы. АВТОРЕФЕРАТ диссертации на соиска-

ние ученой степени кандидата филологических наук. Москва. 1992 г. file:///C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B5%D0%B9/Downloads/01000044528.pdf

3. Лотман Ю.М. А.С. Пушкин: Глава 6. Тысяча восемьсот тридцатый год. http://pushkin.niv.ru/pushkin/bio/lotman/pushkin-6.htm

4. Лотман. А.С. Пушкин: Глава 6. Тысяча восемьсот тридцатый год. http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-79.htm

5. Пушкин — П. А. Плетневу. Около (не позднее) 29 октября 1830 г. Болдино http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/361.htm

6. «Московский вестник» 1828 г. часть 7, стр. 169.

7. Академик Виноградов В.В. В работе «Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете», 1830 г.», проводя атрибуцию анонимных текстов в «Литературной газете», даже не упомянул повесть «Жизнь Петра Ивановича Данилова», вероятно, сочтя её авторской. Возможно, авторитет Виноградова оградил эту повесть от дальнейшего внимания специалистов.

8. Полубояров М. «Весь Пензенский край. Мокшанский район», с 17 — 18. http://www.suslony.ru/Veskraypdf/22_Mokshanskiy.pdf

9. Вас. Теплов. «Похождения Жилблаза де-Сантилланы» (СПб., 1812 — 15)

10. http://www.e-reading.mobi/chapter.php/73757/4/Lesazh_-_Pohozhdeniya_Zhil%27_Blasa_iz_Santil%27yany.html

11. Лотман. А.С. Пушкин: Глава 6. Тысяча восемьсот тридцатый год. http://pushkin.niv.ru/pushkin/vospominaniya/vospominaniya-79.htm

12. А.С. Пушкин — П.А. Плетневу 29 сентября 1830 г. Болдино. http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/358.htm

13. Художественная проза Пушкина. http://rvb.ru/pushkin/03articles/05prose.htm

14. Капитанская дочка. Из ранних редакций. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/kapitanskaya-dochka/iz-rannih-redakcij.htm

15. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. От издателя. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/povesti-belkina/povesti-belkina.htm

16. Абрамовских Е.В. Незавершенная проза Пушкина. http://www.lib.csu.ru/vch/2/1999_01/004.pdf стр. 54

17. Вольф Ш. Нарратология Пушкина. http://www.ruthenia.ru/document/531133.html

18. Похожий приём находим в повести «Арап Петра Великого»: «Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимою стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку». http://rvb.ru/pushkin/01text/06prose/01prose/0856.htm

19. Арап Петра Великого. Глава IV. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/arap-petra-velikogo/arap_3.htm

20. Художественная проза Пушкина. http://rvb.ru/pushkin/03articles/05prose.htm

21. Роман в письмах. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/roman-v-pismah.htm

22. С.Л. Франк. «Пушкин как политический мыслитель». http://www.kekc.info/stati/pushkinkakpolititcheskijmyslitel.html

23. Якубович Д.П. Неизвестная запись Пушкина. http://www.ruthenia.ru/document/532314.html

24. Рейтблат «К вопросу о политических взглядах и журналистской деятельности Ф.В. Булгарина и А.С. Пушкина». http://www.nlobooks.ru/node/2261#sthash.OXvLhoOY.dpuf

25. http://riafan.ru/302619-direktor-muzeya-pushkina-aleksandr-sergeevich-predskazal-ugrozu-ot-ssha

26. Шевырева С.П. «История поэзии». http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-272.htm

27. Пушкин против демократии. Дмитрий Орехов. http://ruskline.ru/analitika/2011/02/11/pushkin_protiv_demokratii

28. http://pushkin.niv.ru/pushkin/documents/fragmenty-otryvki-plany/fragmenty-otryvki-005.htm

29. «Выписка из «Journal des Debats» 1831 г.» http://pushkin.niv.ru/pushkin/documents/vypiski/vypiski-031.htm

30. «Путешествие из Москвы в Петербург». http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/articles/article-075.htm

31. Выписки из «Journal des Debats» 1831 г. http://pushkin.niv.ru/pushkin/documents/vypiski/vypiski-031.htm

32. Шафонский А. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. Книга имелась в личной библиотеке А.С. Пушкина. В тексте «Повести» даны почти дословные выписки из этой книги.

33. А.С. Пушкин — Л.С. Пушкину 1924 г. http://pushkin.niv.ru/pushkin/documents/melkie-zapisi/melkie-zapisi-030.htm

34. Каталог библиотеки Пушкина 1910 г. http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps9/ps93001-.htm

35. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века http://www.as-pushkin.net/pushkin/articles/lotman/pikovaya-dama-i-tema-kart.htm

36. Альтман М.С. Читая Пушкина, с. 126 // Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Поэтика и стилистика русской литературы памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Издательство «Наука». Ленинградское отделение. Ленинград. 1971 г.

37. Там же, с. 126

38. Осповат А.Л. Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки. http://www.ruthenia.ru/document/530953.html

39. «Метель», ранняя редакция. http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/povesti-belkina/myatel.htm

40. «На углу у маленькой площади». http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/na-uglu-ploschadi.htm

41. Михайлова Н.И. Поэтика «говорящих» имен в «Евгении Онегине» (Грибоедов и Пушкин). http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=f3au0jNP3VE=&tabid=10358. Анализ имен героев в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина. http://www.aleksandrpushkin.net.ru/lib/ar/author/27

42. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910. Древнія Россіискія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. Москва. Въ Типографіи Семена Селивановскаго. 1818. http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps9/ps93001-.htm

43. Бонди С.М. «Народный стих у Пушкина». http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/bondi/narodnyj-stih.htm

44. Там же. http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/bondi/narodnyj-stih-4.htm

45. «Путешествие из Москвы в Петербург» http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/articles/article-075.htm

46. Лотман. А.С. Пушкин. Глава 5. После ссылки. 1826 — 1829. http://pushkin.niv.ru/pushkin/bio/lotman/pushkin-5.htm

Валерий СУХОВ

«...ВПЕРЁД ОТ ПУШКИНА»

Пушкинские традиции в творчестве А.Б. Мариенгофа

В творческих исканиях поэтов-имажинистов важную роль сыграло обращение к пушкинским традициям. Поначалу имажинистов отличало критическое отношение к пушкинскому наследию, которое характерно было для представителей этой модернистской «школы» на первоначальном этапе самоутверждения через отрицание культурного наследия. Например, один из лидеров русского имажинизма В. Шершеневич в трактате «2 х 2 = 5» (1920) объяснял недостатки пушкинской поэзии отсутствием динамики в развитии образного строя и заявлял: «Пушкин плох, потому что он статичен»[1]. Рассчитанное на эпатаж ниспровержение Пушкина превращалось в способ утверждения имажинистского принципа «образ как самоцель». Постепенно имажинисты пришли к осознанию необходимости реформ в теории имажинизма, связывая их с развитием традиций русской классической литературы. Интерес к пушкинским традициям и стремление к их творческому осмыслению во многом определили дальнейшую судьбу имажинизма, что ярко проявилось на примере А. Мариенгофа.

Проследить это можно по его публикациям в имажинистском журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном». Анатолий Мариенгоф был озабочен поисками «большой темы» и новой философской основы, которая давала бы возможность имажинизму занять лидирующее положение в литературном процессе. Формализму раннего имажинизма, принципы которого отстаивал Шершеневич, он противопоставлял новый «канон», в основу которого предлагал положить традиции национального искусства. Именно в этом Мариенгоф видел возможность отразить «большую тему современности». В журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном» Мариенгоф доказывал, что имажинизм должен стать всероссийским, всемирным, универсальным явлением искусства.

Не случайно в письме Есенину, опубликованном в № 2 этого журнала, Мариенгоф апеллировал к пушкинскому авторитету, отстаивая право на своеобразную имажинистскую «эстетику»: «Ещё Александр Сергеевич Пушкин предлагал «оставить русскому языку некоторую библейскую похабность». «Я не люблю видеть, — писал он, — в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утончённости. Грубость и простота более ему пристала». Это пушкинское желание с легкостью распространяется и на все прочие российские искусства» [2]. Поэтому вполне закономерны пушкинские аллюзии, возникающие в письме Мариенгофа: «Мы счастливо уберегли себя от тягчайших болезней. Читаемые в Богословской комнатке стихи — некий «Пир во время чумы»... Я считаю, что это время — время наибольшего роста почти что каждого из нас...» (Т. 1. С. 688).

Это письмо Мариенгофа Есенину подтверждало, что эволюция имажинизма тесным образом оказалась связана с изменениями отношения к Пушкину. «Почти декларация» имажинизма, опубликованная в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном» в 1923 году, автором текста которой являлся Мариенгоф, — убедительное тому доказательство. В начале «Почти декларации» противопоставлялось два отношения к искусству: «Два полюса: поэзия, газета. Первый: культура слова, то есть образность, чистота языка, гармония, идея. Второй: варварская речь, то есть терминология, безобразность, аритмичность и вместо идеи: ходячие истины» (Т. 1. С. 649). Первый ряд ассоциировался с Пушкиным, второй — с современной советской литературой, принесенной в жертву политике. Подразумевался здесь в первую очередь Маяковский, как знаковая фигура «деградировавшего» в ЛЕФ раннего футуризма.

Заканчивалась «Почти декларация» обращением к Пушкину как высшему авторитету в искусстве. При этом особо подчеркивалось, что имажинисты будут творчески развивать классические традиции, а не превращаться в эпигонов: «То, что в нашей статье несколько раз было упомянуто имя великого стихотворца девятнадцатого столетия, отнюдь не означает имажинистского движения вспять. Не назад к Пушкину, а вперед от Пушкина. Мы умышленно принимаем за отправную точку вершину расцвета, а не подошву упадка (Некрасов) российской поэтической культуры ...» (Т. 1. С. 652).

Возрождение пушкинских традиций, закрепленное в теории имажинизма, было подготовлено и подтверждено непосредственно самой поэтической практикой имажинистов. Это отмечалось в статье критика О. Савича «Имажинист» (1922), где подчеркивалось: «Мариенгоф знаменует собой возврат или по крайней мере большое тяготение к Пушкину... Мариенгоф слагается в творчестве в постоянную величину... Тем интереснее его тяга к пушкинской традиции, при всей современности его лирики с эпиграфом «имажинисты... Параллель Пушкин — Мариенгоф ждет своего исследователя»[3]. Пушкинское влияние отразилось на тематике творчества Мариенгофа, ярко проявилось в широком использова-

А.Б. Мариенгоф. 1927 г.

нии пушкинизмов, в подчеркнутых реминисценциях, в особом лирическом настрое и характерной самоиронии. В зародыше эта тенденция содержалась при всем эпатирующем вызове ряда положений уже в мариенгофском трактате «Буян — Остров. Имажинизм» (1920), само название которого отсылало к образу острова Буяна из «Сказки о царе Салтане».

Пушкинский культ дружбы, как одна из ключевых тем у Мариенгофа-имажиниста, нашел талантливое воплощение в поэмах «Друзья» (1921), «Разочарование» (1921), «Поэма без шляпы» (1922), в стихотворениях «Утихни, друг» (1921), «Какая тяжесть» (1922), «Не много есть у вольности друзей» (1922), «И нас сотрут, как золотую пыль» (1923), «Как встарь — в подвальном кабачке невзрачном» (1924), «Воспоминания» 1925), «И вы совсем уже не те» (1926), «Шуточное» (1926).

Своеобразным эпиграфом к произведениям, вошедшим в сборник «Стихи и поэмы: 1922 — 1926», на обложке которого было символическое заглавие «Новый Мариенгоф», могут служить строки из стихотворения «И нас сотрут, как золотую пыль», вошедшего в большой цикл, посвященный «Сергею Есенину»: «И нас сотрут, как золотую пыль, // И каменной покроют тишиной. // Как Пушкин с Дельвигом дружили, // Так дружим мы теперь с тобой» (Т. 1. С. 138). Так автор перебрасывал своеобразный «мостик» в 20-е годы девятнадцатого века из 20-х годов века двадцатого. В этом смысле особое значение приобретали такие строки, подчеркивающие плодотворность обращения к классическим традициям: «Семья поэтов чтит обычай: // Связует времена стихом» (Т. 1. С. 128). Даже внешне Мариенгоф, как и Есенин, стремился в это время походить на героя пушкинской эпохи. Именно поэтому его фотография в цилиндре, где он предстает в образе денди пушкинской эпохи, была напечатана в № 3 журнала имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном», вышедшего в 1924 году. Обращение к пушкинской «формальной простоте», если использовать выражение Есенина, приводит Мариенгофа к отказу от усложненной ме-

тафоричности и прежней сгущенности образов. Его лирика становится более человечной, проникновенной, философской. Поэта теперь волнуют «Простая вера и простые чувства. // Страх перед смертью...» (Т. 1. С. 139). Характерная для Пушкина тесная взаимосвязь жизни и творчества находит у Мариенгофа такое отражение: «А жизнь творим — как песнь, как стих. // Тот хорошо, а этот плохо» (Т. 1. С. 139). Пушкинским духом навеяна самоирония Мариенгофа в стихотворении «Смешным стихом баклуши бью» (1924), где широко используются «пушкинизмы»: «девы», «Лета», «чернь», «музы» — как своеобразный прием стилизации, соединяющий две эпохи. Свою истинную любовь лирический герой скрывает за иронической улыбкой. Противопоставляя поэзию окружающему миру, где торжествует быт, он выстраивает образный ряд, верный своему принципу соединения «чистого» и «нечистого»: «Враги! враги! // Кругом враждебный мир: // Родня, // Кастрюли, // Кошка // И клистир» (Т. 1. С. 146). Но за жизненными пустяками поэт умеет увидеть главное, что составляет смысл его жизни: «О жизнь — набитый пустяками чемодан! // Любовь (вся на один манер, // Всё в тех же перепевах), // Ты никогда не канешь в Лету. // Когда-нибудь я напишу роман // О легких девах // И поэтах» (Т. 1. С. 146). Как известно, Анатолий Мариенгоф исполнил это обещание и создал целый ряд прозаических произведений о Сергее Есенине и других своих друзьях-имажинистах. Элегический мотив прощания с молодостью в эти годы у Мариенгофа, как и у Есенина, также связан с развитием пушкинских традиций.

В стихотворении «Как встарь — в подвальном кабачке невзрачном...» (1924) ярко отражен пушкинский мотив содружества поэтов, объединённых общими духовными устремлениями. Сравним: у Пушкина в стихотворении «19 октября» (1825): «Поговорим о бурных днях Кавказа, // О Шиллере, о славе, о любви»[4]. У Мариенгофа: «О музах, о судьбе, о славе врут, // О похожденьях с девами судачат // России знаменитые поэты» (Т. 1. С. 147). Значимое место в творчестве Мариенгофа в этот период занимает образ быстротечной жизни, персонифицированный по-пушкински в обобщенный символ Времени, имеющий особую власть над лирическим героем. При этом метафоризация поэтической речи перестаёт быть самоцелью, а соответствует определённой теме и определённому содержанию. Метафоры превращаются в яркое выразительное средство, как, например, в заключительной строфе уже цитировавшегося выше стихотворения: «Кабак невзрачный! // Слава!//Девы! // // О годы суетные, где вы? // Попойка — времени метла. // И старец молод за пирушкой. // А там: // Холодная заря // Уже на город пролила // Пивные золотые кружки» (Т. 1. С. 139).

В связи с этим нельзя не отметить прямую аналогию, коррелируемую с интерпретацией пушкинского образа поэтического вдохновения из стихотворения «Осень» (1833): «...Минута — и стихи свободно потекут. // Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге, // Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут // Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны...»[5]

У Мариенгофа в поэме «Друзья» (1921), опубликованной в сборнике «Разочарование» (1922), пушкинская метафора: плывущий корабль — поэтическое творчество — получает дальнейшее развитие: «Под мариенгофским чёрным вымпелом // На северный безгласный полюс // Флот образов // Сурово держит курс. И чопорен и строг словесный экипаж» (Т. 1. С. 123).

Куда бы ни бросала имажинистов разбушевавшаяся стихия образов, их поэтический компас указывал в одном направлении. Пушкин оставался тем магнитом, который неудержимо притягивал к себе поэтов-имажинистов. Чем сильнее было их отталкивание от Пушкина в начале самоутверждения имажинизма как нового литературного течения, тем заметнее сказывалось на их творчестве это притяжение, во многом определившее эволюцию имажинизма. Не случайно так часто в стихах и поэмах Мариенгофа нового периода творческих исканий упоминается имя великого предшественника. О многом говорит его ироническое признание, сделанное в стихотворении «Шуточное» (1926):

Ты старый сердцеед, Кавказ!
А мы, поэты, будто девы.
К тебе от Пушкина у нас
Любви и нежности напевы (Т. 1. С. 174).

В заключение имеет смысл привести высказывание С.А. Есенина, сделанное им в 1924 году. Отвечая на вопросы анкеты журнала «Книга о книгах», поэт подчеркнул: «Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки»[6] . Это признание верно характеризует и направление творческих поисков нашего земляка Анатолия Мариенгофа, который шел «вперед от Пушкина».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Поэты-имажинисты. Спб.: Петербургский писатель. М.: Аграф, 1997. С. 27.
[2] Мариенгоф А. Б. Собр. сочинений в трех томах. М.: ТЕРРА. 2013. Т. 1. С. 688. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
[3] Савич О. Имажинист // Вопросы литературы. 1989. № 12. С. 274.
[4] Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 40.
[5] Там же. С. 312.
[6] Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т.; М.: Наука.1995 — 2002. Т. 5. С. 225.

Алексей КУРИЛКО

МОРСКОЙ ЛЕВ ЛИТЕРАТУРЫ

Эссеистический анализ и разбор главного произведения Эрнеста Хемингуэя

Это проза, над которой я работал всю свою жизнь, которая должна быть лёгкой, простой и лаконичной и в то же время передавать все изменения видимого мира и сферы человеческого духа. Это самая лучшая проза, на которую я сейчас способен.

(Э. Хемингуэй, «Старик и море»)

В сентябре 1952 года повесть «Старик и море» целиком выходит в одном из номеров журнала «Лайф». Читатели только о ней и говорят. Повесть произвела фурор. Такого Хема ещё не читали. Но — хуже того — ничего подобного от него уже и не ждали. Его последняя книга была обругана критиками, и при этом не была защищена вниманием читателей. А тут вдруг такой резкий и повсеместный восторг в связи с публикацией не такой уж большой вещи в журнале «Лайф»! Счастливые обладатели этого журнального номера пересказывают сюжет повести тем, кто не успел его купить. Но в пересказе повесть совсем не производит того ошеломительного эффекта, который испытали те, кто читал и перечитывал эту вещь в журнале. Такое легко и вместе с тем невозможно пересказать. Это нужно читать! Поэтому, видя такой спрос, уже через восемь дней повесть печатают отдельной книгой. Все пятьдесят тысяч экземпляров, несмотря на высокую для такой тоненькой книжки цену, раскупают так быстро, что самые крупные издательства наперебой атакуют автора заманчивыми предложениями переиздать его «Старика». Вскоре эта повесть приносит Хемингуэю Пулитцеровскую премию и, по сути, становится поводом для присуждения Нобелевской. Кто бы мог подумать, что сия незамысловатая, на первый взгляд, история о том, как старый рыбак поймал огромную рыбу, но не смог довезти свой улов до дома в целости и сохранности, вновь сделает Хемингуэя лучшим

писателем Америки, подтвердит его глобальное значение для мировой литературы, станет последним пиком его карьеры!

А ведь ещё совсем недавно Хемингуэя почти не рассматривали всерьёз как действующего писателя. Казалось, его время прошло. Поговаривали о потере творческой потенции: да, он был великим писателем, но акцент падал в основном на слово «был». И критики, и литературоведы, и читательская публика охладели к его дару. В последнее время этот дар никому, кроме его верных поклонников, был и даром не нужен, во всяком случае, акции его дара стремительно падали в цене. Оно и понятно: в конце 1940-х — начале 1950-х Хемингуэй переживает глубокий творческий спад. Всему виной его тяжелое физическое и психическое состояние после пережитого на фронте, плюс болезненный и нелегкий разрыв с Мартой Геллхорн... Он чувствует приближение старости. Учащаются приступы депрессии. Жизнь с каждым прожитым годом становится всё менее понятной. Всё это: многочисленные травмы, полученные им после переломов и ранений; одиночество, разочарование, утрата былого величия и неверие в собственные силы — существенно сказывается на состоянии здоровья писателя и приводит к ослаблению его творческого потенциала.

В это сейчас слабо верится. Ныне кажется, что Хемингуэй никогда и ни в чем не знал поражения. Его книги, его высказывания, его манера жить и работать — легко переходя границы человеческих возможностей, рискуя, не зная сомнений — всегда давали ему повод гордиться собой и быть блистательным примером для подражания. Все, кто хотя бы немного был знаком с его биографией, восхищались его личностью, его мужеством, и даже порой его безрассудством. Судите сами! Почти всю свою жизнь он постоянно испытывает себя на прочность. Он словно нарочно дразнит Фортуну и не боится играть со Смертью, ставя на кон всегда и неизменно собственную жизнь, словно ничуточки ею не дорожит. Тут и участие в трех войнах, и состязания на ринге с профессиональными боксерами, и охота на львов в Африке, многочисленные попойки и уличные драки, дружба и сотрудничество с революционерами и контрабандистами, походы на маленьком катере «Пилар» в штормовом океане, игра в «русскую рулетку», болезни, авто- и авиакатастрофы... На его теле было более двухсот шрамов! А главное, он восемь раз был на самом краю гибели, но всякий раз после того, как практически чудом выкарабкивался из цепких лап смерти, он не только не менял своего образа жизни, но, напротив, начинал ещё наглее играть со свой судьбой. Да, он был, как сказали бы сейчас, крутой мужик, но, боюсь, один из его биографов абсолютно прав, утверждая, что он не бежал от смерти, а все время — долгое время — неосознанно искал ее. Впрочем, нам он признался в этом сам. И мы и безо всяких биографов пришли бы к такому выводу, если бы поверили в искренность его собственных слов, характеризующих писателя коротко и точно: «Пишет мало, а пьет много, но если бы не пил, давно пустил бы себе пулю в лоб». А ведь их

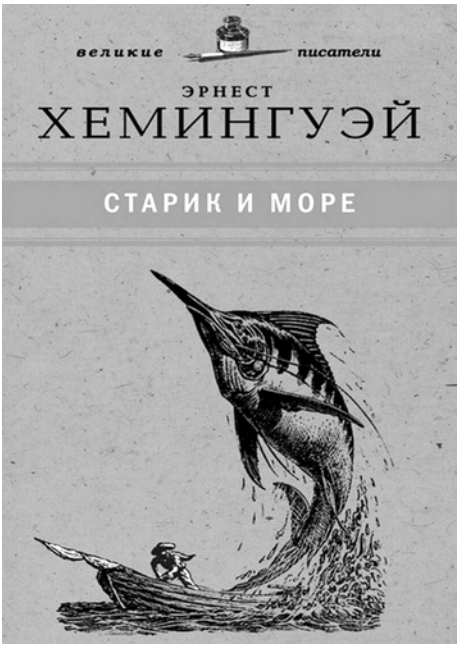
многие принимали за шутливый эпатаж и некую позу... Но это то, что касается его натуры. А меня сейчас мало занимает Хемингуэй-человек, с ним мне все более-менее ясно. Меня интересует Хемингуэй-литератор. Причем особенно занимает меня писатель последнего периода — он весьма отличается от раннего Хемингуэя, и есть существенные отличия от того Хема, который находился в самом зените сил и творчества...

Понятно, что проза Хемингуэя — это всегда по-настоящему мужская литература! Сверх того — хорошая, добротная, настоящая Литература. Язык его прозы прост, ясен, лаконичен... Не только сам текст увлекателен и способен унести читателя к высотам катарсиса, но и тот глубокий подтекст, который в нем всегда явно чувствуется. Чаще всего в центре произведений или охота, или война, или борьба с противником, или, в крайнем случае (случае классическом!), борьба с самим собой. Как чемпион по борьбе с самим собой, ответственно заявляю: это самый тяжелый вид борьбы и весьма обидный, поскольку, выигрывая, ты терпишь поражение, а проиграв, выигрываешь. Вроде бы чудной парадокс, а между тем всё предельно просто и ясно (кстати, типичный случай для Хемингуэя!).

Его герой всегда готов с гордостью и непоколебимой верой в справедливость своих поступков достигнуть цели любой ценой, пройдя все испытания (идет ли он на подвиг или на преступление). Настоящий мужик, одним словом! Он готов принести в жертву жизнь — как свою, так и чужую, — лишь бы знать, что он прав и жертва будет принесена не зря. Сначала кажется: почти все книги его такие. А «Старик и море» — это вообще ликбез для настоящих мужчин, независимо от положения, возраста, времени и места действия... Эта книга может служить пособием для проведения мастер-классов по самосовершенствованию! Я не шучу. При этом перед нами высокохудожественный шедевр мировой литературы. Хотя постойте! То, о чем Хемингуэй поведал в повести, когда-то, почти двадцать лет назад, он смог уместить всего лишь на нескольких страницах своего очерка в журнале «Эсквайр». Но в том-то и прелесть, что язык его не изменился, манера писать осталась такой же сдержанной и сухой, как и в романе «Иметь или не иметь», он столь же лаконичен, как и прежде... Но! Именно в этом произведении впервые Хемингуэй предельно внимателен к мелочам или к вещам, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к главной, а можно сказать, и единственной сюжетной линии... Да, обычно он пишет кратко, емко... А тут — целая книга, большое по объему произведение, но которое, как ни крути, и по композиции, да и по сути, всего лишь рассказ: всего пара героев (а по гамбургскому счету, герой один — Старик) и происходит пара событий в течение весьма непродолжительного времени — не более трех суток в целом. Всю историю можно пересказать за полминуты. Но в данном случае автор посчитал нужным поведать все обстоятельно, подробно, нисколько при этом не меняя собственную стилистику и манеру письма и легко удерживая

наше внимание. Он мог написать в пять раз короче, но не пожелал. Почему? Потому что за те сутки, пока Старик был в море, благодаря его монологам перед нами вырисовывается вся жизнь, казалось бы, простого, но вместе с тем незаурядного человека. Только такой человек, просоленный жизнью, мог восемьдесят четыре дня выходить в море, возвращаться ни с чем, но все равно продолжать выходить, пока ему не попадется такая громадная рыба, которую доселе никто не видел! Нет, может, и видели, но поймать её и справиться с ней одному человеку не под силу… Старик не раз вспоминает мальчишку, который хоть в мелочах, но мог бы ему помочь, хотя всякий раз признает, что и вдвоем бы они с этой рыбиной не справились… Рыба, с которой так долго боролся старик Сантьяго, — прямо мечта всех истинных любителей рыбалки и невероятный трофей для профессиональных рыболовов: гигантский марлин, рыба-меч из отряда парусниковых. Хемингуэй ловил таких, но с ним всегда был его верный помощник Григорио Фуентес, человек, которого он сделал капитаном своей яхты и который послужил одним из прототипов Сантьяго. Они познакомились в конце двадцатых: легкая моторная лодка Хемингуэя попала в шторм — как назло, отказал двигатель. Оказавшийся поблизости на своем катере Григорио пришел на помощь. Фуентес довез Хемингуэя до берега, помог согреться, они разговорились, выпили, само собой… Так завязалась их многолетняя дружба. Лишь только Хем приобрел яхту — он, не раздумывая, взял Григорио капитаном, платил 250 долларов в месяц. Такие деньги тогда мало кому платили. Но зато в лице Фуентеса он приобрел надежного помощника, друга, фанатично любившего и хозяина, и его яхту до такой степени, что со временем окончательно переехал туда жить и проводил на яхте все 365 дней в году, заботясь о ней, как о родной дочери, которой у него никогда не было… Григорио после смерти папы Хема рассказывал, что они частенько выходили в море, невзирая на штормовое предупреждение, не раз оказывались в тяжелой, критической ситуации. «Хозяин любил играть с огнем», — признавался он в многочисленных интервью. Хотя в данном случае правильнее было бы сказать «с водой». Впрочем, мы говорим об Эрнесте Хемингуэе! Он играл и с огнем, и с водой, и с огненной водой, и с теми, кто мог метать в него молнии и громыхать обвинениями, — с женщинами… Любил он и охоту, и рыбалку… Ловил и марлина, подобного описанному в повести. Но, в отличие от Старика, он был моложе, сильнее, и ему помогал Григорио, а от акул он обычно спасал свою добычу довольно своеобразно: пускал в них очередь из автомата. Этот необычный метод теперь называется методом Хема… Но за него сейчас можно получить серьезный тюремный срок. Да и далеко не каждому позволено держать на яхте такое количество оружия. Так что сам Хем знавал часы триумфа! Как фанатичный поклонник рыбной ловли, он мог легко дать столь реалистичное описание противостояния человека и марлина, и мог представить, каково было бы рыболову, окажись он в такой ситуации в одиночку.

Герой Хемингуэя сразу же понимает, лишь только узнает, какого рода противник попался ему на крючок, какая крупная удача его настигла. И крупная она до такой степени, что справиться с ней — с удачей в виде этой рыбы — в одиночку ему не удастся. Он и вдвоем с помощником вряд ли бы справился, но шансы — пусть мизерные — были бы… Заметьте, это очень важно: он признает, что они бы не справились и вдвоем, а между тем продолжает упорно бороться со своим морским противником, которого он с каждым часом всё больше уважает, уважает настолько, что начинает говорить с ним. Это наводит на мысли о том, что он очень одинок и не привык проигрывать, тем паче без боя. Старик, с каждым часом слабея, удивляется силе и упорству морского гиганта, и уважение скоро перерастает во что-то большее. И он не скрывает своих чувств: «Рыба, — позвал он тихонько, — я с тобой не расстанусь, пока не умру. Да и она со мной, верно, не расстанется», — подумал старик и стал дожидаться утра. В этот предрассветный час было холодно, и он прижался к доскам, чтобы хоть немножко согреться. «Если она терпит, значит, и я стерплю». Он словно почувствовал, что рыба и он — они родные души, оба сильны и упрямы, оба готовы сопротивляться до последнего, оба настроены решительно — победить или умереть. Он — старый опытный рыбак — по поведению рыбы догадался, что имеет дело с самцом. Причем с таким, который уже побывал в подобных переделках или наблюдал подобную ситуацию, поскольку рыба-самец ведет себя странно, слишком умно, грамотно и без трусливой, нервной суеты, словно преследуя такую же точно цель, какую преследует мудрый Сантьяго, — измотать, утомить своего противника. Можно было бы предположить, что это именно тот самец, который видел гибель своей подруги. Старик не случайно вылавливает из океана своих воспоминаний одно — случай, поразивший его некогда до глубины души: «Он вспомнил, как однажды поймал на крючок самку марлина. Самец всегда подпускает самку к пище первую, и, попавшись на крючок, самка со страха вступила в яростную, отчаянную борьбу, которая быстро ее изнурила, а самец, ни на шаг не отставая от нее, плавал и кружил вместе с ней по поверхности моря. Он плыл так близко, что старик боялся, как бы он не перерезал лесу хвостом, острым, как серп, и почти такой же формы. Когда старик зацепил самку багром и стукнул ее дубинкой, придерживая острую, как рапира, пасть с шершавыми краями, когда он бил ее дубинкой по черепу до тех пор, пока цвет ее не стал похож на цвет амальгамы, которой покрывают оборотную сторону зеркала, и когда потом он с помощью мальчика втаскивал ее в лодку, самец оставался рядом. Потом, когда старик стал сматывать лесу и готовить гарпун, самец высоко подпрыгнул в воздух возле лодки, чтобы поглядеть, что стало с его подругой, а затем ушел глубоко в воду, раскинув светло-сиреневые крылья грудных плавников, и широкие сиреневые полосы у него на спине были ясно видны. Старик не мог забыть, какой он был красивый. И он не покинул свою подругу до конца».



Сам Сантьяго не говорит о том, что такое возможно. Ведь этот марлин огромен, он вдвое больше его лодки, он признается, что ему ещё не доводилось видеть марлина таких размеров, а тем паче ловить. Стало быть, тот самец был меньше, чем этот, утаскивающий его все дальше и дальше в открытое море. Но ведь с того дня прошло как минимум три месяца (мы же помним, что восемьдесят пять дней прошло с последнего удачного улова), а то и год, или полтора... Ведь Старик не говорит, что это произошло именно в тот, последний день, перед чередой несчастливых дней. Но даже взяв самый малый срок, прошедший с того дня, когда была поймана самка марлина, получаем, повторю, три месяца, не меньше. Для рыбы-меч три месяца — это большой срок. За такое время она, хищница, спокойно могла бы набрать вес и стать вдвое больше, чем была. Если допустить сие предположение и поверить в такое случайное стечение обстоятельств, то притча приобретает совсем иной оттенок: идет не просто борьба «кто — кого», идет принципиальное противостояние двух заклятых врагов, и Старик выступает для Рыбы неким злым роком, убившим когда-то его подругу, лишившим его спутницы, нанесшим душевную рану, а теперь добравшимся и до него. Это поначалу вас может рассмешить, или расстроить, или разочаровать... Вот же, право слово, перемудрил этот наивный Курилко, да ещё и пишет о рыбе словно о человеке. Да ведь не я, а герой наделяет холодную, бездушную рыбу и характером, и умом, и разумным поведением, и душой. Именно он наделяет её сугубо человеческими качествами и ощущает с ней родство душ с похожими стремлениями... Просто вспомните, как много он с ней говорит! И вспомните, что он ей говорит! «Рыба, — обращается он к ней, когда силы его почти на исходе, а та начинает свой последний бой за свободу и жизнь. — Рыба! Тебе все равно уже не жить, так зачем ты желаешь погубить и меня?» Таковы, по его мнению, её истинные намерения: не спастись, а погубить и его вместе с собой. Старик с самого начала относился к ней по-особенному, словно они и вправду равны. «По виду она спокойна, — подумал он, — и действует обду-

манно. Но что она задумала? И что собираюсь делать я? Мой план я должен тут же приспособить к ее плану, ведь она такая громадина. Если она выплывет, я смогу ее убить. А если она так и останется в глубине? Тогда и я останусь с нею». Решение принято! Цель ясна! Однако и Рыба, по его разумению, знает себе цену. Но, несмотря на ее внушительные размеры, Старик поначалу недооценивает её. Она же пока для него всего лишь рыба, обитатель морских глубин, а он человек, не привыкший и за восемьдесят четыре дня к неудачам и проигрышам. «Она громадина, эта рыба, и я не дам ей почувствовать свою силу, — думал он. — Нельзя, чтобы она поняла, что может сделать со мной, если пустится наутек. На ее месте я бы сейчас поставил все на карту и шел бы вперед до тех пор, покуда что-нибудь не лопнет. Но рыбы, слава богу, не так умны, как люди, которые их убивают; хотя в них гораздо больше и ловкости, и благородства». Он недооценил противника, это было его ошибкой, которую он, как поистине честный и мужественный человек, относительно скоро признал. После этого его отношение к противнику пересматривается, он теперь внимательно анализирует каждое движение марлина, каждый его поступок предусмотрительно предугадывается или прорабатывается впоследствии: «Интересно, почему она вдруг вынырнула, — размышлял старик. — Можно подумать, что она вынырнула только для того, чтобы показать мне, какая она громадная. Ну что ж, теперь я знаю. Жаль, что я не могу показать ей, что я за человек. Положим, она бы тогда увидела мою сведенную руку. Пусть она думает обо мне лучше, чем я на самом деле, и я тогда буду и в самом деле лучше. Хотел бы я быть рыбой, и чтобы у меня было все, что есть у нее, а не только воля и сообразительность».

Теперь старик Сантьяго впадает в иную крайность: он недооценивает себя. Он обладает не только волей и сообразительностью, но также верой в победу, упрямством, силой не только стареющего (хотя и закаленного трудом) крепкого тела, но и духа... В нем есть гордость, гордость человеческая и профессиональная... и всепоглощающее желание победить! Любой ценой! Или погибнуть! И точно такие же качества Старик начинает видеть в Рыбе. Вот тогда-то обыкновенное восхищение размерами добычи сменяется сначала уважением, переходящим затем в любовь. «Рыба, — сказал он, — я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер».

Так разве это я перемудрил?! Я лишь внимательно читаю, ибо Хемингуэй, вернее проза его, только на первый взгляд проста и чиста, как вода в северных озерах. Но всё в этой повести глубже. Тут целое море идей и мыслей, и чем дальше — тем глубже. А море впадает в океан... Там всё иначе. Предельно честный за письменным столом, Хем, так долго толковавший о прозрачности, писавший в жанре жёсткого реализма, но усиленно работавший над каждым словом, признавался: «Если писатель хорошо знает то, о чем он пишет, он может опустить многое из того, что знает, и, если он пишет правдиво, читатель почувствует все опущенное так же сильно, как если бы писатель

сказал об этом. Величавость движения айсберга в том, что он только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды». Кто помнит об этом хемингуэевском «принципе айсберга», тот будет по верхушке айсберга пытаться понять, что, где и каких размеров скрыто от нашего взора. Особенно об этом нужно помнить при чтении его лучшей работы. Это не только моё мнение. Так наверняка полагал и он сам. Об этом догадывались лучшие из литературных мастеров. Скажем, не менее одаренный Фолкнер по достоинству оценил эту повесть: «Его лучшая вещь. Возможно, время покажет, что это самое лучшее из всего написанного нами — его и моими современниками. На этот раз они создавали сами себя, лепили себя из собственной глины; побеждали друг друга, терпели поражения друг друга, чтобы доказать себе, какие они стойкие. На этот раз писатель написал о жалости — о чем-то, что создало всех: старика, который должен был поймать рыбу, а потом потерять ее; рыбу, которая должна была стать его добычей, а потом пропасть; акул, которые должны были отобрать ее у старика, — создало их всех, любило и жалело. Все правильно. И, слава Богу, то, что создало, что любит и жалеет Хемингуэя и меня, не велело ему говорить об этом дальше». Замечательные слова, но и они больше прячут в себе, чем показывают, не правда ли… Нет, первая часть ясна абсолютно. Очень многие так и трактовали повесть-притчу. Но об этом чуть ниже. А пока — о том, о чем сказал Фолкнер и о чем недосказал, а также о том, что отвергал лично автор повести «Старик и море».

Если советские и европейские критики видели лишь мужество, стойкость и величие человека в борьбе за существование, а также призыв против обособленности и индивидуализма ради удовлетворения эгоистических амбиций и сугубо личных, низменных потребностей, то американцам и некоторым отдельным индивидуумам скорее понравилась идея величия человека над природой и стремление достигать поставленных целей, превосходя собственные возможности. Фолкнер и ещё ряд интеллектуалов отметили также ноту смирения, тень любви и принятия того, что всё правильно и разумно устроено в мире, кажущемся жестоким, несправедливым и суетным.

Теперь о недосказанном. Хемингуэй и сам признавал, что изначально задумывал написать роман со множеством героев, сменой картин и действий. Но затем, уже в процессе работы, найдя наконец идеального героя, его устами рассказал нечто простое. Его герой делает своё дело добросовестно и не столько ради корысти или гордости, а по причинам более прозаичным: так должно, каждый обязан быть собой, без утомительных и рефлектирующих поисков себя. Ты тот, кто ты есть, будь им всегда, смирившись с любой участью, гордо неси крест своего предназначения — и тогда ты победишь, даже потерпев поражение. Такие выводы особенно удобны для церкви и государственной власти. Право слово, ведь всем будет только хорошо, когда большинство наконец осознает: ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой. Всё, что ни случается, все правильно, все спра-

ведливо. Делай хорошо своё дело и не тревожь лишними мыслями ни себя, ни других... «Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком. Но ведь для этого я родился!» Верно! Не сомневайся! Делай привычный труд без сомнений, без колебаний и живи с миром в гармонии. Ты такой, какой есть, ты ничего не в силах изменить, тем более, если ты один.

«Подумать только, что благодаря моему коварству ей пришлось изменить своей судьбе. Её судьба была оставаться в тёмной глубине океана. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти её там, куда не проникал ни один человек. Теперь мы связаны друг с другом. И некому помочь ни ей, ни мне». Но ты не один. С тобой всегда такие же, как ты. Просто не уходи один далеко в море, а не то одиночество и сомнения сломают тебя... Вот и старик испытывал нечто похожее: «Может быть, грешно было убивать рыбу. Думаю, что грешно, хоть я и убил её для того, чтобы накормить уйму людей. Нечего раздумывать, что грешно, что не грешно. Ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой». И всё! А над тобой и с тобой всегда мудрый Бог, или всеведущие боги, или родимая партия, или президент и парламент — главные слуги народа... Ты смирись, главное, — и станет так легко и спокойно, как никогда прежде... «А как легко становится, когда ты побежден! — подумал он. — Я и не знал, что это так легко... Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя... — Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море».

Когда в таком небольшом по объему произведении такая плотная концентрация действий, чувств и мудрых мыслей, да ещё много чего таится между строк, то это всегда раздолье для интерпретаций: можно выбирать, на чем именно поставить акцент, что подчеркнуть, а что оставить в тени авторского замысла. Хемингуэй всегда этого боялся. Он не любил, когда в том, что он написал, кто-то находил то, чего там изначально не было, или, во всяком случае, им специально не подразумевалось, не закладывалось изначально. Впоследствии он яростно протестовал против того, чтобы его повесть считали полной тайных смыслов притчей, не понимая, что этот неожиданно ярко сверкнувший свет его дара был подобен большому взрыву, после которого он начал погружаться в кромешную тьму. Так иногда перегорает лампочка от перенапряжения, ярко вспыхнув перед тем, как погаснуть навсегда, поскольку вольфрамовая нить не может быть соединена вновь, разве что какой-то умелец рискнет разбить стеклянную оболочку в надежде все чудом склеить, как было. В любом случае, Хемингуэй, как и герой его повести, превзошел самого себя. Каждый из читателей, увлеченно следя за тем, как разворачивается драматическая история старого рыбака, извлекает из прочитанных страниц нечто труднообъяснимое, но понятное и близкое только ему. Поэтому анализ повести не менее интересен, чем анализ стихов, к примеру, Пастернака.

Что бы сам автор ни говорил, но Сантьяго, хоть и похож на предыдущих героев Хема, почти всегда имеющих автобиографическую платформу, все-

таки разительно отличается от них всех. Нет, он тоже весьма мужественен, целеустремлен, силен и телом, и духом, наблюдателен и великодушен, но он не мучается вопросами бытия, он этим бытием наслаждается. Он не сомневается и не ищет правильного пути или себя — и то, и другое он давно обрел и находится в относительной гармонии с миром и с собственной совестью. Его не особенно огорчают неудачи, хотя в последнее время они преследуют его беспрерывно, он принимает как должное и ослепительное сияние жемчужных зубов Фортуны, которая наконец-то широко ему улыбнулась, и не теряет присутствия духа, когда улыбка Фортуны оказывается звериным оскалом неожиданного проигрыша. Он продолжает свой неспешный диалог с окружающим миром.

Кстати, вы заметили, что Старик не может вспомнить, когда именно приобрел привычку говорить с самим собой: то ли когда его покинул мальчик, ученик, то ли раньше, сразу после смерти жены... Да, он, как и его гигантская рыба (по моей версии), тоже потерял спутницу жизни, но продолжал жить, смирившись с утратой... Вот почему он особенно охотно общается со своим другом-врагом, самцом рыбы-меч. У них много общего... Мне скажут, что вот это лишь ещё красноречивее подчеркивает его тотальное одиночество! И я не стану спорить. Но и это тотальное одиночество его нисколько не тяготит. И хоть он часто задумывается о том, много ли один человек — совсем один — многое ли он может? И приходит к единственному правильному ответу: немного... Но ведь он не один...

Не один? Да как же так? Он и живет в одиночестве, которое изредка скрашивается приходом его бывшего ученика. И когда рыба потащила его лодку в открытое море, он был совершенно один... Но ведь он сам, а через него автор, упорно убеждал, что человеку нельзя быть одному, что это неправильно! Так быть не должно! Тот, кто один, тот уже проиграл, тот уже заранее обречен, тот почти что погиб... Может, именно поэтому в Советском Союзе так пропагандировали именно эту вещь Эрнеста Хемингуэя? Мол, вот, он был один — и проиграл, а вот будь он в коллективе... то... То что? То он бы скорее сам скормил себя акулам, лишь бы мясо рыбы было вовремя доставлено в порт, откуда прямиком в спецпайки и только исключительно членам Политбюро (деликатес, как-никак, это вам не килька в томате). Шучу, конечно... В Советском Союзе действительно книги Хема имели особый, просто колоссальный успех. И не только «Старик и море», но и «Острова в океане»... А также усиленно рекомендовали «По ком звонит колокол?» и «Прощай, оружие!» (в перерывах между вводами войск в соседние государства, с целью оказания интернациональной помощи угнетенным классам). Да просто Министерство образования СССР, как и члены премиальной комиссии, наградившие папашу Хема (но совсем не за то, о чем он писал), ни черта в литературе не смыслили... Я позже объясню почему. Но пока для начала вспомним: трое суток борьбы, руки в кровь, силы на исходе, кто кого измотает, возьмет измором...

Да... Старик, конечно, один. Но и Рыба — одна! Верно? А если «единица — ноль» и обязательно должен проиграть тот, кто один, то почему Старик не проиграл раньше? Он-то, в отличие от Рыбы, человек разумный... Что-что, а собственное одиночество, как и старость, а с ней и потерю былой мощи, он превосходно осознает... Да! Старый рыбак — один, хотя постоянно ведёт внутренний диалог то с мальчиком-учеником, то с рыбой, то с левой рукой, которая в любой момент может его подвести, то с морем, то с самим собой, то со всеми людьми сразу... Ему невероятно тяжело, но старик, несмотря ни на что, не сдается и умудряется вонзить ей гарпун в брюхо, привязать это огромное тело к борту и по ветру определить путь домой. Победа? Почти! Ведь именно тут, почуяв сильный запах крови, появляются акулы... и съедают его добычу, его улов, растаскивают по кусочкам всю его победу! Он одолел более сильного противника сам, в одиночку! Ибо каждый из нас, если приложит максимум усилий, способен превзойти самого себя. Человек, даже когда один (а может, именно потому, что один), подобен Его Сотворившему и поэтому всемогущ! Он — царь зверей и венец творения! Но насколько человек всесилен, настолько же он и беспомощен! Человек и мудр, и глуп, и велик, и ничтожен! И это не философия! Это жизнь! Самая что ни есть натуральная жизнь, во всем ее паскудстве! Вспомните историю, дорогие мои! Или взгляните на жизнь! На свою, на жизнь ваших близких и друзей, соотечественников... И вы обязательно увидите и поймете: воюют одни, а награду почти всегда получают другие!

Уже обессиленный противостоянием с гигантской рыбой-меч, Старик все равно, даже понимая всю безнадежность положения, все равно, как мог и сколько мог, защищал свой улов... Но много ли он мог, если стар, слаб, изранен, утомлён, безоружен и одинок! Вот мы и подбираемся к истине. Что может сделать один мощный старик, когда со всех сторон, почуяв кровь, к его добыче устремился целый и «сплоченный коллектив хищных товарищей» им же убитой большой Рыбы... А я объясню! Он возвращается назад одновременно и победителем, и проигравшим. Да, это победа, и неважно, что не осталось ни куска мяса. Он победил, хотя плодами победы ему не воспользоваться, а значит — он проиграл, и череда неудачных дней продолжает свой счёт... Хотя для Хемингуэя он победил, потому что выстоял. Он не сдался, он один сделал то, что другим не под силу совершить в паре или втроем... И он вновь доказал, что он всё ещё самый лучший. Мальчишка верил в него не напрасно... А ведь сколько раз мальчику советовали не связываться с ним, ведь тот уже слишком стар, ему вечно не везет, он уже не так хорош, как когда-то, и сети рваные, паруса в заплатах, лодка древняя... Но мальчик выбрал именно его в учителя! Почему? А потому что они одной породы! Из породы крупных хищников... И настроены они на крупную добычу... На крупные победы... Жаль только, что, скорее всего, это последняя победа Старика. Вспомните, в конце рассказа — его сон про льва. Скорее всего, сон — это смерть старика. Но его

дело будет жить в мальчике, которого он воспитал настоящим мужчиной... Родители мальчика не разрешали приходить к Старику, только тот все равно приходил, приносил ему кофе, кормил... Неудачи Старика его огорчали, но не отпугивали. Он видел, что Старик стойко переносит все тяготы и испытания и знает себе цену. У Старика за спиной была тяжелая жизнь, она была переполнена опасностями, потерями, испытаниями... А он их словно бы не замечал. Это ведь Хему принадлежат самые правильные слова о настоящих мужчинах, которых с каждым годом всё меньше и меньше: «Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет ломаться, того он убивает. Он убивает и самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки». Это Эрнест Хемингуэй. Рекомендую даже прочесть вслух этот отрывок, вслушиваясь и вдумываясь в каждое слово. Если мысленно окинуть цепким взором всю жизнь Хемингуэя, то вы сразу поймете главного героя повести «Старик и море». Раньше я думал: Старик — это стремление к победе, к цели, несмотря ни на что, «до дней последних донца»... Думал я примерно так: море — это жизнь; акулы — препятствия, которые нас поджидают на пути к победе... Но теперь я понимаю, что ошибался. А ведь прошло всего двадцать лет! А я теперь убежден на все сто, что повесть «Старик и море» — не что иное, как духовное завещание Хема, его предсмертное письмо в виде исповедальной притчи. Жизнь подходила к концу, пора было подводить итоги.

Возьмем для сравнения какой-нибудь его зрелый роман. Полноценный. Ну вот хотя бы... Вот! Его роман «Иметь или не иметь». «Иметь или не иметь» и «Старик и море» чем-то похожи. Только в «Иметь или не иметь» герой — Генри Морган — никогда не проигрывал, но и ничего от победы не получал, разве только очередную порцию неприятностей. Но в конце концов, в итоге Генри Морган умудряется остановить бандитов и сохранить деньги, правда, ценой своей жизни. В обоих произведениях вывод один: мы сильные и лучшие, мы победители, даже тогда, когда кажется, что мы повержены. Таким же хотел всегда быть, а порой и был, а иногда лишь казался таковым и сам Эрнест Хемингуэй.

Хемингуэй, как и его герои, никогда поверженным не был! Он же написал самые главные слова повести, явно выражая свою позицию: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить!» Это позиция льва — царя зверей. Хемингуэй — это лев американской литературы. Я не шучу нисколько. Хемингуэй — это лев. Он всегда хотел быть первым, чем бы ни занимался. Журналистикой? Пожалуйста! Стану репортером полицейской хроники. Буду выезжать на место преступления вместе с полицией, а то и до неё. Буду проводить собственное независимое расследование. Что еще? Нужны репортажи из самой глубины

воюющей страны? Ок! Готовьте первую полосу, господа! Я отправлюсь в самую гущу событий и достану самый горячий материал. Воевать — значит, я буду героем или погибну. А что если стать великим писателем? Нет, не просто писателем — это любой дурак сможет. Нет, не популярным, а именно великим! В общем так: писать — так лучше всех; что ни роман — шедевр... Уж таким он был! Уж таким уродился!

Лев, он и в Африке лев. А кто главные противники льва? Подлые, ничтожные гиены. У льва же всего две миссии: расширять и охранять территорию, оплодотворяя самок, которых должно быть как можно больше, и продолжать свой род. Все! У настоящих львов ведь как? Охотой занимаются самки, но часто бывает так, что львицы поймали добычу — папы еще нет, а тут вдруг — откуда ни возьмись — чертовы гиены, штук двадцать. Они подлые, хитрые и достаточно сильные. Единственный, кого они боятся, — это лев. Если папа, он же царь, он же лев, вовремя не подоспеет, гиены легко могут отвоевать добычу у львиц. Если царь подоспел, то порой одного его рыка достаточно, чтобы гиены кинулись врассыпную. И тем не менее запомните: старея, лев теряет силу. А теряя силу, теряет всё: самок, территорию, влияние... Хем любил охоту, изучал повадки зверей. Возможно, он знал то, что я лишь совсем недавно понял, а именно: на львиную долю всегда претендуют гиены.

Да, Хем всегда хотел быть львом... Вероятно, лев был его тотемным животным...

Отсюда и его неудержимое кошачье увлечение женским полом. Будь его воля и не столь горячо защищающие нравственность и нормы приличия законы Америки — то наверняка завел бы себе гарем... То есть прайд... Впрочем, он и так: расставался с одной, почти тут же женился на другой и при этом был увлечен третьей. Официально он был женат четыре раза. Наверное, Хем не мог писать без женщин, он писал и посвящал им свои романы. Так что женщины его вдохновляли! Но я, хоть и уважаю творчество Хемингуэя, идеализировать его не стану. Вряд ли женщины, попадающие к нему в постель, проникали ему в душу. Не зря он когда-то написал: «Я знал многих женщин, но всегда оставался одиноким, бывая с ними, а это — худшее одиночество!»

И вот мы стремительно приближаемся к финалу. А из глубины моря повествования вновь всплывает тема одиночества, что, само собой, не случайно! Вы, наверное, догадались, к чему я клоню? Мне кажется вполне реально — если не доказать, то хотя бы предположить, — что «Старик и море», как ни крути, Хемингуэй написал о себе! А что? Всё сходится! Уж чересчур активно он отвергал в этой лучшей своей повести наличие некой притчи!

Попробуем пофантазировать, не более. Итак! Старик — Хем, открытое море — литература, Большая Рыба — его роман, а чертовы акулы — литературные критики и журналисты, раскритиковавшие его лучшую книгу в пух и прах... Особенно если вспомнить, как он упорно доказывал, что море имеет не средний род, и ни в коем случае не мужской... Море — женщина! Литера-

тура! И когда он понял, что кризис затянулся, он ушел далеко-далеко в море, а ведь раньше, как все, рыбачил спокойно у берега, поближе к людям… А тут отплыл далеко, а рыба потащила его ещё дальше….

Вот вам отрывок из повести. Прочтите, заменяя слово «море» словами «проза» или «литература», а слово «рыбаки» — словом «писатели». Сразу же истина откроет вам свои жаркие объятия! И вам останется только либо пойти этим объятиям навстречу, либо увернуться от них, так как вы предпочитаете всё подвергать сомнению. Я приму любой ваш выбор! Я ведь и сам пока в процессе работы. И не могу знать заранее, чем увенчается мое расследование. Но фрагмент о море предоставлю непременно: «Мысленно он всегда звал море la mar, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буями вместо поплавков для своих снастей и ходят на моторных лодках, купленных в те дни, когда акулья печенка была в большой цене, называют море el mar, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки — что поделаешь, такова уж ее природа. «Луна волнует море, как женщину», — думал старик». Ну разве вы не слышите, о чем на самом деле идет речь?

Однако же стоп! Не всё так идеально укладывается в стройный ряд моей безумной теории. А мальчик? Мальчик тогда кто? Кто он, тот, кто смотрел на него с восхищением, кому он передавал свой опыт… Что-то никого конкретно я не помню из его биографии?

Тут у меня всего два предположения…

Первое: «да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было…» Не зря же сам Сантьяго, думая о нем, только лишь раз назвал его по имени. «Писатель, если он хорошо трудится, невольно воспитывает многих своих читателей», — эти слова принадлежат Хемингуэю. А конкретного ученика у него никогда не было. Только в его воображении. Я же говорю: абсолютное одиночество… Выдумал он себе ученика. Нафантазировал…

Второе: этот мальчик из далекого прошлого самого Хема… Это он сам, верный мечте, прислушивающийся к своим предчувствиям, верящий слепо, без каких-либо доказательств, без гарантий и без колебаний в то, что пройдет весь путь, пройденный стариком, станет великим мастером, легендой… И никто его не остановит. Никто не отговорит и не собьёт с пути, даже родная мать.

Мать совершенно иначе хотела распорядиться его судьбой. Но он не желал, как его отец, находиться у неё под каблуком. Та всю жизнь помыкала отцом, винила мужа в том, что из-за него она пожертвовала карьерой. Словом, трепала ему нервы и полжизни только тем и занималась, что с истинным аристократизмом элегантно выедала ему мозг маленькой серебряной

ложечкой. Его мать стала не последней причиной глобального разочарования отца в жизни. А может, и самой главной причиной его нервного срыва, приведшего и к самоубийству. Эрнест любил отца. А вот мать он ненавидел. Она сама виновата. Как и отца, мать частенько критиковала Эрнеста, а тот не терпел никакой критики. Он старался с ней не пересекаться. Поэтому в семнадцать лет он покидает дом, путешествует по миру, затем отправляется на войну, а вернувшись из госпиталя после тяжелого ранения, против согласия матери, практически назло ей, женится… Хотя не исключаю, что таким образом он лишь скрывал свою латентную любовь к ней, через чересчур явную и ярко выраженную агрессию. И такое бывает. Но она умела доставать его и на расстоянии. К примеру, после смерти отца мать прислала сыну ружье, из которого отец застрелился, сопроводив свой подарок глупой запиской: «Чтобы ты помнил, как жить нельзя!» Он не жалел оскорблений в её адрес. Но как только мама умерла, у Хема началась депрессия. Это лишь подтверждает мою теорию латентной любви. Раньше ему было кому доказывать, что он лучше, чем о нём думают, доказывать, что он никогда не станет таким, как отец. Но теперь уже некого в чем-то убеждать: мать умерла, а миру он уже все доказал. И вот он уже замечает признаки старости, усталости, тоски… Предпоследняя книга старика вызвала море негатива у критиков: мол, сдулся Хем, повторяется! Всё, как он предсказал. Его одолевают приступы паранойи и депрессии. Он страдает манией преследования, и не без оснований. По этому поводу есть шутка: «Может, у меня и паранойя, но это не значит, что за мной не следят». ФБР действительно следило за писателем: это был период холодной войны, а он — личность крупного калибра, к тому же коммунист, живет на Кубе, дружит с Фиделем Кастро. Им важно, о чем будет следующая книга, с кем встретится, что скажет. Хемингуэй подозревал всех, даже свою жену, в сотрудничестве с ФБР. Он понимал, что болен, его уговорили пройти курс лечения. Накануне отъезда в Америку Хемингуэй, прощаясь со своим садовником, многие годы проработавшим у него на вилле, сказал: «Хосе, я много раз прощался с тобой, уезжал, но потом возвращался. Вернусь ли я на этот раз? Не знаю. Я чувствую, что болен, и не думаю, что это долго продлится. Врачи на Кубе не знают, что со мной. Животные и люди не должны умирать долго и причинять страдания другим, и их самих нельзя обрекать на страдания».

Лечение не помогло. Болезнь набирала обороты, а после принудительного лечения, страшного лечения, так называемой электросудорожной терапии (его били током), он потерял возможность сосредотачиваться на работе. Он более не может писать… Это практически смертный приговор. Жить более незачем. Лев, не способный добывать себе пищу, уходит из прайда, затем его охватывает апатия и вскоре он умирает. Но это в животном мире, а в человеческом тебе так просто уйти не дают. А зачем его мучить жизнью? Ведь он, альфа-самец, всю жизнь стремился к совершенству.

Вы только представьте себе человека, который постоянно, без устали, всю свою жизнь создавал образ сильного мужчины-победителя, который для него важнее всего! Вот такой он человек. Это надо понимать! Хем никогда не допустит проигрыша. Это его главная жизненная установка. А тут ему за шестьдесят... Силы не те... Роман «За рекой, в тени деревьев» раскритикован. Сжав зубы, он пишет «Острова в океане» и «Праздник, который всегда с тобой». НО ЭТО ВСЁ ДАЕТСЯ ОГРОМНЫМ УСИЛИЕМ ВОЛИ. Пишет он с трудом, очень медленно, буквально по строчке в день. Эти последние романы казались ему на редкость слабыми, хотя это прекрасные произведения. Они опубликованы уже после его смерти, кажется вдовой. Он более не мужчина. Не воин. А теперь и не писатель уже. Это было началом конца. Думаю, Хем хотел вовремя уйти со сцены — он же герой: воевал, боксировал, рыб громадных ловил... ЕГО ЗНАЮТ ВО ВСЁМ МИРЕ, ОН УЖЕ ВОШЕЛ В ИСТОРИЮ, он лауреат Нобелевской премии, у него есть всё: есть слава, есть деньги, куча детей, бездна почитателей — он добыл это сам! И... теперь всё... Все и возможные, и невозможные — словом, всевозможные цели достигнуты, жизненная система завершена, задача выполнена. Зачем дальше жить? Надо уметь уходить вовремя. Он же написал в повести «Старик и море»: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить», — это и было главным в философии жизни Хемингуэя.

О том, что после его самоубийства люди и пресса будут распускать порочащие его имя сплетни, он, конечно, не думал. Он просто хотел уйти достойно и быстро.

Так было нужно! И я его понимаю. Со сцены жизни и из профессии надо уходить вовремя. Смотрите, полмира обожало Жерара Депардье, а теперь мы видим рыхлую тушу, которая все время пьет и позорит некогда сильный образ. Хем такого не допустил бы. Он говорил: «Работа — лучшее лекарство от всех бед». Но работа не шла... А других лекарств Хемингуэй не признавал.

И напоследок ещё раз, для закрепления, вместо эпилога или в качестве вишенки на торте — превосходная цитата из повести «Старик и море»:

«А как легко становится, когда ты побежден! — подумал он. — Я и не знал, что это так легко... Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя...

— Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море».

И покорил это море! Стал его... Ох, простите... Для него оно женского рода. Тогда так. Стал её властелином! Ведь он царь морей и океанов, превзошедший кумира своей юности — морского волка Джека Лондона. Он — Эрнест Хемингуэй — МОРСКОЙ ЛЕВ ЛИТЕРАТУРЫ!

Ноябрь 2015 — 13 марта 2016 г.
Киев

Сергей КОРОБОВ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

К 75-летию начала Великой Отечественной войны

Недавно в пензенской типографии «КОПИ — РИЗО» была отпечатана и вышла в свет повесть Николая Ивановича Масленникова «Там, далеко за горизонтом». Ее автор, наш земляк, родился 2 января 1915 года в селе Варыпаево Пензенской области.

Советский офицер, участник Великой Отечественной войны, 13 мая 1942 года при обороне Крыма под Керчью был ранен и попал в немецкий плен. Прошел восемь кругов ада, побывал в восьми немецких концлагерях. Дважды бежал из них, был приговорен к смерти, но выжил и добрался до своих.

В своей повести «Там, далеко за горизонтом» он рассказывает о своих друзьях-подпольщиках, с которыми находился в концлагере Освенцим — Бжезинка, о своих встречах с легендарным генерал-лейтенантом Дмитрием Михайловичем Карбышевым. О том, как узники-подпольщики вели в гитлеровских застенках антифашистскую борьбу, вселяя в сердца военнопленных веру в победу над злейшим врагом.

Сегодня, в год 75-летия памятной трагической даты со дня начала Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, бесценные строки его повести особенно актуальны. Они помогают молодежи еще больше узнать о тяжелых военных годах и открыть новые имена наших малоизвестных земляков.

Повесть опубликована впервые, так как после войны ее автор проживал с семьей в Ставрополе, затем в Пятигорске, где скончался 15 августа 1986 года.

За активное участие в подполье и борьбе против фашистских извергов правительством Советского Союза наш земляк был представлен к ордену Красной Звезды.

Николай Иванович не раз бывал в Пензе и на своей малой родине — в селе Варыпаево. Встречался с односельчанами, где в один

Н.И. Масленников

Н.И. Масленников. 1941 г.

из приездов оставил на память свою рукопись «Там, далеко за горизонтом» и подарил сельской школе свою книгу «Смерть победившие» с дарственной надписью.

И в повести, и в книге он не только рассказывает о войне и зверствах в фашистских концлагерях, но и с теплотой и любовью вспоминает о своем родном крае.

Надеюсь, что повесть Николая Ивановича Масленникова «Там, далеко за горизонтом» займет достойное место на книжных полках библиотек города Пензы и Пензенской области. Верю в то, что повесть будут читать и помнить о ней, чтобы глубже знать историю страны и родной пензенской земли...

Ксения МОСИНА

О ЧУДЕ

Стихи

* * *

Что бы ни случилось,
береги своего внутреннего кота,
Радуй его углеводами и музыкой на весь дом.
Что есть Чапаев, и что есть его пустота?
Этот вопрос кот разберёт, но разберёт потом.
Если ты смотришь на мир через щёлку,
Тот сузится до размеров коробки с обоями.
О море кот узнаёт через книжную полку,
О чуде — из комиксов с супергероями.
Не вырастай из прогулок по деревянной пасеке,
По медовым задворкам и прополисовым гаражам.
Пялься в окна сталинок
и играй с малышнёй в классики,
Говори с незнакомцем и доверяй ершам.

* * *

Я — инородное тело в бледно-морском ландшафте
места, где льды-альбиносы греют друг другу лбы.
Некому плыть по следу, некому быть на вахте,
Есть только тот, кто вынет помощь из кобуры.
Поры мои открыты, веки мои снаружи,
Пальцы готовы слышать треск тишины воды.
Выстрел. И я выпадаю порохом алых кружев
Там, где все карты биты и спутаны все следы.

* * *

Все девочки изначально не на Земле, а над —
Каждая при рождении получает свой личный шар.

И, с шара смотря на мир, пьёт солнечный лимонад,
Ест ложкой столовой жизнь и взращивает свой дар.
Но время идёт, и шар сутулится и кубится,
И видно с него не так далеко, и звёзд уже не погладить.
Внизу тебя ждет шерстяная Земля,
где требуется заземлиться,
Где хочется кушать, реветь и спать, и иногда нагадить.
Стало быть, лучше подумать о том, что тебя здесь нет —
Ты занимаешься ловлей шмелей на астрах своих ладоней.
Шар точно знает, когда подойти, он подберёт момент,
Ты заберёшься, ботинки сняв, и вас никто не догонит.

* * *

И каково тебе — сидеть в этом доме
и чувствовать целый мир,
Чувствовать тех, у кого в голове море, друзья и Крым?
Чувствовать мальчика в комнате
с компасом, атласом и маяком,
Чувствовать бабушкину рассаду, убитую сквозняком?
Выйдя на улицу, чувствовать магию вовсе не этих мест,
А ощущать под ногами песок или снега окрест.
Хочется плакать во имя минуты или прижаться к земле —
Так понимаешь: ты жив в этом мире, а мир — в тебе.

* * *

Я знаю, что там, где кончается море, живёт полосатый кит,
Он светится тёплым оранжевым светом и вечные тайны хранит.
Устало он смотрит на звёздное небо,
не сводит с него зрачков
И слышит, как лязгает тёмное море, целуя морских рачков.
Мне он сказал: «Приходи завтра утром и оставайся тут,
Незачем больше в чём-то тебе сомневаться
и поступать в институт».
Я собрала для кита земляники, книги взяла с собой,
Мы уплывём и со временем станем зелёной водой.

ПУСТОШЬ

Зимняя пустошь, где ветер по волосам
Гладит тебя, как не гладил никто другой,
Треплет загривок, щекочет твои полюса —
Твой северный, южный (матово-ледяной).

Под чёрным пальто — трепет крыльев, дыханья жар.
Под ногами колотится поезда мерный шаг.
Ты приходишь сюда, когда стих в голове пожар,
Ты приходишь сюда, когда спущен победы флаг.
……
Возвращаясь домой к жёлтой кухне и чайным делам,
Загляните в почтовый (знакомый второй пролёт).
Это пустошь прислала открытку, что рада вам,
Что целует в макушку и у себя ждёт.

* * *

Голос не дрогнет. Листья напишут
имя твоё на воде,
Месяц, умытый рожками, ловит его
и не может поймать.
Только бы слиться с именем этим
в вечной его мерзлоте,
Льды его звуков и отзвуков песню
в горячей груди сплавлять.
Синему морю отдать свою радость,
залезть с головой в песок,
Рыть в нём ходы, чтобы точно нащупать
место, где прячется страх.
Взять его на руки. Ласковый, добрый,
он тычется мордой в висок
И повторяет: «Рассвет будет долгим.
Всех благ, всех благ…»

* * *

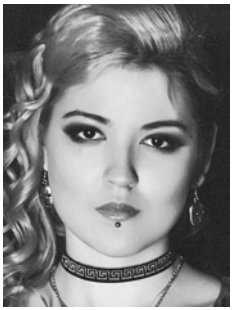
Волна-белошвейка наложит швы на берега тело.
Белый лебедь выклюет, выжует то,
что жизнь изжить из тебя хотела.
Руку мою держи, наше с тобою дело
ясное — друг друга любить.
Наше с тобою дело — блеск воды на узлах позвоночника
Расценить
Как мгновение вечности, многоточности,
Перекрёстка дорог и факта отладки связи.
Наше с тобой настоящее тянется от Невы до Яузы
Линией электропередач
и письмами в электронном ящике.

* * *

Иди
по нежному побережью,
ступай бережно,
ночь на руках неся.
Иди,
пока не спугнули рассветом,
читай ей русских поэтов,
рассказывай, что нельзя.
Она
разделит с тобою дом твой,
крышу над головою,
тишь ледяного дня.
Она
не знает твоих приколов,
но к сердцу её приколота
лёгкая тень твоя.

* * *

Что же там, за высокой травой, за водонапорной башней?
Может быть, там стоит постовой, охраняя сонные пашни?
Может быть, там военная часть или «зона», как у Стругацких,
Или дом твой, где ты, смеясь, смотришь фильмы Полански?
Я сегодня туда пойду и узнаю точно.
Есть там ты или нет, станет ясно мне этой ночью.
А пока я смотрю на звёзды и жду сигнала,
Но сигнала всё нет. Наверное, связь пропала.



Анастасия УСТИНОВА

В ПРИЦЕЛЕ ЛЮБВИ

Стихи

* * *

Азарт закипает в жилах.
Звон стали гудит в тебе.
Я больше уже не в силах
Твоей угождать судьбе.

Твоя не нужна мне милость!..
Я, как никогда, сильна.
Когда б пред тобой склонилась,
Кому б я была нужна?

Один из нас должен выжить.
Но я же тебе не враг:
Тебе позволяю вырвать
Победу, ныряя во мрак.

Ты вряд ли меня забудешь.
Себя победивший, живи!
Но вряд ли ты счастлив будешь,
Попавший в прицел любви.

СУДЬБА ПОЭТА

Михаилу Корюкову

Поэтам суждено гореть,
Искриться, как протуберанцы.
Нет, мне не страшно умереть,
А страшно мне с тобой расстаться.

Поэта слово прогремит,
И пусть же, как нобелиаты,
Мы совершим в Стокгольм визит,
О чём мечтали мы когда-то.

Что жизнь поэта без мечты?
Она одна согреет сердце.
Но главное: есть я и ты.
Куда нам друг от друга деться?

Мы будем между звёзд бродить
По галактическим осколкам.
Урал не может не любить
Свою единственную Волгу!

* * *

Мой друг, ты сегодня уйдешь навсегда, наверно.
Вот полночь пробьёт, и закончится наша игра.
И станет совсем не опасна житейская скверна,
Когда настаёт, как расплата, печальных прозрений пора.
И пусть я тебя ненавидел — отныне не скрою, —
Поверь, о потере тебя я сейчас сожалею.
Ты был виртуальной эпохи типичным героем,
Хоть дружба нас делает хлипче, слезливей, глупее.
Порой не спасает от дружбы проклятый обычай
Не быть, но казаться елейно-сусальным.
Так терпкая ненависть с чистой любовью граничит
Немыслимо, странно, причудливо, парадоксально.
Напрасно ты, словно убийце, доверился другу.
Убийца тебя пожалел бы, а друг улыбнётся,
Ступив, как палач, за периметр вещего круга,
Где ненависть страстной любовью порою зовётся.

* * *

Два гения Серебряного века,
Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали, что есть человек
В мятущейся растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.

Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен.

Пусть кудри одного подобны злату,
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое, столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

* * *

А вы стояли на краю обрыва,
Где каждый вспоминает о своём?..
Осенний день — тоскливый и дождливый.
Листва вокруг, гори она огнём…

Ах, листья, листья, что огнём горите?
Кто, инфернальный, взором вас прожёг?
Кто профессиональный искуситель
И совершил змеиный свой бросок?

Кто этот демон, властный надо мною,
Плеснул в бокал кровавое вино?..
Кто соблазнил, как яблоком, мечтою?..
Плевать, что вместе быть не суждено.

Бедою мне не быть! Вернусь с победой!…
Бесчестия не надо? Будь в чести!
Грешить боишься? Значит, исповедуй.
Моим не будешь. Значит, отпусти…

* * *

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет…
Ты навсегда ушёл… И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет
С небес, как снег, летит, крылат и светел.
О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?

Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе.
За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали,
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.
И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

* * *

На кафедре так тихо и просторно.
А на душе печально и протяжно.
Я захожу к нему с улыбкой вздорной
И говорю невнятно о неважном.
Меня любовь к нему грызёт и греет.
Он тоже рад, хотя смущён немного.
Когда же наконец он осмелеет —
Его смущенье выглядит жестоко!
Я напоследок снова выдам колкость.
Он снова улыбнётся виновато
И снова не поверит мне нисколько,
Что я пришла не ради реферата…

ВА-БАНК

Я с жизнью играю ва-банк.
Ведь я осознала не вдруг,
Что каждый завистливый — враг,
А враг — это лучше, чем друг.

Любимый ступил на порог
И стал испытаньем меня.
Зато научить меня смог
Быть льдиной в объятьях огня.

Мой друг, ты меня насмешил
И сам себе нынче не рад…
Ты стать мне врагом поспешил,
Быть другом страшнее в сто крат.

* * *

Мне в гордом городе на Волге
Дана волшебная юдоль.
Да не гляди в глаза мне колко!
Ты для меня теперь не ноль.

Величина со знаком минус,
Ты плюсами не обрастёшь.
Пусть даже три столетья минет,
Другую ты не обретёшь.

В потёртой рокерской кожанке
Я рассекаю в Запанском
И, как заправская волжанка,
Кляну, любя, родимый дом.

Вчера приметили на Стошке
Девчонку, схожую со мной.
И каждой подзаборной кошке
В Зубчаге стала я родной.

В моём смятенье скрыта сила,
Так виски сладковат на вкус.
И в инстаграм я загрузила
Сто фоток про любимый вуз.

А в чём же мой секрет веселья?
Живу в печали, не скорбя:
Одной ноябрьскою метелью
Мне город подарил тебя.

С таким подарком небо глубже,
И выше чаек хоровод,
И в каждой непролазной луже
Я вижу солнечный восход.

Роман ДАВЫДОВ

«РУСЬ ЕДИНАЯ»

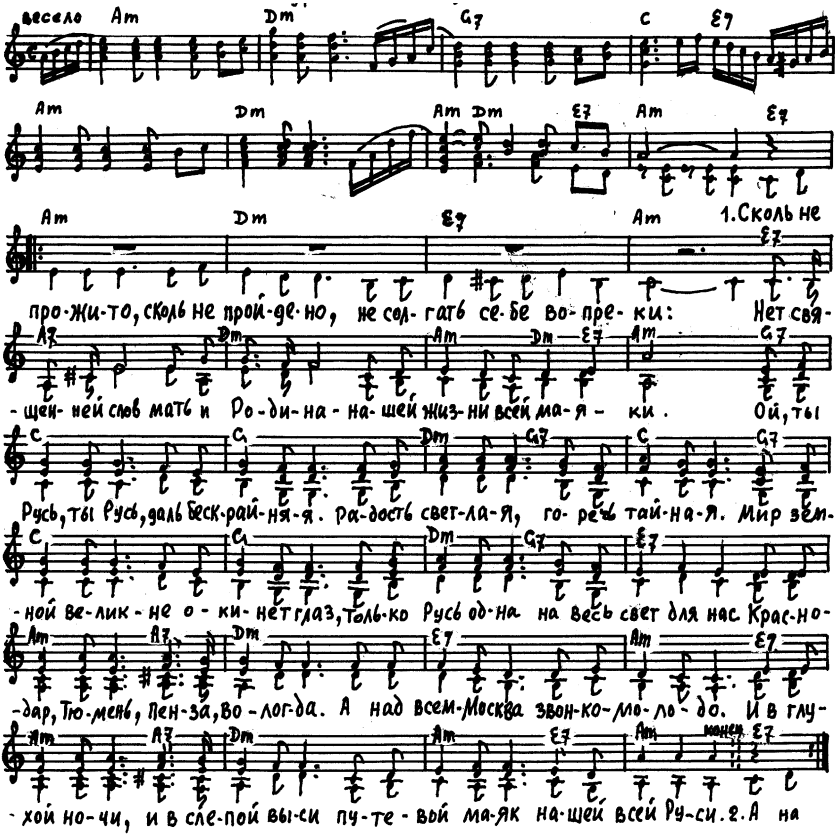
По-разному складываются творческие контакты песенников-композиторов и поэтов. Вот, например, Виктор Клименко несколько лет работал в Кузнецке, успешно руководил русским народным хором обувщиков. Во втором по величине городе Пензенской области он и познакомился с Геннадием Штурминым, поэзия которого сразу запала ему в душу.

— Я неоднократно пытался писать песни на стихи Геннадия Владимировича, — вспоминает музыкант. — Но, признаться, получалось слабо — видимо, не хватало композиторского опыта. И вот спустя десятилетие меня, что называется, прорвало.

В это время Виктор Иванович уже давно и, как всегда, вдохновенно возглавлял прославленный хор имени Октября Гришина. В расчете на этот коллектив и возникли одна за другой песни на тексты Г. Штурмина: «Не ходи, не гляди...», «Белые березы», «Русь единая» и масштабная «Кузнецкая цокотолечка» — композиция, в которой на равных действуют все составляющие: солисты, хор и танцоры.

В настоящее время, когда Виктор Иванович официально не является лидером Гришинского хора, ему осталась верной солистка Раиса Морозова. По-прежнему сотрудничает с ним руководитель популярной «Вольницы» Вячеслав Гуляевский. А недавняя учеба В. Клименко в Самарской академии культуры и искусств сдружила его с тамошним ансамблем «Добро», который так же активно пропагандирует сочинения талантливого пензенца.

Недавно он подготовил к печати второй сборник собственных песен (первый вышел аж в 2001 году). Как всегда, даже ноты в партии аккомпанемента выписаны весьма продуманно. А мелодическая щедрость музыки Виктора Клименко позволит воспользоваться самым различным певческим индивидуальностям.



РУСЬ ЕДИНАЯ

Слова Г. Штурмина
Музыка В. Клименко

1. Сколь ни прожито, сколь ни пройдено,
Не солгать себе вопреки:
Нет священней слов «мать» и «Родина» —
Нашей жизни всей маяки.
Ой ты, Русь, ты, Русь — даль бескрайняя,
Радость светлая, горечь тайная.
Мир земной велик — не окинет глаз,
Только Русь одна на весь свет для нас.

Краснодар, Тюмень, Пенза, Вологда.
А над всем — Москва звонко-молодо:
И в глухой ночи, и в слепой выси
Путевой маяк нашей всей Руси.

2. А на той земле-всевладычице
Уголок для нас есть другой.
Малой родиной край тот кличется —
Самый светлый край, дорогой.
Наровчат, Кузнецк, Исса, Каменка
И для всех для нас Пенза-маменька —
От Руси большой кроха малая,
Края Сурского зорька алая.
Пенза, Пенза-град, город-ласточка,
Над Сурой к горе тёплой ластится,
Зорькой алою в рань окрашена —
Маячок родной края нашего.

3. Так и водится в жизни исстари
И останется навсегда:
Ручейками мы льёмся быстрыми,
А сзывает нас всех река.
Ой, Сура, Сура, дочка-реченька,
Ты бежишь-спешишь в даль-далеченько,
По лесам, полям да по камушкам —
Ждёт-зовёт тебя Волга-матушка.
А она бежит к морю синему
— Так сливаемся мы с Россиею.
Богу милая. Им хранимая.
Испокон веков Русь единая!

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостиный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

БУНИН Алексей Александрович. Родился в 1975 году в рабочем поселке Мокшан. Окончил исторический факультет Пензенского государственного университета. Получив профессию учителя, вернулся работать в родную школу № 2. В настоящее время учитель истории и обществознания высшей категории. Увлекается историческим краеведением. В «Суре» публикуется впервые.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органных и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

ЗОТКИНА Анастасия Сергеевна. Родилась в 1998 году в рабочем поселке Мокшан. Проживает в с. Богородское Мокшанского района. Выпускница МБОУ СОШ № 2 им. А.Г. Малышкина. Является призером всероссийских олимпиад по русскому языку и литературе. ЕГЭ по русскому языку сдала на 100 баллов. Планирует стать филологом. В «Суре» публикуется впервые.

ИНЮШКИН Николай Михайлович. Родился в 1936 г. в Пензе. Культуролог, эстетик, краевед, журналист. Автор книги «Провинциальная культура: природа, типология, феномены». Автор книг, киносценариев, пьес об истории и культуре пензенского края.

Один из разработчиков (в сотрудничестве с К.Д. Вишневским) комплексной программы «От культуры края — к культуре мира», осуществляемой в Пензенской губернии. Доктор философских наук, профессор. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

КАМИНСКИЙ Семён. Родился в 1954 году в Днепропетровске. Образование высшее техническое и среднее музыкальное. Прозаик, журналист, член Международной федерации русских писателей и Объединения русских литераторов Америки. В настоящее время живёт в Чикаго. Публиковался в периодических изданиях в России, Украине, США, Канаде, Израиле, Германии, Финляндии, Дании и Латвии, в том числе в журналах «День и ночь», «Северная Аврора», «LiteraruS», «Ковчег», «Время и место», «Сура», «Edita», «Веси», «Новый берег», «Южная звезда», «Побережье» и многих других. Автор книг: «Орлёнок на американском газоне»: Рассказы и очерки (Insignificant Books, Чикаго, 2009); «На троих»: Сборник рассказов (в соавторстве с В. Хохлевым, А. Рабодзеенко; Insignificant Books, Чикаго — СПб., 2010); «30 минут до центра Чикаго». Рассказы — М.: Вест-Консалтинг, 2012. Редактор-составитель литературного раздела еженедельника «Обзор» (Чикаго), член редколлегии газеты «Наша Канада» (Торонто).

КАН Диана Елисеевна. Живет в Самарской области. Автор поэтических книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Обречённые на славу», «Покуда говорю я о любви», «Звёзды окликая», а также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Член редакционных советов ряда журналов и альманахов России. Руководитель народного литобъединения «Отчий Дом» в г. Новокуйбышевске Самарской области. Дважды лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник» за циклы стихотворений. Дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, проводимого журналом «Молодая гвардия». Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» 2002 года за серию публикаций стихов о России высокого гражданского звучания. Член Союза писателей России.

КОРОБОВ Сергей Александрович. Родился в 1958 году в Пензе. Окончил Саратовский государственный университет по специальности «историк» (заочно) и Российскую академию управления по специальности «экономика и управление» (очно). Был одним из тех,

кто готовил материалы для открытия музея В.О. Ключевского в Пензе. Публиковался в периодической печати. Депутат Государственной думы РФ первого созыва. Один из разработчиков ФЗ «О континентальном шельфе», «О государственной границе РФ», «О восстановлении поста № 1 возле Кремлевской стены». Имеет благодарность Президента РФ за становление парламентаризма в России. Участник клубов «Поющие поэты» и «Я сень» при литературном журнале «Сура». Лауреат III фестиваля авторской песни «Часовые любви». В «Суре» публикуется впервые.

КУРИЛКО Алексей Леонидович. Родился в 1976 г. Писатель, радиоведущий. С 2001 г. публикуется в отечественной и зарубежной литературной периодике: «Радуга», «Нева»,«Крещатик», «Литературная Россия», «Эдита», «Нева», «Зарубежные задворки» и др. Автор пяти книг: «Волчья любовь», «Долгая дорога в ад», «Все женщины продаются», «Бег по жизни», «Подарок для»... В 2010 году получил Русскую премию за повесть «Сборище неудачников». В 2012 году получил Гоголевскую премию за повесть «В поисках золотого тельца».

МАРКОВИЧ Яков Семенович. Родился в 1941 г. Окончил МГУ, защитился в ИМЛИ. Публиковался в «Дружбе народов», «Литературной учёбе», «Литературной России» и в некоторых других периодических изданиях. Член СП России. В «Суре» публикуется впервые.

МАРТЫШИНА Анна Валерьевна. Родилась в 1989 г. в селе Ртищево Вадинского района Пензенской области. Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. В.Г. Белинского. Публиковалась в журналах «Сура», «Edita» (№ 3 (41) 2010), «Вокзал» (№ 4 2012), сборниках стихов «Дым интуиции» (2010), «Реванш» (2012), «Реванш-2», сборнике стихотворений и рассказов «Четверги» (2013), «Лунная пасека» (2013), литературно-художественном альманахе «Береста» (2010). Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет» (2009), фестиваля «Пальма и Орфей» (г. Саранск), премии «Под Лермонтовской звездой». Участник поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура».

МОСИНА Ксения Станиславовна. Родилась в 1996 г. в Пензе. Окончила музыкальную школу по классу фортепиано, обучается в Санкт-Петербургском университете ИТМО. Дипломант IX Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри-2012»,

областного молодёжного фестиваля «В Ритме Солнца» (2013). Печаталась в сборниках стихотворений «Четверги» (Пенза), «Лунная пасека» (Прага), литературных журналах «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Молодёжная волна» (Самара), юбилейном сборнике «Пенза в поэзии. 350-летию Пензы посвящается» (Пенза), соавтор сборника стихотворений «Песни форели» (Пенза).

МУРАШОВ Дмитрий Юрьевич. Родился в 1971 г. в селе Беково Бековского района Пензенской области. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Кандидат исторических наук. Ученый секретарь Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Автор книг: «Заречный: из глубины веков» (2005), «Первая Лермонтовская» (2012), «Забытое имя: Валериан Волжин» (2013), «Лермонтовка: советский формат» (2014), «Декабристы-пензяки» (2015), статей по историческому и литературному краеведению, истории России XIX — XX вв. Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2014).

ПЕРЕЛЬРОЙЗЕН Евгений Зусьевич. Родился в 1954 году на Украине (г. Гайсин, Винничина). В 1967 году переехал с родителями в Россию (г. Пенза). Доктор наук (1982 г., Рижский технический университет). В 1976 — 1996 гг. работал в пензенских НИИ и вузах, доцент. В 1996 г. уехал в Израиль, где и проживает по сей день: Герцелия (1996 —2009), Хайфа (с 2009). Почти 20 лет преподает в различных университетах и колледжах Израиля. Около сотни опубликованных книг и статей в области тестирования и моделирования компьютерных систем. В настоящее время круг интересов резко меняется: теперь это исследование жизни и смерти Рауля Валленберга. По этой теме публикует статьи в интернет-изданиях «Континент» и «Новый Континент» (Чикаго, Илллинойс, США). Основные статьи: «Сердце Рауля Валленберга», «Он считал себя врачом...», «Шведские эсдеки: очарование зла?», «3 из 36», «Как семья фон Дардель почти 70 лет искала своего сына и брата — Рауля Валленберга». В «Суре» публикуется впервые.

ПРИЛЕПИН Захар (Евгений Николаевич Лавлинский). Родился в 1975 году в деревне Ильинка Рязанской области. Окончил филологический факультет Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Автор романов «Патологии» (2003), «Санькя» (2006), «Черная обезьяна» (2012) и сборников рассказов «Грех» (2006), «Ботинки, полные горячей водки. Пацанские рассказы» (2007). В серии

«ЖЗЛ» в 2010 году вышла книга З. Прилепина «Леонид Леонов. Его игра была огромна». В 2014 году роман «Обитель» был удостоен премии «Большая книга».

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1958 году в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. В 1980 г. окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 г. в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Молодая гвардия», «Нижегородская провинция», «Простор», в «Литературной газете». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2009), международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» (2010), лауреат премии конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» (2011). Член Союза писателей России. Член общественного совета журнала «Сура».

УСТИНОВА Анастасия Валентиновна. Родилась в 1995 году в Оренбурге. Студентка факультета документоведения Самарского государственного института культуры и искусства. Автор двух книг стихов и прозы — «Я иду по солнечному лугу» (Самара, 2013 г.), «Стерва, или Эпоха по имени Люська» (Санкт-Петербург, 2014 г.). Публиковалась в изданиях России: журналах «Гостиный Двор» (Оренбург), «Русское эхо», «Молодёжная волна» (Самара), «Арина» (Нижний Новгород), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), в «Независимой газете» и др. Лауреат литературных премий «Чаша Бытия», «Роза ветров». Руководитель народного литобъединения «Отчий Дом» Самарского отделения Союза писателей России. Живёт в Самарской области. В «Суре» публикуется впервые.

ЧЕБАЛИНА (ЛЫЧАГИНА) Елена Геннадьевна. Родилась в 1984 г. в Баку. Окончила факультет вычислительной техники ПГУ и магистратуру по направлению «Экономика» Всемирного технологического института (ВТУ). Автор книг «Шахматы» (2004) и «Веретено»

(2015). Автор публикаций в книгах «Молодая пензенская поэзия» (2007), «Дом на четыре окна» (2008), публиковалась в коллективных сборниках «Я стихи выпускаю в небо», «Реванш», альманахах «Берега», «Четверги». Лауреат премии губернатора Пензенской области (2012), Всероссийского открытого поэтического фестиваля «Мцыри» (2007), областного конкурса им. А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (2005), дипломант Всероссийского поэтического конкурса в рамках Пушкинского молодёжного фестиваля искусств «С веком наравне» (2004 г., 2005 г.), по итогам которого стихи были опубликованы в журнале «Современники». Участник поэтических клубов «Берега» и «Поющие поэты» при журнале «Сура». Лауреат литературной премии журнала «Сура» «Под Лермонтовской звездой». Лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова (2016).

ШВАРЁВ Василий Николаевич. Родился в 1954 году в селе Новая Толковка Пачелмского р-на Пензенской области. Окончил Пензенское художественное училище им. Савицкого. Преподавал в художественной школе. Печатался в журнале «Сура», сборниках Приволжского издательства. Лауреат ежегодного конкурса писателей Поволжья (1986). Проживает в Сердобске.

Учредитель и издатель:
ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Д.Н. ЖАТКИН, Н.М. ИНЮШКИН, С.В. КАЗАКОВ, А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА, А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, Е.Г. ЧЕБАЛИНА, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ, Ю.А. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ, В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор
Борис Владиленович ШИГИН

Р е д а к ц и я:
Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009, выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20
Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а
Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (**http://liblermont.ru**)
Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор), lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), ngml@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)
Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 29.06.2016 года. Подписано в печать 29.07.2016 года. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14. Заказ № 711. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в АО «Областной издательский центр».
Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Кирова, 65/2. Тел. 52-06-64, e-mail: Oblizdat@yandex.ru